

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 1 (14) 2022

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Дзидзов Руслан Мухарбекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Долива-Клепацкая Анна, доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет, г. Белосток, Республика Польша

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Копецкий Мартин, доктор юридических наук, профессор, Карлов университет, г. Прага, Чешская Республика

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Мешко Горазд, доктор права, профессор, Мариборский университет, г. Марибор, Республика Словения

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прапиестис Йонас, доктор права, профессор, Вильнюсский университет, г. Вильнюс, Литовская Республика

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Пиц Анна, доктор права, профессор, Белостокский университет, г. Белосток, Республика Польша

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Соловьев Юрий Петрович, ректор, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук, вице-президент Евразийской академии административных наук, Сибирский юридический университет, г. Омск, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Стариков Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Фунта Ростислав, доктор права, Высшая школа Данубиуса, г. Комарно, Словацкая Республика

Шмейкал Вацлав, доктор права, доцент, Университет «Шкода авто», г. Млада-Болеслав, Чехия

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа специальностей – 12.00.00 Юридические науки; научные специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 12.00.14 – Административное право; административный процесс; 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 02.02.2022. Дата выхода в свет: 11.02.2022.

Усл. печ. л. 9,2. Тираж 100 экз. Заказ № 4790.

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2022.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 1 (14) 2022

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Arina S. Chueva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Ruslan M. Dzidzoev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Anna Doliva-Klepatskaya, Dr. of Sci. (Law), Professor, Bialystok University, Bialystok, Republic of Poland

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Martin Kopecky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Charles University, Prague, Czech Republic

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Gorazd Meshko, Doctor of Law, Professor, University of Maribor, Maribor, Republic of Slovenia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Jonas Prapiestis, Doctor of Law, Professor, Vilnius University, Vilnius, Republic of Lithuania

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anna Pisch, Doctor of Law, Professor, Bialystok University, Bialystok, Republic of Poland

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Yuri P. Solovey, Rector, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Vice-President of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Siberian Law University, Omsk, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Rastislav Funta, Doctor of Law, Danubius High School, Komarno, Slovak Republic

Vaclav Shmeikal, Doctor of Law, Associate Professor, Skoda Auto University, Mlada Boleslav, Czech Republic

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science - Legal sciences (group of specialties - 12.00.00 Legal sciences; scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state; 12.00.02 – Constitutional Law; constitutional litigation; municipal law; 12.00.03 – Civil Law; business law; family law; private international law; 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; criminal executive law; 12.00.09 - Criminal procedure; 12.00.12 – Criminalistics; forensic expert activity; operational investigative activity; 12.00.14 – Administrative law; administrative process; 12.00.15 - Civil procedure; arbitration process).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 02.02.2022. Release date: 11.02.2022.

Usl. pech. l. 9,2. Edition of 100 copies. Order No.4790.

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "**Legal Bulletin of the Kuban State University**", 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Жинкин С.А., Высоцкая Л.П.</i> Понятие, характеристики и общая классификация механизмов реализации принципов правового государства	7
---	---

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Семенцов В.А.</i> Публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности в цифровом пространстве	15
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Зарапина Л.В., Костина О.В.</i> Конвергенция публичного и частного права в соблюдении баланса интересов общества и государства по вопросам детской трансплантации органов и тканей	22
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Антонова Е.Ю.</i> Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие / средство совершения преступления?	31
<i>Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н.</i> Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов?	40

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Гладышева О.В., Дагуф Ю.А.</i> Обоснованность уголовно-процессуальных решений: проблемы и пути их преодоления	50
<i>Овчинникова Е.А.</i> Суд присяжных и дальнейшие перспективы его совершенствования в российском уголовно-процессуальном законодательстве	59
<i>Потапенко С.В.</i> Информационная открытость и гласность уголовного судопроизводства	69
<i>Рудакова С.В.</i> Субъективное право на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства	76

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Табельский С.В.</i> Проблемы содержательной характеристики административно-процессуальных правоотношений: вопросы общепроцессуальной и конституционно-правовой теории	86
--	----

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

<i>Sergei A. Zhinkin, Lyudmila P. Vysotskaya</i> The concept, characteristics and general classification of mechanisms for the implementation of the principles of the rule of law	7
--	---

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LITIGATION; MUNICIPAL LAW

<i>Vladimir A. Sementsov</i> Public law mechanism ensuring the security of the individual in the digital space.....	15
---	----

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

<i>Lydia V. Zarapina, Olga V. Kostina</i> Convergence of public and private law in maintaining a balance of interests of society and the state on issues of pediatric organ and tissue transplantation.....	22
---	----

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>Elena Yu. Antonova</i> Artificial intelligence technologies – a subject of a crime or an instrument / means of committing a crime?	31
<i>Ivan Ya. Kozachenko, Danil N. Sergeev</i> Should criminal law enforce moral prohibitions?.....	40

CRIMINAL PROCEDURE

<i>Olga V. Gladysheva, Yuliya A. Daguf</i> Justification of criminal procedural solutions: problems and ways to overcome them.....	50
<i>Elena A. Ovchinnikova</i> Jury trial and future prospects its improvement in the Russian criminal procedure legislation.....	59
<i>Sergey V. Potapenko</i> Information transparency and publicity of criminal proceedings.....	69
<i>Svetlana V. Rudakova</i> The subjective right to appeal in the pre-trial stages of criminal proceedings.....	76

ADMINISTRATIVE LAW; ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Sergey V. Tabelsky</i> Problems of the substantive characteristics of administrative procedural legal relations: issues of general procedural and constitutional legal theory.....	86
---	----

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И
ПРАВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И
ГОСУДАРСТВЕ**

**THEORY AND HISTORY OF LAW AND
STATE; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT
LAW AND STATE**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-7-14>

**ПОНЯТИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО
ГОСУДАРСТВА**

Жинкин С.А.*, Высоцкая Л.П.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Жинкин С.А., Высоцкая Л.П. Понятие, характеристики и общая классификация механизмов реализации принципов правового государства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):7–14. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-7-14>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Жинкин Сергей Алексеевич*, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (928) 906-30-10

E-mail: sergei.zhinkin@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 06.12.2021

Статья принята к печати: 11.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: Целью данной статьи является исследование комплекса характеристик и классификаций механизмов реализации принципов правового государства в современной России. Для достижения указанной цели в качестве *задач* представляется необходимым дать четкое определение этим механизмам и попытаться провести их классификации по различным основаниям, в том числе применительно к современным российским условиям.

Для решения поставленных *задач* в статье будет использован ряд *методов* исследования: логические (описание, доказывание, классификация), системно-структурный анализ, сравнительный.

В результате исследования было выявлено, что для действенного осуществления принципов правового государства необходимо формирование соответствующих государственных и, главное, общественных механизмов. Такие механизмы должны включать как соответствующих субъектов в лице государственных органов и общественных объединений, так и систему применяемых средств и инструментов.

Вывод. Комплекс предполагаемых к формированию механизмов должен стать предметом более детальных научных исследований и всесторонней и объективной оценки именно применительно к условиям функционирования современного Российского государства и жизни современного общества. Необходимо продумать состав субъектов, задействованных в действии таких механизмов, комплекс применяемых правовых и иных средств, инструментов.

Ключевые слова: реализация, принципы правового государства, механизмы.

THE CONCEPT, CHARACTERISTICS AND GENERAL CLASSIFICATION OF MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF THE RULE OF LAW

Sergei A. Zhinkin*, Lyudmila P. Vysotskaya
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Zhinkin S.A., Vysotskaya L.P. The concept, characteristics and general classification of mechanisms for the implementation of the principles of the rule of law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):7–14. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-7-14>

CONTACT INFORMATION:

Sergei A. Zhinkin*, Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (928) 906-30-10

E-mail: sergei.zhinkin@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 06.12.2021

The article has been accepted for publication: 11.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation: The purpose of this article is to study the complex of characteristics and classifications of the mechanisms of realization of the principles of the rule of law in modern Russia. In order to achieve this goal, it seems necessary to give a clear definition of these mechanisms as tasks and try to classify them on various grounds, including in relation to modern Russian conditions.

To solve the tasks set in the article, a number of research methods will be used: logical (description, proof, classification), system-structural analysis, comparative.

As a result of the study, it was revealed that for the effective implementation of the principles of the rule of law, it is necessary to form appropriate state and, most importantly, public mechanisms. Such mechanisms should include both the relevant actors represented by State bodies and public associations, and the system of means and tools used.

Conclusion. The complex of mechanisms proposed for the formation should become the subject of more detailed scientific research and a comprehensive and objective assessment in relation to the conditions of functioning of the modern Russian state and the life of modern society. It is necessary to think over the composition of the subjects involved in the operation of such mechanisms, the complex of legal and other means and tools used.

Keywords: implementation, principles of the rule of law, mechanisms.

Введение

Проблематика принципов правового государства и вопросов их реализации является как бы «сквозной», поскольку она исследовалась либо затрагивалась в связи с самыми разными проблемами, и в частности: необходимостью совершенствования системы правового регулирования и правовой системы государства в целом [2, с. 2836], оптимизацией инструментов, методов и способов правовой и иной социальной регламентации [4, с. 65–67], вопросами оптимизации юридической ответственности и ее нравственных и иных идеологических оснований [6, с. 825–839], тенденциями современного развития массового сознания, включая сознание правовое [5, с. 295–309], поиском путей и форм повышения качества государственного управления [3, с. 561–575] и т.д.

Целью исследования выступает исследование предполагаемых к формированию механизмов реализации принципов правового государства применительно к условиям современной России, специфике ее исторического развития.

Методы исследования

Методология исследования включает прежде всего комплекс логических методов (описание, классификация, определение, доказывание и т.д.), а также исторический метод, системно-структурный анализ, социологические методы.

Результаты исследования

Для осуществления комплекса принципов правового государства простого формального закрепления этих принципов в законодательстве недостаточно, хотя такое закрепление тоже весьма важно. Эти принципы должны быть в законодательстве и государственной политике наполнены конкретным социально-историческим содержанием, соответствующим сегодняшним реалиям. Кроме того, необходимо детальное нормативное закрепление механизмов реализации этих принципов и их осуществление в практической социальной деятельности государственных и общественных структур.

В самом общем своем виде предполагаемые к формированию механизмы реализации принципов правового государства могут быть охарактеризованы как совокупность (система) субъектов, деятельность которых связана с реализацией принципов правового государства, а также применяемых средств и инструментов юридического и иного (воспитательного, пропагандистского, информационного) характера.

Научная дискуссия

Прежде всего, определимся с понятием и характеристиками механизмов реализации принципов правового государства. Итак, предполагаемые к своему целенаправленному формированию механизмы реализации (осуществления) принципов правового государства – комплекс средств, инструментов, мер, направленных на осуществление соответствующих принципов, а также государственных органов и общественных объединений, непосредственно осуществляющих реализацию данных принципов либо контроль за этой реализацией.

В основу механизмов реализации комплекса принципов правового государства сегодня должны быть нормативно положены зависимость государства, его структур от общества, подчиненность их обществу, его потребностям, ориентированность на социум.

Механизмы реализации (осуществления) принципов правового государства должны иметь социальную направленность, быть направлены не на механическое внедрение тех или иных принципов в государственно-правовую практику, а на их социальную адаптацию, на достижение с их помощью реальных социальных целей, удовлетворение актуальных потребностей общественного развития. Это связано с тем, что сама концепция правового государства с системой определенных его принципов существует для общества, его блага и интересов, а не наоборот – общественное развитие подчиняется некоей даже весьма привлекательной теоретической идее.

Механизмы реализации принципов правового государства, которые предполагаются к своему формированию, должны опираться на определенные начала своего действия, функционирования. Среди таких начал следует выделить:

- принцип законности. Самая общественно полезная и прогрессивная деятельность в обществе и государстве может осуществляться только в рамках системы норм действующего права, она не должна носить противоправный характер;
- многоуровневость (механизмы должны включать федеральный, региональный, муниципальный, локальный уровни);
- обеспечение единства реализации на разных уровнях и территориях;
- социальную направленность;
- непротиворечивость основным правам и свободам человека и гражданина;
- адаптированность под национальные особенности, традиции;
- демократизм. Реализация принципов правового государства, коль скоро она осуществляется в интересах народа, как раз и должна проводиться при широком участии народа, общественных объединений и граждан.

Другими словами, принципы правового государства и их реализация не должны противоречить исторически конкретным потребностям развития общества, особенностям его функционирования. Так, если классическая схема, модель разделения властей приводит к конфликтам ветвей власти и кризисам власти в целом, то такую модель необходимо изменить, выделив другие ветви или перераспределив полномочия имеющихся ветвей по их взаимному контролю.

При формулировке же самой дефиниции механизмов реализации (осуществления) принципов правового государства следует иметь в виду два основных подхода к самому пониманию термина «механизм» в правовой науке. С одной стороны, о механизме говорят, как о совокупности органов

(механизм государства, механизм правотворчества), с другой – как о системе средств (механизм правового регулирования). Думается, что, поскольку оба эти подхода имеют свое обоснование, то применительно к предмету данного исследования вполне могут быть объединены. В современной литературе также используется термин «механизм государственно-правового принуждения», определяемый как «социально-правовая система, образуемая элементами как собственно-юридического, так и организационного, институционального порядков»¹.

Механизм реализации принципов правового государства в литературе получил трактовку как «система правовых средств, с помощью которых осуществляется деятельность уполномоченных органов, общественных организаций и граждан по защите прав человека и контролю общества над государственной властью»². В этой связи следует оговориться, что механизмы реализации принципов правового государства не отнюдь не очерчиваются применением только комплекса собственно правовых средств. В ходе такой реализации могут и должны широко использоваться и иные средства в частности: организационные, информационные, воспитательные и т.д. Поэтому трактовать такие механизмы необходимо более широко, чем это делается сейчас.

Механизмы реализации (осуществления) принципов правового государства, исходя из сформулированного выше определения, включают:

- определенных социальных субъектов (это государственные органы и должностные лица, общественные объединения и социальные группы, политические лидеры и т.д.). При этом их роль и соотношение в реализации различных принципов правового государства тоже могут существенно различаться;

- определенный набор средств, инструментов (способы правового регулирования, информационные, воспитательные средства и т.д.);

- определенные процедуры (например, процедуры общественного обсуждения законопроектов, защиты прав и свобод, борьбы с превышением должностных полномочий государственными органами в ущерб гражданам и т.д.).

Механизмы реализации принципов правового государства, если рассматривать их с широких позиций, представляют или, по крайней мере, должны выступать как системы отражения комплекса процессов социальной жизни. В социальном же контексте, если мы рассуждаем именно об общественных механизмах, то они представляют из себя четкую систему таких субъектов и инструментов воздействия социума на государство, которая как раз и регламентирует общественные отношения. С правовой же точки зрения исследуемые механизмы реализации выступают как весьма обширная система субъектов и используемых ими методов, инструментов, способов и форм правового и иного воздействия, а также осуществления контроля общества за деятельностью государственной власти.

Важным, но лишь начальным этапом функционирования таких механизмов является властное закрепление соответствующих принципов и их конкретизация в законодательстве. С помощью норм Конституции деятельность государственного аппарата в стране становится регламентированной высокими по юридической силе правовыми нормами. Данный инструмент «обеспечивает закрепление и развитие основных принципов правового государства, незыблемость и невозможность исключения данных принципов» [1, с. 167].

Научное изучение совокупности механизмов реализации принципов правового государства также предполагает анализ:

- их основных признаков;
- их субъектного состава (субъектная характеристика);
- их видов (видовая характеристика);
- их структуры (структурная характеристика);
- их функций, особенностей действия (функциональная характеристика);
- их целей (целевая характеристика);
- их эффективности, качества и критериев их измерения (качественная характеристика).

Механизмы реализации принципов правового государства обладают следующими основными признаками.

¹ Магомедрасулов М.М. Особенности принуждения в правовом государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

² Довбуш Т.Н. Принципы правового государства и механизм их реализации (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 5.

1. Они направлены на достижение определенной цели – реализацию того или иного принципа, признаваемого в качестве принципа правового государства.

2. Они состоят из совокупности применяемых средств, процедур правового, организационного, информационного, воспитательного и иного характера.

3. Они осуществляются определенными субъектами. К таким субъектам относятся как специально уполномоченные органы государства, так и объединения гражданского общества, которые могут и не иметь в качестве основной, главной цели своей деятельности именно реализацию тех или иных принципов правового государства.

Механизмы реализации принципов правового государства могут разделяться по ряду оснований.

Прежде всего, по субъектам осуществления такие механизмы можно подразделить на государственные и общественные. Государственные осуществляются уполномоченными государственными органами федерального и регионального уровней. Общественные – различными общественными объединениями, социальными группами, отдельными гражданами. При этом актуальной задачей представляется определение роли и соотношения этих механизмов в реализации конкретных принципов правового государства, определение и практическое развитие различных аспектов их взаимодействия.

В зависимости от комплекса применяемых средств необходимо выделить организационный, информационный, стимулирующий, воспитательный виды. Такие механизмы, к сожалению, не закреплены нормативно в своем развернутом и системном виде и до настоящего времени даже не исследованы в доктрине. А ведь без развернуто закрепленных механизмов реализации начал правовой государственности они не перейдут из разряда формальных деклараций в разряд реалий общественной жизни и государственной политики.

При этом под организационным механизмом понимается совокупность организационных средств и процедур реализации принципов правовой государственности, а также органов и организаций, занимающихся проведением этих принципов в жизнь. Такие органы не обязательно должны специально создаваться для осуществления соответствующих целей, однако цели по реализации принципов правовой государственности должны находиться в их компетенции, должны быть прописаны в их учредительных документах.

В литературе обосновывается необходимость предоставления в большей или меньшей степени возможности, полномочий нескольким известным научно-исследовательским организациям, учреждениям для того, чтобы они осуществляли координацию законопроектной деятельности, проводили официальную оценку качества разрабатываемых законопроектов и контроль над процессом внесения в них поправок¹. Думается, что такие учреждения, дача ими соответствующих заключений и рекомендаций должны стать неотъемлемой частью организационного механизма реализации принципов правового государства.

Существенную роль здесь играет нормативное ограничение компетенции государственных органов и должностных лиц в сфере воздействия на права и свободы человека и гражданина, и в том числе в сфере ограничения этих прав и свобод с формированием системы соответствующих процедур.

Не менее важны и процедуры контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц со стороны общества, детальные отчеты государственных органов о своей деятельности и их общественное обсуждение, процедуры выражения народного недоверия чиновникам.

Информационный механизм связан с формированием информационных потоков, которые направлены на: 1) информирование граждан о целях и ориентирах в сфере формирования правовой государственности; 2) формирование общественного мнения, связанного с необходимостью построения правового государства и реализации его принципов; 3) информирование граждан о конкретных проблемах, связанных с построением правовой государственности, реализацией тех или иных принципов правового государства, и путях их разрешения.

Соответствующие процедуры закреплены в законодательстве. Прежде всего здесь следует упомянуть Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных

¹ Черепанова О.С. Реализация принципа взаимной ответственности государства и личности (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 16.

технологиях и защите информации»¹, в котором закреплены такие принципы (ст. 3), как «свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом; открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации». В соответствии с этим можно на основе обобщения собранной информации сделать выводы о степени соответствия такой деятельности реализации принципов правового государства.

В Федеральном законе от 09 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации и деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»² получил более или менее детальное закрепление целый ряд важных принципов обеспечения доступа к информации об осуществляемой деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, которые могут рассматриваться и как средства информационного механизма реализации принципов правового государства, в частности, ограниченности деятельности государственной власти, ответственности государства перед обществом и личностью.

Кратко охарактеризуем стимулирующий механизм реализации принципов правового государства. Стимулирующий механизм, представляющий собой систему правовых и иных инструментов, а также соответствующих субъектов, должен быть направлен на стимулирование: 1) уважительного отношения к праву и иным элементам правовой системы; 2) активной гражданской позиции и активного участия в деятельности по совершенствованию правовой системы и ее отдельных элементов; 3) активности, связанной с осуществлением социально полезной, социально ориентированной деятельности по удовлетворению общественных потребностей, защищаемых правом; 4) активности, связанной с познанием и реализацией комплекса принципов правового государства в процессах общественной жизни.

Думается, что данный механизм должен предусматривать и меры по стимулированию государственных служащих и объединений гражданского общества, активно способствующих реализации принципов правового государства.

Сегодня важную роль должно сыграть формирование воспитательного механизма реализации начал правового государства. Такой механизм мог бы реализовываться как государственными органами, так и объединениями гражданского общества, гармонично сочетаться с системой правового воспитания и оказания бесплатной юридической помощи. Определенные примеры аналогичной деятельности в воспитательной сфере уже есть. Так, в современной России весьма широко осуществляется деятельность по патриотическому воспитанию, она охватывает как федеральный, так и региональный уровни, включает деятельность соответствующих государственных и общественных структур. Очевидно, что такая деятельность должна быть развернута и в целях реализации комплекса принципов правового государства.

Механизмы реализации различных принципов правового государства включают неодинаковые, не совпадающие комплексы средств. Однако все вместе эти механизмы усиливают движение к правовому государству, его реальному функционированию.

В литературе обращалось внимание на юридические технологии и их роль в достижении тех или иных целей правового регулирования и государственной политики³. Думается, что вопрос о включении собственно технологий в механизмы реализации принципов правового государства и их применении в данной сфере нуждается в дальнейшем научном обсуждении и практической апробации.

Механизмы реализации принципов правового государства могут охватывать различные сферы, а также различные элементы правовой системы.

В литературе обсуждались вопросы, которые связаны с механизмами реализации лишь некоторых из системы принципов правового государства. Так, например, была затронута проблема механизма практической реализации принципа взаимной ответственности государства и личности. В частности, механизм так называемого государственно-правового обеспечения вышеупомянутого принципа рассматривается как сложная система государственно-правовых институтов, а также

¹ Об информации, информационных технологиях и защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Об обеспечении доступа к информации и деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09 февраля 2009 года № 8-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ Пакус О.М. Юридические технологии обеспечения российского национального правопорядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

средств и действий, с помощью которых происходит достижение баланса частных и публичных интересов¹.

Вопросы же механизмов реализации других принципов правового государства, за исключением одного проводившегося сравнительно давно исследования², как уже было отмечено ранее, не стали предметом доктринального анализа в отечественной науке.

Итак, под механизмами реализации принципов правового государства нужно понимать комплекс средств, инструментов, мер, направленных на осуществление соответствующих принципов, а также государственных органов и общественных объединений, непосредственно занимающихся реализацией данных принципов. Естественно в данном случае, что применение тех или иных средств, инструментов предполагает и задействование ряда субъектов в лице государственных органов и общественных объединений, хотя реализация указанных принципов может и не являться основной целью их деятельности.

При этом речь идет не об одном едином механизме (его создание и функционирование – дело перспективы, возможно весьма далекой), а о действии различных механизмов, более или менее связанных друг с другом.

Критерием эффективности принципов правового государства и формируемых механизмов их реализации в современном российском законодательстве должна стать адаптированность данных механизмов к современным российским реалиям и потребностям развития, реальное социальное действие данных принципов в условиях современной России. Принципы правового государства должны соответствовать тенденциям и потребностям социального развития и при необходимости претерпевать содержательные изменения, а не развитие общества и государства должно подстраиваться под некие отвлеченные, хотя и весьма привлекательные доктринальные принципы.

Сегодня для общественного и государственно-правового развития актуально не только обозначить, провозгласить те или иные механизмы. Важно также наметить пути оптимизации действия этих механизмов. Таким путями, как представляется, выступают:

- совершенствование действующего законодательства как на федеральном, так и на региональном уровнях, нормативное закрепление применяемых средств, полномочий и ответственности соответствующих субъектов, в первую очередь государственных органов и их должностных лиц;
- совершенствование практики применения соответствующих средств и процедур, общественное обсуждение такой практики с внесением необходимых корректировок;
- вовлечение граждан и объединений гражданского общества в деятельность по функционированию и совершенствованию таких механизмов;
- совершенствование информационных и воспитательных аспектов действия таких механизмов, надлежащее организационное освещение функционирования механизмов, придание им воспитательного значения в государственной политике.

Поскольку мы говорим о механизмах реализации принципов правового государства, в том числе механизмах государственных, то вполне естественно, что они должны быть снабжены инструментами принуждения. Очевидно, что это определенным образом соотносится с более масштабной проблемой, на которую не раз было обращено внимание в литературе – проблемой «разработки оптимальных моделей сочетания принуждения, убеждения и самоорганизации в социальном регулировании»³.

Если же механизмы осуществления принципов правового государства окажутся неэффективными в условиях конкретной правовой системы в определенный период, то будет целесообразным в таком случае:

- 1) Скорректировать сами механизмы, изменить их элементы, субъектов осуществления;
- 2) Скорректировать при необходимости содержание самого реализуемого принципа применительно к общественным реалиям и потребностям.

Представляется, что совершенствование механизмов реализации (осуществления) принципов правового государства может идти по трем магистральным направлениям:

- расширение и совершенствование субъектной базы;

¹ Черепанова О.С. Указ. соч. С. 15.

² Довбуш Т.Н. Указ. соч. С. 1–19.

³ Магомедрасулов М.М. Указ. соч. С. 3.

– совершенствование комплекса применяемых средств с целью максимальной гармонизации указанных принципов с тенденциями развития российской государственности и потребностями развития общества;

– совершенствование процедур реализации этих механизмов в общественных отношениях.

Сегодня можно наметить и некоторые основные формы совершенствования механизмов реализации принципов правового государства:

– расширение их социальной основы и социальной ориентированности;

– усиление взаимодействия государственных и общественных механизмов;

– совершенствование процедур общественного контроля, осуществляемого за деятельностью различных органов государственной власти и функционированием элементов правовой системы общества.

При этом среди принципов правового государства необходимо определить наиболее актуальные и приоритетные для современного развития общества и государства, а также дать объективную оценку состоянию уже имеющейся реализации данных принципов.

Список использованной литературы:

1. Гасанов К.К., Стрёмухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав. *Правоведение*. 2004;(1):164–173.
2. Adygezalova G.E., Zhinkin S.A., Faroi T.V., Zhbyr O.N., Kich I.S. Implementation of regulatory impact and regulatory function of law in modern Russia. *Opció*. 2019;35(19):836–846. DOI: <https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/27447>.
3. Baranov P., Ovchinnikov A., Mamyshev A., Plotnikov A. Elites and the formation of constitutionalism: socio-cultural vector of development. *Man in India*. 2017; 97;(23):561–575.
4. Baranova M.V., Barakhoeva A.R. Stereotypes of legal directives: concept, structure, functions. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;13(2):65–67.
5. Mordovtsev A., Zhinkin S., Mamyshev A., Yakovyuk I., Shestopal S. Legal mentality in nationalcultural space: Characteristics of the era of change (Church schism of the 17th Century). *Man in India*. 2017; 97(23):295–309.
6. Potapenko S.V., Luparev E.B., Embulayeva N.Yu., Epifanova E.V., Embulaeva L.S., Pavlisova T.E. The moral foundations of legal liability (criminal, administrative, tort). *Astra Salvensis*. 2017;2017(2):825–839.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жинкин Сергей Алексеевич*

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0291-4469>

Высоцкая Людмила Петровна

аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1824-1959>

References:

1. Gasanov K.K., Stremoukhov A.V. [Absolute human rights and limitations of rights]. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 2004;(1):164–173. (In Russ.)]
2. Adygezalova G.E., Zhinkin S.A., Faroi T.V., Zhbyr O.N., Kich I.S. Implementation of regulatory impact and regulatory function of law in modern Russia. *Opció*. 2019;35(19):836–846. DOI: <https://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/27447>.
3. Baranov P., Ovchinnikov A., Mamyshev A., Plotnikov A. Elites and the formation of constitutionalism: socio-cultural vector of development. *Man in India*. 2017; 97;(23):561–575.
4. Baranova M.V., Barakhoeva A.R. Stereotypes of legal directives: concept, structure, functions. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;13(2):65–67.
5. Mordovtsev A., Zhinkin S., Mamyshev A., Yakovyuk I., Shestopal S. Legal mentality in nationalcultural space: Characteristics of the era of change (Church schism of the 17th Century). *Man in India*. 2017; 97(23):295–309.
6. Potapenko S.V., Luparev E.B., Embulayeva N.Yu., Epifanova E.V., Embulaeva L.S., Pavlisova T.E. The moral foundations of legal liability (criminal, administrative, tort). *Astra Salvensis*. 2017;2017(2):825–839.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei A. Zhinkin*

Dr. of Sci. (Law), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0291-4469>

Lyudmila P. Vysotskaya

Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1824-1959>

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ
ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

**CONSTITUTIONAL LAW;
CONSTITUTIONAL LITIGATION;
MUNICIPAL LAW**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-15-21>

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Семенцов В.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Семенцов В.А. Публично-правовой механизм обеспечения безопасности личности в цифровом пространстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):15–21. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-15-21>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (861) 268-59-64
E-mail: crimpro@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 20.12.2021

Статья принята к печати: 20.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: В статье излагаются результаты исследования безопасности личности как комплексного понятия, отражающего различные стороны жизни и деятельности человека. Обосновывается тезис об особой роли Конституции Российской Федерации, федерального закона «О безопасности» и Стратегии национальной безопасности в формировании публично-правового механизма обеспечения безопасности личности. Акцентируется внимание на особенной уязвимости права на личную безопасность в наступившую эпоху цифровых технологий и на необходимости усиления научных исследований, а также степени законодательного регулирования элементов публично-правового механизма обеспечения безопасности личности.

Ключевые слова: публично-правовой механизм, Конституция РФ, стратегия, безопасность личности, цифровые технологии.

PUBLIC LAW MECHANISM ENSURING THE SECURITY OF THE INDIVIDUAL IN THE DIGITAL SPACE

Vladimir A. Sementsov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Sementsov V.A. Public law mechanism ensuring the security of the individual in the digital space. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):15–21. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-15-21>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: crimpro@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 20.12.2021

The article has been accepted for publication: 20.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation: The article presents the results of the study of personal security as a complex concept reflecting various aspects of human life and activity. The thesis about the special role of the Constitution of the Russian Federation, the federal law "On Security" and the National Security Strategy in the formation of a public-legal mechanism to ensure the security of the individual is substantiated. Attention is focused on the particular vulnerability of the right to personal security in the new era of digital technologies and on the need to strengthen scientific research, as well as the degree of legislative regulation of elements of the public-legal mechanism for ensuring personal security.

Keywords: public law mechanism, the Constitution of the Russian Federation, strategy, personal security, digital technologies.

Введение

В ст. 2 Конституции Российской Федерации права и свободы человека зафиксированы как высшая ценность, обязывая государство их признавать, соблюдать и защищать¹. Конституция Российской Федерации, как нормативный правовой акт высшей юридической силы, провозглашая и гарантируя безопасность личности, создает главный критерий для реализации гуманистических принципов и определяет создание наиболее благоприятных условий для жизни людей.

Сегодня феномен безопасности человека и гражданина представляет собой фундамент для объединения людей в обществе, обеспечивая его устойчивое и поступательное развитие. «Только на основе безопасности человека, – справедливо утверждают А.А. Фомин и А.Н. Агапов, – можно проектировать и осуществлять меры по обеспечению безопасности общества и государства» [11, с. 21–22]. «Безопасность личности, – пишет Б.П. Дементьев, – должна пониматься не только как нейтрализация опасностей, угроз и как создание условий по защите личности, но и развитие личности (права, свободы, интересы, потребности)» [3, с. 175].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О безопасности»² в числе основных принципов обеспечения безопасности в приоритетном порядке указывается соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Следует учитывать, что безопасность личности служит необходимым условием реализации всех известных прав человека, провозглашенных в документах международного права и национальных конституциях. Именно на основе господства права как универсальной ценности, конституционного и правового концепта, достигается многообразие подходов к регулированию и конституционной политике в области прав человека [4, с. 813].

Отмеченная взаимосвязь безопасности отдельной личности и всего общества позволяет заключить, что данное понятие имеет комплексное содержание, отражающее различные стороны жизни и деятельности (общественной, личной, профессиональной и др.). Одновременно можно утверждать: право на безопасность личности отвечает не только интересам конкретного гражданина, но и публично-правовым интересам.

В эпоху цифровых технологий, когда наше восприятие мира через призму цифрового пространства претерпело кардинальные изменения [5, с. 138], становится особенно уязвимым право

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря. (первоначальный текст).

² О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

на личную безопасность, о котором еще сравнительного недавно даже не было известно, и соответственно не возникало потребности в механизме его обеспечения. В связи с этим актуализируется вопрос о цифровой безопасности личности как важнейшем элементе национальной безопасности, обеспечение которой возможно только путем создания эффективного публично-правового механизма, основы которого требуют своего исследования.

Методы исследования

Диалектика стала основным общенаучным методом проведения данного исследования. Благодаря диалектическому подходу были установлены основные (фундаментальные) и прикладные проблемы, обусловленные существующими противоречиями в вопросах цифровой безопасности личности. Были использованы методы анализа, синтеза, обобщения, правовой проекции и иные.

Метод критического анализа результатов, полученных другими авторами по рассматриваемым в работе вопросам, позволил определить наиболее уязвимые, с позиции теории, места в существующих подходах к разрешению проблем в формировании основ публично-правового механизма обеспечения права на личную безопасность и цифровую безопасность личности.

Использование сравнительно-правового метода позволило сопоставить различные подходы к пониманию публично-правового механизма обеспечения безопасности личности и определить возможности его совершенствования.

Метод системно-структурного анализа стал средством для выявления пробелов в существующих элементах систем безопасности личности, с учетом развивающихся цифровых технологий. Метод моделирования позволил высказать суждения относительно возможных направлений усиления правового регулирования в части обеспечения цифровой безопасности.

В целом примененная совокупность научных методов позволила получить новые, актуальные, с позиций современного права, теоретические результаты и сформулировать соответствующие предложения о совершенствовании правовой основы системы безопасности личности.

Результаты исследования

Цифровое пространство приобретает все большее распространение. В его сферу вовлекаются граждане, государственные органы всех ветвей власти, хозяйствующие субъекты. Рамками цифровых ресурсов охватываются практически все категории сведений об основных деталях жизни человека. Вторжение цифровой среды в жизнь личности потенциально несет множество угроз, требующих соответствующих средств противодействия или устранения.

Публично-правовой механизм безопасности личности состоит из нескольких важных элементов, одним из которых необходимо рассматривать средства обеспечения цифровой безопасности.

Отечественная концепция цифровой безопасности в правовом поле пока только формируется. Применительно к ее содержательному наполнению необходимо особо обратить внимание на следующие аспекты:

- безопасность несовершеннолетних, включая ограничение (установление правового запрета и механизма его контроля) их доступа на различные, потенциально опасные для них (в силу возрастных особенностей) цифровые ресурсы, с учетом конституционных охраняемых ценностей (духовно-нравственные традиции, историческая память и др.);
- совершенствование правовой основы противодействия мошенничеству и другим правонарушениям, совершаемым в цифровой среде;
- противодействие распространению «фейковых» новостей, особенно в условиях пандемии и иных чрезвычайных ситуациях.

Эффективно действующий публично-правовой механизм обеспечения личной безопасности, включая его цифровую составляющую, представляет собой комплекс правовых средств, а также деятельность уполномоченных органов (государственных и негосударственных), самостоятельные действия самого человека, позволяя индивиду воспользоваться существующими правовыми и организационными средствами для фактической реализации своих прав и свобод. Конечной целью действия данного механизма в правовом и демократическом государстве является обеспечение безопасности и благополучия личности.

Научная дискуссия

В публично-правовом механизме обеспечения безопасности личности особая роль принадлежит основополагающему документу, определяющему стратегические национальные приоритеты на долгосрочную перспективу. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 года в числе приоритетов государственной политики названы следующие: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение

качества жизни и благосостояния граждан, укрепление законности, развитие безопасного информационного пространства, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. В указанной Стратегии определено, что дальнейшее развитие России в качестве правового социального государства будет осуществляться на основе соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, имеющих высшее значение¹.

Важность формулировок указанного документа, на наш взгляд, определяется не только их непосредственным перечислением, но и обязательной взаимосвязью. Так, безопасное информационное пространство, полагаем, должно рассматриваться таковым исключительно при учете иных указанных элементов, а именно, при условии, что это информационное пространство будет основано на защите, например, традиционных духовно-нравственных ценностей, исторической памяти.

Безопасность личности напрямую связана с достижениями научно-технического прогресса, активно используемыми в повседневной жизни современного человека, оказывая на него как позитивное, так и негативное влияние. «Сегодня человечество находится на пороге фундаментальных преобразований, – утверждает В. Толстых, – содержание и конечный результат которых трудно предсказать» [10, с. 104].

В условиях стремительного развития отечественных информационных технологий необходим разумный баланс между целями и устремлениями всего государства, с одной стороны, и соблюдением конституционных прав и свобод граждан, с другой.

Одной из угроз безопасности человека при развитии цифровых технологий выступает цифровое «отделение» личности от живого человека. Цифровой анализ данных о личности – уже реальность, и он позволяет судить об интеллектуальном уровне человека, его компетенциях, возможностях, направлениях деятельности, пристрастиях, выстраивать алгоритмы поведения, составлять его психотип, прогнозировать поступки в определенных ситуациях, моделировать эти ситуации и внедрять их в сознание человека и др.

Очевидно, что результаты цифрового анализа данных о личности могут стать объектом неправомерных действий, например, номер телефона, имя, иных сведений из жизни конкретного человека, его голос, фотографии использоваться для мошеннических действий.

И здесь явно недостаточно соблюдения правил так называемой «личной цифровой гигиены», затрудняющей доступ мошенникам и другим правонарушителям к сведениям из жизни человека, позволяющей снизить риски потери денег, репутации, времени и др. При известной инертности законодательства и не всегда эффективной практике его применения, в случае возникновения угрозы не так-то просто найти необходимое правовое поле, а еще сложнее – его правильно применить.

Для примера отметим проблему кибербуллинга, о которой сообщил в своем интервью председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека В.А. Фадеев, когда в социальных сетях осуществляется травля человека, сопряженная с оскорблениями, клеветой, шантажом, угрозами, а жертвами становятся не только дети, но и взрослые, в том числе известные личности².

В современной российской юридической науке наряду с кибербуллингом исследуется и скулшутинг (нападения на образовательные организации с целью массовых убийств). Виновниками становятся лица, приобретающие навыки обращения с огнестрельным оружием в интернет-пространстве [2, с. 578].

Имеется и такая угроза личной безопасности, проистекающая из информационной среды, как подростковая зависимость от видеоигр. Например, в Китайской народной республике для борьбы с подростковой игровой зависимостью школьникам установлен законодательный запрет играть в видеоигры во все будние дни, кроме пятницы, субботы и воскресенья, при общей продолжительности такой игры не более трех часов в неделю³.

Кроме того, в условиях цифровизации формируется устойчивая тенденция к виртуализации жизни конкретного человека, его стремлению к одиночеству и как следствие этого, потери навыков

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательств РФ. 2021. № 27 (Часть II). Ст. 5351.

² Шувалова М. СПЧ намерен подготовить в этом году концепцию по защите прав человека в цифровой среде [сайт]. Гарант.Ру; 2021. Доступно: <https://www.garant.ru/news/1412161/>.

³ Бережная А. Власти Китая запретили школьникам играть в видеоигры по будням // Lenta. Ru. 2021. 30 августа.

«живой» коммуникации, социальной адаптации, что приводит к психологическим, а иногда и психиатрическим проблемам. И первой жертвой воздействия на человека становятся подростки, «застывшие в паутине Интернета» [1, с. 550].

Как справедливо отмечает А.И. Овчинников, необходима разработка доктрины цифровой безопасности, фиксирующей в своем содержании угрозы и риски цифровизации отношений, в том числе в части обеспечения безопасности личности. Государство не должно превращаться в «цифровой концлагерь», общество – в «цифровую колонию», а человек – в «цифровую личность» [6, с. 19].

Осознание значимости угроз, исходящих от цифрового пространства, в настоящее время выразилось в поручении Президента Российской Федерации В.В. Путина Правительству разработать до 01 августа 2021 года совместно с Советом по развитию гражданского общества и правам человека проект концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве России и план мероприятий («дорожной карты») по её реализации¹. Предполагается, что Концепция будет утверждена до марта 2022 года и это позволит к февралю 2024 года подготовить нормативные акты для ее принятия².

Одной из целей в проекте Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации указано обеспечение безопасности личности при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

В литературе под механизмом реализации прав человека и гражданина принято понимать систему методов и инструментов осуществления того или иного права, организованных функционально и хронологически на основе действующего законодательства [8, с. 4]. По мнению В.А. Осипова, механизм обеспечения безопасности функционирует за счет ряда действий по защите, предупреждению и ликвидации угроз и восстановлению прав, а также посредством правовых и организационных форм стимулирования или ограничения [7, с. 27].

С.Ю. Чапчиков рассматривает механизм обеспечения национальной безопасности (включая безопасность личности) как комплекс правовых средств, весь юридический инструментарий функционирования, основные средства и способы реализации соответствующих мероприятий и предлагает осуществлять оптимизацию механизма безопасности по двум магистральным направлениям: 1) путем совершенствования законодательства (устранение коллизий, недоработок, пробелов) и принятие новых законов; 2) повышение эффективности деятельности субъектного состава механизма обеспечения национальной безопасности³.

«Эффективность всех процессов обеспечения безопасности личности, – пишет А.С. Фомина, – требует принятия качественных и количественных параметров, выстраивающих целостную систему органов публичной власти, ответственных за безопасность личности, а также гарантирующих полноценное участие человека и гражданина в обеспечении собственной безопасности» [12, с. 158–159].

Важное место в механизме обеспечения личной безопасности в условиях цифровой трансформации экономики, социальной сферы и государственного управления принадлежит праву, которое сохраняет устойчивую роль регулятора общественных процессов, обеспечивая как стабильность, так и необходимую преобразовательную деятельность индивидуумов и публичных институтов [9, с. 4].

Резюмируя изложенное отметим, что в наступившую эпоху цифровых технологий отчетливо прослеживается уязвимость права на личную безопасность, вызывающая необходимость проведения научных исследований и усиления степени законодательного регулирования элементов публично-правового механизма обеспечения безопасности личности.

¹ Латухина К. Путин поручил разработать концепцию правозащиты в цифровом пространстве // Российская газета. 2021. 1 февраля.

² Фетисов В. СПЧ предложил ограничить обработку данных о гражданах на законодательном уровне // Новости Software. 2021. 22 декабря.

³ Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2018. С. 14, 16.

Список использованной литературы:

1. Бурлаков В.Н., Плоткина Л.Н., Щурова А.С. Ограничения права на распространение информации в Интернете в свете противодействия наркопреступности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2020;11(3):550–562. DOI: 10.21638/spbu14.2020.302.
2. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах. *Всероссийский криминологический журнал*. 2021;15(5):578–591. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591.
3. Дементьев Б.П. Безопасность личности в современной России: проблемы и перспективы. *Вестник Прикамского социального института*. 2019;1(82):175–178.
4. Кравец И.А. Господство права как универсальная ценность и многообразие конституционной идентичности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2020;11(4):813–851. DOI: 10.21638/spbu14.2020.402.
5. Лаптев В., Федин В. Правосознание в цифровом обществе. *Российский юридический журнал*. 2020;8(1):138–157. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.
6. Овчинников А.И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект. *Журнал российского права*. 2020;(6):5–21. DOI: 10.12737/jrl.2020.064.
7. Осипов В.А. Механизм обеспечения правовой безопасности правовой системы общества в современных условиях (теоретико-правовые аспекты). *Юридический мир*. 2009;(1):22–27.
8. Резер Т.М., Кузнецова Е.В., Лихачев М.А. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина: учеб. пособие / под общ. ред. Т.М. Резер; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2019.
9. Тихомиров Ю.А., Цомартова Ф.В., Кичигин Н.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая трансформация. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;(2):4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23.
10. Толстых В. Культурные основы и мифологическая природа прав человека. *Российский юридический журнал*. 2020;8(2):104–119. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2020-8-2-104-119>.
11. Фомин А.А., Агапов А.Н. Конституционно-правовое измерение безопасности личности. *Пробелы в российском законодательстве*. 2012;(4):21–23.
12. Фомина А.С. О принципах государственно-правового механизма обеспечения личной безопасности. *Ленинградский юридический журнал*. 2014;4(38):153–159.

References:

1. Burlakov V.N., Plotkina L.N., Shchurova A.S. [Restrictions on the right to disseminate information on the Internet in the light of countering drug crime]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2020;11(3):550–562. DOI: 10.21638/spbu14.2020.302 (In Russ.)]
2. Volchetskaya T.S., Avak'yan M.V., Osipova E.V. [Criminological characteristics and prevention of schoolshooting and cyberbullying in Russia and foreign countries]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*. 2021;15(5):578–591. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591 (In Russ.)]
3. Dement'ev B.P. [Personal security in modern Russia: problems and prospects]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2019;1(82):175–178. (In Russ.)]
4. Kravets I.A. [The rule of law as a universal value and diversity of constitutional identity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2020;11(4):813–851. DOI: 10.21638/spbu14.2020.402 (In Russ.)]
5. Laptev V., Fedin V. Legal awareness in digital society. *Russian Law Journal*. 2020;8(1):138–157. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.
6. Ovchinnikov A.I. [Security of the individual and the state in the digital age: political and legal aspect]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(6):5–21. DOI: 10.12737/jrl.2020.064 (In Russ.)]
7. Osipov V.A. [The mechanism of ensuring the legal security of the legal system of society in modern conditions (theoretical and legal aspects)]. *Yuridicheskii mir = The legal world*. 2009;(1):22–27. (In Russ.)]
8. Rezer T.M., Kuznetsova E.V., Likhachev M.A. [Mechanisms of realization and protection of human and civil rights: textbook] / Ed. by T.M. Razer; Ekaterinburg: Urals-University Publishing House; 2019. (In Russ.)]
9. Tikhomirov Yu.A., Tsomartova F.V., Kichigin N.V., Bal'khaeva S.B. [Law and Digital Transformation]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;(2):4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23 (In Russ.)]
10. Tolstykh V. Cultural Foundations and Mythological Nature of Human Rights. *Russian Law Journal*. 2020;8(2):104–119. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2020-8-2-104-119>.
11. Fomin A.A., Agapov A.N. [The constitutional and legal dimension of personal security]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2012;(4):21–23. (In Russ.)]
12. Fomina A.S. [About the principles of the state-legal mechanism to ensure personal security]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2014;4(38):153–159. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1127-5603>

Author ID: 57194869679

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1127-5603>

Author ID: 57194869679

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**CIVIL LAW;
BUSINESS LAW;
FAMILY LAW;
PRIVATE INTERNATIONAL LAW**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-22-30>

КОНВЕРГЕНЦИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА В СОБЛЮДЕНИИ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА ПО ВОПРОСАМ ДЕТСКОЙ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ

Зарапина Л.В.*, Костина О.В.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Новочерёмушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418)

Ссылка для цитирования: Зарапина Л.В., Костина О.В. Конвергенция публичного и частного права в соблюдении баланса интересов общества и государства по вопросам детской трансплантации органов и тканей. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):22–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-22-30>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Зарапина Лидия Владимировна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия»

Адрес: Новочерёмушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418

Тел.: +7 (495) 332-53-29

E-mail: zarapinalv@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 22.12.2021

Статья принята к печати: 22.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: Развитие детской трансплантации органов и тканей позволяет сформировать необходимые условия жизнедеятельности человека и гражданина с точки зрения обеспечения законных прав. Однако следует констатировать существенное отставание законодательного регулирования данного процесса от практики. В этих условиях конвергенция публичного и частного права призвана обеспечить необходимый баланс интересов, который может достигаться как путем установления законодателем императивным норм и правил, требующих неукоснительного соблюдения в рамках реализации института детской трансплантации органов и тканей. Статья посвящена проблемным вопросам конвергенции публичного и частного права в соблюдении баланса интересов общества и государства по вопросам детской трансплантации органов и тканей. Авторами на основе критической оценки организационно-правовых аспектов детской трансплантации органов и тканей предлагается ряд теоретических и практических мер, в том числе изменение действующего законодательного регулирования исследуемых правоотношений. *Целью* исследования является анализ проблем, связанных с правовым регулированием детской трансплантации органов и тканей с учетом изменяющихся подходов современной правоприменительной практики.

Ключевые слова: правовое регулирование, конвергенция публичного и частного права, трансплантация, детская трансплантация.

CONVERGENCE OF PUBLIC AND PRIVATE LAW IN MAINTAINING A BALANCE OF INTERESTS OF SOCIETY AND THE STATE ON ISSUES OF PEDIATRIC ORGAN AND TISSUE TRANSPLANTATION

Lydia V. Zarapina*, Olga V. Kostina

FGBOU "Russian State University of Justice"

(Novocheremushkinskaya str., 69, Moscow, Russia, 117418),

Link for citation: Zarapina L.V., Kostina O.V. Convergence of public and private law in maintaining a balance of interests of society and the state on issues of pediatric organ and tissue transplantation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):22–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-22-30>

CONTACT INFORMATION:

Lidiya V. Zarapina*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU "Russian State University of Justice"

Address: Novocheremushkinskaya str., 69, Moscow, Russia, 117418

Tel.: +7 (495) 332-53-29

E-mail: zarapinalv@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 22.12.2021

The article has been accepted for publication: 22.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation: The development of pediatric organ and tissue transplantation makes it possible to form the necessary conditions for the life of a person and a citizen from the point of view of ensuring legal rights. However, it should be noted that the legislative regulation of this process is significantly lagging behind practice. In these conditions, the convergence of public and private law is designed to ensure the necessary balance of interests, which can be achieved both by establishing mandatory norms and rules by the legislator that require strict compliance within the framework of the implementation of the institute of pediatric organ and tissue transplantation. The article is devoted to the problematic issues of convergence of public and private law in maintaining the balance of interests of society and the state on the issues of pediatric organ and tissue transplantation. Based on a critical assessment of the organizational and legal aspects of pediatric organ and tissue transplantation, the authors propose a number of theoretical and practical measures, including changing the current legislative regulation of the legal relations under study. The purpose of the study is to analyze the problems associated with the legal regulation of pediatric organ and tissue transplantation, taking into account the changing approaches of modern law enforcement practice.

Keywords: legal regulation, convergence of public and private law, transplantation, pediatric transplantation.

Введение

Трансплантация органов и тканей человека является весомым прорывом современной медицины, с каждым годом она приобретает все большее распространение как во всем мире, так и в России. Трансплантация органов и тканей, по своему существу, с самых первых моментов ее появления в медицинской практике связана с правовыми институтами. Пересадка органов и тканей человека является средством спасения жизни и восстановления здоровья людей. В тоже время трансплантология является достаточно спорным в юридическом и этическом плане медицинским институтом. Речь идет, в первую очередь, о проблемах реализации прав участников отношений по пересадке органов. Законодательная основа в этой области общественных отношений несформированная, достаточно коллизийная в соотношении актов, той или иной степени ее регулирующей. В настоящее время на законодательном уровне отношения в области трансплантации регулируются несколькими актами, основными из которых являются Федеральный закон

от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ и Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»².

В связи с тем, что трансплантация органов затрагивает наиболее фундаментальные права и свободы физических лиц, и особо «уязвимой» направленностью является детская трансплантология, то правовое регулирование данной сферы отношений требует тщательной разработки и закрепления. Основным недостаток перечисленных актов заключается в том, что они не отражают специфику регулирования именно детской трансплантологии, между тем, в целях защиты прав лиц, не обладающих полной дееспособностью в силу возраста, решение данного вопроса является первостепенным и имеет серьезное практическое значение.

Методы исследования

Проведение исследования базировалось на применении как общенаучных, так и частно-научных методов, например, применялись такие методы, как: формально-юридический, использованный в целях анализа порядка обеспечения баланса интересов общества и государства по вопросам детской трансплантации органов и тканей; сравнительно-правовой, позволяющий сравнить гражданско-правовую природу объектов гражданских прав, применительно к трансплантологии; системно-структурный и др. Совокупность названных методов позволила охарактеризовать особенности конвергенции публичного и частного права в соблюдении баланса интересов общества и государства по вопросам детской трансплантации органов и тканей.

Результаты исследования

Результаты исследования позволили прийти к следующим выводам:

1. Отмечая особую важность трансплантации как одного из прав гражданина на сохранение жизни или поддержание здоровья, следует обратить внимание на организационные проблемы в этой области медицины, связанные, в том числе, с низким уровнем законодательного регулирования. Например, в рамках проведенного анализа нормативных правовых актов в исследуемой области выявлена проблема отсутствия на законодательном уровне положений о порядке включения и исключения медицинских учреждений в Перечень учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека, что существенным образом затрудняет деятельность медицинских организаций, пытающихся реализовать на своей базе донорскую и (или) трансплантационную программу. Помимо прочего, из более чем 300 организаций, получивших в настоящее время лицензию на проведении соответствующих операций, фактически осуществляет свою деятельность лишь шестая часть, в первую очередь, из-за недостаточного финансирования, технического оснащения и наличия соответствующего квалифицированного персонала.

2. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о теоретической и практической проблеме определения правовой сущности объектов трансплантации и о необходимости определения законодателем четкого разграничения либо возможности конвергенции публичного и частного в данном вопросе.

3. Особое значение для целей понимания процесса конвергенции публичного и частного права в соблюдении баланса интересов общества и государства по вопросам детской трансплантации органов и тканей имеет «институт согласия». Наличие особой природы у информированной дачи согласия позволяет признать его юридическим поступком. Обратим внимание что в Государственной Думе РФ достаточно долго рассматривается Законопроект О внесении проекта федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» по вопросам донорства органов и (или) тканей человека, включая костный мозг и гемопоэтические стволовые клетки, и их трансплантации (пересадки)» от 21 апреля 2021 года № 3347п-П12, который на январь 2022 года, к сожалению, перешагнул только первое чтение, хотя в силу своей важности отношений Правительством была поставлена цель о вступлении в силу изменений в июне прошедшего года³. Главная цель законопроекта – это закрепление на всех уровнях отношений по

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Башлыкова Н. Семь раз проверь: трансплантацию разрешат только с письменного согласия: защищающий права доноров закон примет Госдума [текст: электронный]. [Прочитано 10 июля 2021].

трансплантации письменного согласия, причем прямо предусмотрено, что указанное согласие дается одним из законных представителей несовершеннолетнего лица, что позволит устранить коллизию, существующую в настоящее время.

Научная дискуссия

Право на трансплантацию – одно из важнейших прав, так как порой недостаточно медикаментозного лечения или оперативного вмешательства для сохранения жизни или поддержания здоровья. Трансплантология – отрасль биологии и медицины, изучающая проблемы трансплантации, разрабатывающая методы консервирования органов и тканей, создания и применения искусственных органов. Можно привести общее утверждение, что далеко не всем детям нужна трансплантация органов, решение о ней принимают только в тех случаях, когда никакие другие терапевтические или же хирургические методы лечения не могут восстановить структуру и функции органов, и без пересадки состояние детей будет критически и прогрессивно ухудшаться вплоть до летального исхода. Но, тем не менее, потребность в органах для осуществления трансплантации во много раз опережает существующее в настоящее время предложение.

Для наглядности ситуации следует привести статистические показатели: «в 2020 году в России было выполнено 1 960 пересадок органов, из которых 256 операций – детям. Несмотря на общее снижение трансплантационной активности год к году (с 2,4 тысячи трансплантаций в 2019 году), количество операций детям выросло на 13,6%»¹. На основе оперативных показателей следует прогнозировать, что количество детских трансплантаций в 2021 году превысит показатели 2020 года.

Определяя приоритеты в использовании донорских органов для целей детской трансплантологии, отметим следующее. Во-первых, самыми дорогими органами, без которых невозможна жизнь человека, а также с позиций ожидания самого органа, ресурса на выполнение операции, в том числе в техническом плане, являются сердце, печень и легкие. И если печень можно пересадить лишь часть – что дешевле, то относительно сердца операция очень сложная в техническом плане, что делает ее очень дорогостоящей. Однако, указанные операции проводятся реже, чем пересадка почки. Почка является на сегодняшний день самым востребованным органом, без которого организм человека может функционировать, но с большими ограничениями. Высокая востребованность еще одного органа связана с возможностью человека восстановить зрение – это роговица. Спорность в успешности у специалистов вызывает пересадка поджелудочной железы, но несмотря на это востребованность данного органа в целях трансплантации очень высока.

В общем эквиваленте листов ожидания операций по трансплантации с 2012 по 2020 год увеличилось кратно: сердце – в 1,8 раза, почки – в 2 раза, сердце – в 4,6 раза². Число трансплантаций органов детям в процентном отношении от общего числа трансплантаций (около 10%) превышает таковое в зарубежных странах (в среднем, не более 5%). В 2019 г. выполнено 227 педиатрических трансплантаций, 9,3% от общего числа трансплантаций. За период с января по ноябрь 2020 г. в стране выполнено 223 трансплантации органов детям, из них 102 пересадки почки, 113 – печени, 4 – сердца, что, несмотря на пандемию COVID-19, превышает темп за аналогичный период 2019 г.³

С целью выстраивания баланса интересов общества и государства в вопросе детской трансплантологии также необходимо обратиться и к юридической составляющей вопроса, как возможности реализации рассматриваемой отрасли медицины.

Следует признать первостепенными проблемы в исследуемой сфере – это не только низкий уровень законодательного регулирования, но и организационные проблемы.

Так, согласно действующего законодательства для проведения операций, связанных с трансплантацией органа/органов, а также в рамках «забора», «заготовки» органов, необходимо наличие соответствующей лицензии у медицинского учреждения, выдаваемой Министерством

Доступно: <https://iz.ru/1172921/natalia-bashlykova/sem-raz-prover-transplantaciiu-razreshat-tolko-s-pismennogo-soglasii>.

¹ Количество трансплантаций органов детям выросло в 2020 году на 13,6% [сайт]. Журнал ВАДЕМЕКУМ; 2021 [проецировано 20 декабря 2021]. Доступно: <https://vadecum.ru/news/2021/09/30/kolichestvo-transplantatsiy-organov-detyam-vyroslo-v-2020-godu-na-13-6/>.

² Там же.

³ Публичный отчет о результатах деятельности ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр трансплантологии и искусственных органов им. ак. В.И. Шумакова» Минздрава России и о состоянии оказания медицинской помощи по профилю «трансплантация» в 2020 году [текст: электронный]. [Проецировано 10 декабря 2021]. Доступно: <https://transpl.ru/upload/medialibrary/bce/bceb5166f484c9e0416900b843b1a4ed.pdf>.

здравоохранения РФ. На сегодняшний день на основании соответствующего Приказа Минздрава России № 515н, РАН № 1 от 25 мая 2021 года¹ можно сделать вывод о том, что:

– функции по забору и заготовке органов и (или) тканей человека выполняют: Федеральные учреждения здравоохранения (46 учреждений в списке); Учреждения здравоохранения субъектов Российской Федерации (160 учреждений в списке), в итоге 206 организаций;

– функции по осуществлению трансплантации органов и (или) тканей человека выполняют: Федеральные учреждения здравоохранения (45 учреждений в списке); Учреждения здравоохранения субъектов Российской Федерации (58 учреждений в списке), в итоге 103 организации.

В этой связи следует выделить как минимум две проблемы правового и организационного характера.

Во-первых, при анализе данного нормативного акта, выявлена проблема отсутствия на законодательном уровне положений о порядке включения и исключения медицинских учреждений в указанный Перечень. Как следствие, медицинские организации, решающие реализовать на своей базе донорскую и (или) трансплантационную программу, сталкиваются с известной правовой коллизией, в каком порядке им следует лицензироваться и включаться в Перечень.

Во-вторых, с позиций закона список достаточно внушительный. Однако, следует признать, что возможность осуществления и непосредственное функционирование следует различать. Так, по данным трансплантационного регистра, в 2020 году трансплантации органов выполнялись в 55 медицинских организациях, расположенных на территории 31 субъекта РФ. То есть и анализ статистики, и анализ интервьюирования практических работников позволяет обозначить серьезные проблемы. Прежде всего – это проблема финансирования, технического оснащения, и наконец, наличия квалифицированных кадров, а также взаимодействия между медицинскими учреждениями реаниматологов, неврологов, трансплантологов и руководителей органов здравоохранения различных звеньев.

Безусловно необходимо отметить очевидную положительную динамику в оказании трансплантационной помощи детям. Так, при распределении донорских органов дети, состоящие в листах ожидания, имеют приоритет. Например, почки от посмертных доноров, при условии возраста моложе тридцати пяти лет распределяются именно ребенку-реципиенту, находящемуся в листе ожидания. И, если ранее была достаточно обширна практика трансплантации печени ребенку за рубежом, то на современном этапе она полностью перекрывается деятельностью российских медицинских учреждений, число пересадок с 2014 по 2021 гг. увеличилось практически на 50 процентов. При этом Россия занимает 5-е место в мире по числу пересадок печени детям, но страны, стоящие впереди, имеют существенно большее население – Китай, США, Индия, Бразилия.

Далее обратимся к объектам трансплантации, регулирование которых имеет публично-правовую направленность, прежде всего. В соответствии с Законом РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» Минздрав России и РАН совместным приказом определяет Перечень органов и (или) тканей человека – объектов трансплантации, в котором присутствуют двадцать пять позиций. Семь позиций Перечня соответствуют видам трансплантаций солидных органов, которые выполняются по программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, еще одна – это трансплантация костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток. Остальные семнадцать позиций Перечня – это ткани, которые могут быть не только трансплантированы, но и использованы для производства медицинских изделий и их применения в реконструктивно-пластической хирургии, травматологии и ортопедии, стоматологии, офтальмологии. Именно тканевая часть Перечня вызывает больше всего вопросов у специалистов, так как правовой статус и количество тканей в зависимости от технологии их получения, обработки, регистрации и применения может существенно изменяться. Ткани, не представленные в Перечне, выпадают из правового регулирования для клинического применения, например, клетки островков поджелудочной железы, межпозвоночные диски, верхняя челюсть и др.

Бесспорно, вышеуказанные нормативные правовые акты не дают ответа, можно ли признать данные позиции Перечня объектами гражданских прав. В целях соотношения двух категорий и выявления конвергенции публичного и частного права обратим внимание на следующие факторы. С точки зрения гражданского законодательства, основными объектами являются вещи, что указано в

¹ Об утверждении перечня учреждений здравоохранения, осуществляющих забор, заготовку и трансплантацию органов и (или) тканей человека: Приказ Минздрава России № 515н, РАН № 1 от 25 мая 2021 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

статье 128 ГК РФ. Действительно, «среди объектов им принадлежит особое место, что определяется, во-первых, наибольшей распространённостью, и, во-вторых, возникновением по поводу вещей правоотношений собственности» [4, с. 254].

Относительно гражданско-правовой природы указанных объектов существуют различные, в том числе, диаметрально противоположные, точки зрения исследователей.

Сторонники «отрицания» в категории имущества таких объектов как органы, ткани, в том числе кровь, обосновывают свою позицию тем, что в данном случае речь идет о части организма человека, а не части материального мира, в следствие чего нельзя говорить о них, как предмете гражданско-правовой сделки [2; 3, с. 216; 8]. При этом современная судебная практика также отрицает возможность наследственного правопреемства в отношении таких объектов, мотивируя это тем, что «органы человека действующее законодательство к вещам не относит, следовательно, они не могут входить в состав наследственной массы»¹. Этот пример правоприменительной практики иллюстрирует неопределенность в возникших правоотношениях, связанных с детской (посмертной) трансплантацией.

Таким образом, проанализированные позиции относят любые возникающие правоотношения с указанными объектами в «плоскость» публичного регулирования².

В этой связи, следует обратиться к сторонникам второго подхода в исследовании правовой сущности объектов трансплантации. Ученые, отстаивающие вещно-правовую сущность органов и тканей (объектов трансплантации), отмечают, что после отделения от организма донора в данном случае и проявляется суть вещи³ [9; 14; 16], как отмечает Н.А. Маргацкая это «часть материального мира, вещи особого характера, выполняющие функции спасения жизни и восстановления здоровья больных» [10].

Существует и совершенно иная позиция признания данных объектов в списке статьи 128 ГК РФ, которая сводится к признанию таковых «личными неимущественными благами, по поводу которых складываются гражданские отношения донорства и трансплантации» [7].

Исследуя особенности правовой природы отношений трансплантации органов и тканей, с акцентом на участие лиц, не достигших совершеннолетия (детей), обратим внимание на институт согласия, раскрываемый гражданским/частным правом, определяя его место в системе юридических фактов.

Так, М.А. Каменская отмечает: «доктрина информированного согласия основана на уважении каждого человека, его права на самоопределение, на самостоятельное принятие решений, касающихся его жизни и здоровья» [5, с. 28].

Правомерным и нравственно приемлемым с точки зрения нарушения телесной целостности человека и иных сфер его частной жизни, как в прижизненном периоде, так и после смерти, вмешательство становится именно с дачей согласия, можно сказать, гарантируется им. Вместе с тем, выражение, безусловно, имеет Правовое же значение согласия тем, что оно может стать «необходимым условием медицинского вмешательства и выполняет доказательную функцию, подтверждая соблюдение предусмотренных законом прав пациента и надлежащего оказания медицинской помощи»⁴.

А.В. Тихомировым выдвигается идея, что «информированная дача согласия имеет правовую природу односторонней сделки, где волеизъявление единственного правообладателя такого блага как здоровье следует рассматривать как действие, направленное на возникновение, изменение и прекращение правоотношения, которое можно оспорить (в силу признания сделкой) именно по пороку воли – совершенного под влиянием обмана, насилия или угрозы» [15, с. 79].

¹ В частности, истец (мать наследодателя) обжалует решение суда первой инстанции, признавшее законным изъятие Городской клинической больницей органов ее дочери без предварительного согласия. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2013 года по делу № 11-27391.

² Хотя, например, статья 120 УК РФ раскрывая состав «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации», обращает внимание, что российским уголовным законодательством не предусмотрено ответственности за производство медицинского вмешательства с нарушениями порядка получения информированного добровольного согласия.

³ См., например: Аполинская Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. Иркутск, 2009.

⁴ Трубина В.А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 36, 51.

По нашему мнению, информированное согласие не имеет природу сделки. Согласие на совершение сделки, регулируемое статьей 157.1 ГК РФ следует рассматривать как самостоятельное основание возникновения, изменения и прекращения гражданского правоотношения. Однако, в случае информированного согласия пациента, связанного с осуществлением определенных медицинских манипуляций, речь идет о другой правовой природе. Следует признать информированное согласие юридическим поступком, для которого характерно то, что он может совершаться с намерением вызвать юридические последствия в дальнейшем.

Например, М.М. Агарков, определял юридические поступки, как «правомерные действия, в том числе признание тех или иных фактов, уведомления об обстоятельствах» [1, с. 50–51]. В свою очередь, О.А. Красавчиков исследуя юридический поступок, как правовую категорию, сформулировал следующее его определение: «правомерное юридическое действие, с которым нормы права связывают юридические последствия независимо от того, было ли данное действие направлено на эти указанные последствия или нет» [6, с. 216].

Соглашаясь с А. Рыбаловым в размышлениях о понятии сделки и разграничении с юридическим поступком отметим, что действие по информированному согласию «само по себе исчерпывает цель, которую оно должно достичь. Иногда действия, как такового, достаточно для достижения значимого для правового регулирования хозяйственного (экономического, фактического и т.п.) результата, поэтому отыскивать этот результат как цель поведения лица нет никакой необходимости. Здесь этот результат минует стадию цели» [12]. Для сделки направленность воли критична. Если воли нет или она дефектна, дефектной будет и сделка. Но в исследуемых правоотношениях трансплантация органов или тканей реципиенту в исключительных случаях (например, при угрозе жизни реципиента без незамедлительного проведения соответствующей операции, а также в случаях невозможности получения такого согласия) возможна без получения согласия от его родителей или законных представителей. То есть воля, которая важная для сделки, в данном случае отсутствовала, но тем не менее юридические последствия состоялись. Вышесказанное позволяет сделать вывод об особой природе информированной дачи согласия, которое следует признать юридическим поступком.

Важным для целей исследования является обращение к информированному согласию, данному родителями/законными представителями в отношении своих несовершеннолетних детей. Продолжая мысль о согласии как особом юридическом поступке, обратим внимание на следующие обстоятельства.

Следует различать установленные законом цели получаемого согласия, которые, в свою очередь, формируют отдельный набор устанавливаемых требований для таких операций. Помимо этого, форма и объем «в правовой доктрине позволяют отметить некоторые виды согласия: устное и письменное; ясно выраженное и предполагаемое; конкретное и общее; бланкетное и выборочное»¹. Специальное указание в нормативном правовом акте на использование письменной формы является неотъемлемой операцией при существенном вмешательстве в частные интересы личности².

Сразу следует оговориться, что на сегодняшний день существуют два подхода законодателя на институт согласия в отношениях детской трансплантации (как прижизненной, так и посмертной): действующий (коллизийный – ст. 6 Закона 4180-1) и отраженный в Законопроекте «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» по вопросам донорства органов и (или) тканей человека, включая костный мозг и гемопоэтические стволовые клетки, и их трансплантации (пересадки)» № 3347п-П12 от 21 апреля 2021. Данный законопроект принят в первом чтении 15 июня 2021 года и далее на декабрь 2021 года не рассмотрен в последующих чтениях Государственной Думы, хотя его вступление в силу ожидалось еще летом 2021 года³. Для эффективной реализации института согласия данный документ имеет очень важное значение и с точки зрения юридической техники, и с целью соблюдения баланса интересов общества и государства по вопросам детской трансплантации органов и тканей.

¹ Трубина В.А. Указ. соч. С. 36–37.

² Например, изъятие тканей и органов для целей трансплантации у живого донора и их пересадки реципиенту используется письменная форма в силу специального указания на это в нормативном правовом акте.

³ Например, Татьяна Голикова надеется на принятие Госдумой законопроекта о донорстве костного мозга до 18 июля [сайт]. Русфонд; 2021 [процитировано 10 июля 2021]. Доступно: <https://rusfond.ru/news/1288>.

Так, обращаясь к действующему на сегодняшний день законодательству, а именно к ст. 6 Закона РФ от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» отметим, что за реципиента, не достигшего восемнадцати лет либо признанного в установленном порядке недееспособным, для целей трансплантации органов и (или) тканей человека письменное согласие дают его родители или законный представитель (выдел. авторами). Однако не понятно, кто из родителей или же оба должны дать такое согласие, достаточно ли согласия законного представителя. В данной ситуации не исключена ситуация, когда один из родителей не согласен на любые медицинские манипуляции в отношении своего ребенка.

Специалисты в области семейного права отмечают, что «основным критерием осуществления родительских прав и обязанностей является обеспечение интересов детей» [13, с. 149]. Признаем, что согласию второго родителя отводится не совсем та роль или задача: речь идет не о защите прав ребенка, а о реализации прав законного представителя, как такового. Вне сомнения, во главу угла должно ставиться не согласие второго родителя как таковое, а интересы ребенка. Именно это важно учитывать в возникающих отношениях детской трансплантации.

При этом, пробелом в законодательстве следует признать отсутствие нормы об учете мнения ребенка в складывающихся отношениях. Хотя Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) закрепляет такие общие нормы, как, например: право ребенка на обеспечение его интересов, уважение его человеческого достоинства (ст. 54), а также право ребенка на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (ст. 56).

Согласимся с Е.А. Останиной в том, что внедрение в законодательство о трансплантации норм, закрепляющих учет мнения ребенка, соответствует общей концепции содержания ст. 57 СК РФ, а также нормам международного права [11].

Таким образом, выделение пробелов в законодательном регулировании вопросов, связанных с детской трансплантацией органов и тканей неизбежно приводит к осознанию необходимости конвергенции публичного и частного права в соблюдении баланса интересов общества и государства в сфере детской трансплантации органов и тканей. В свою очередь сфера трансплантологии нуждается в кардинальном совершенствовании законодательства. Однако при регулировании вопросов трансплантологии необходима постоянная совместная работа юристов и медицинских работников, которая бы соответствовала морально-этическим и духовным ценностям российского общества.

Список использованной литературы:

1. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву. *Советское государство и право*. 1946;(3–4):50–51.
2. Богомолова Л.Г., Гаврилов О.К. Донорство. Л.: Наука, 1971.
3. Волож З.Л. Право на кровь. *Вестник советской юстиции*. 1928;(7).
4. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Егоров Н.Д., Елисеев И.В., Иванов А.А. и др.; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект: Велби; 2005.
5. Каменская М.А. Актуальные аспекты этики в реаниматологии: доктрина информированного согласия и понятие смерти мозга. *Реаниматология и интенсивная терапия*. 1999;(1):28–37.
6. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. Т. 2. 2-е изд. М., 2017.
7. Красавчивова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. акад.; 1994.
8. Красновский Г.Н. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в законе Российской Федерации о

References:

1. Agarkov M.M. [The concept of a transaction under Soviet civil law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet state and law*. 1946;(3–4):50–51. (In Russ.)]
2. Bogomolova L.G., Gavrilov O.K. [Donation]. L.: Nauka; 1971. (In Russ.)]
3. Volozh Z.L. [The right to blood]. *Vestnik sovetskoi yustitsii = Bulletin of Soviet Justice*. 1928;(7). (In Russ.)]
4. [Civil law]: textbook: in 3 vols. 1 / Egorov N.D., Eliseev I.V., Ivanov A.A. et al.; Edited by A.P. Sergeyev, Y.K. Tolstoy. 6-th ed. revised and supplemented. Moscow: Prospect: Welby; 2005. (In Russ.)]
5. Kamenskaya M.A. [Actual aspects of ethics in intensive care: the doctrine of informed consent and the concept of brain death]. *Reanimatologiya i intensivnaya terapiya = Resuscitation and intensive care*. 1999;(1):28–37. (In Russ.)]
6. Krasavchikov O.A. [Categories of the science of civil law: selected works]: in 2 vols. T. 2. 2nd ed. M., 2017. (In Russ.)]
7. Krasavchivova L.O. [The concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation]. Ekaterinburg: Ural Publishing House. jurid. acad.; 1994. (In Russ.)]
8. Krasnovskii G.N. [Bioethical and criminal law problems in the law of the Russian Federation on

трансплантации органов и (или) тканей человека. *Государство и право*. 1993;(12):69–75.

9. Малеина М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность. *Законодательство*. 2003;(11):13–20.

10. Маргацкая Н. Гражданско-правовые вопросы трансплантации и донорства. *Вестник Московского университета*. 1980;(2):83–89.

11. Останина Е.А. Право на свое тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиций гражданского права. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019;(8):156–195.

12. Рыбалов А. К вопросу о понятии сделки [текст: электронный]. [Прочитано 10 декабря 2021]. Доступно:

https://zakon.ru/blog/2014/4/9/k_voprosu_o_ponyatii_sdelki.

13. Семейное право: Учебник / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2016.

14. Суховерский В.Л. Гражданско-правовое регулирование отношений по здравоохранению. *Советское государство и право*. 1975;(6):98–106.

15. Тихомиров А.В. Теория медицинской услуги и медицинского деликта: учебно-научное пособие. М., 2012.

16. Широков К. Проблемы легализации платного донорства при трансплантации органов и тканей человека. «Черные дыры» в Российском Законодательстве. *Юридический журнал*. 2007;(3):134–136.

transplantation of human organs and (or) tissues]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 1993;(12):69–75. (In Russ.)]

9. Maleina M.N. [The status of organs, tissues, and the human body as objects of property rights and the right to physical integrity]. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2003;(11):13–20. (In Russ.)]

10. Margatskaya N. [Civil law issues of transplantation and donation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of the Moscow University*. 1980;(2):83–89. (In Russ.)]

11. Ostanina E.A. [The right to your body: orders regarding organs, tissues, cells and embryos from the standpoint of civil law]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019;(8):156–195. (In Russ.)]

12. Rybalov A. [To the question of the concept of a transaction] [text: electronic]. [Quoted December 10, 2021]. Available: https://zakon.ru/blog/2014/4/9/k_voprosu_o_ponyatii_sdelki. (In Russ.)]

13. [Family law: Textbook] / Edited by P.V. Krashenninnikova. Moscow, 2016. (In Russ.)]

14. Sukhovetskii V.L. [Civil law regulation of health care relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet state and law*. 1975;(6):98–106. (In Russ.)]

15. Tikhomirov A.V. [Theory of medical services and medical tort: an educational and scientific manual]. Moscow, 2012. (In Russ.)]

16. Shirokov K. [Problems of legalization of paid donation during transplantation of human organs and tissues]. "Chernye dyry" v Rossiiskom Zakonodatel'stve. *Yuridicheskii zhurnal = "Black holes" in Russian Legislation. Law Journal*. 2007;(3):134–136. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зарапина Лидия Владимировна*

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3248>

Костина Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия»
ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8510-1182>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lydia V. Zarapina*

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU «Russian State University of Justice»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3248>

Olga V. Kostina

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU «Russian State University of Justice»
ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8510-1182>

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА – СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ ОРУДИЕ / СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Антонова Е.Ю.

Дальневосточный юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
(Суханова ул., д. 8, г. Владивосток, Россия, 690091)

Ссылка для цитирования: Антонова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):31–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Антонова Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»

Адрес: Суханова ул., д. 8, г. Владивосток, Россия, 690091

Тел.: +7 (423) 239-25-70

E-mail: antonovy@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 23.12.2021

Статья принята к печати: 24.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: Внедрение технологий (систем), использующих искусственный интеллект, направлено на создание условий, улучшающих качество жизни населения. Вместе с тем при использовании данных технологий/систем возникают риски причинения вреда/ущерба различным объектам уголовно-правовой охраны. Уже сегодня становится очевидным, что технологии (системы) искусственного интеллекта могут быть использованы в качестве орудия или средства совершения общественно опасного деяния. Создание сильного или универсального искусственного интеллекта, способного без участия человека решать различные задачи, приводит ученых к размышлениям о возможности его признания самостоятельным субъектом преступления.

Цель работы. Выявить проблемы уголовно-правового реагирования на общественно опасные деяния, совершаемые с использованием технологий (систем) искусственного интеллекта. Для достижения данной цели поставлены *задачи*, связанные с конструированием ситуаций, при которых возможно причинение вреда/ущерба объектам, охраняемым уголовным законом, при использовании технологий (систем) искусственного интеллекта; определением возможности признания технологий (систем) искусственного интеллекта в качестве субъекта преступления и уголовной ответственности.

Методы. В основу исследования положены всеобщий диалектический метод познания, а также совокупность общенаучных и частнонаучных методов исследования (анализ, синтез, логический, восхождения от абстрактного к конкретному, индукция, дедукция и др.).

Результаты. Определено, что в настоящее время технологии (системы), использующие искусственный интеллект, в основном применяются для совершения киберпреступлений. Прогнозируется расширение сферы преступного применения данных технологий (систем). Среди преимуществ применения данных технологий (систем) в процессе совершения общественно опасных

деяний выделяются возможность их использования на любых территориях, физическая безопасность субъектов их применяющих и сложность их обнаружения.

Делается *вывод* о том, что технологии искусственного интеллекта в настоящее время являются лишь орудиями или средствами совершения преступлений. Субъектами преступлений являются физические лица, конструирующие, производящие или использующие технологии (системы) искусственного интеллекта для выполнения объективной стороны общественно опасного деяния.

Ключевые слова: искусственный интеллект, орудие и средство совершения преступления, субъект преступления.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES – A SUBJECT OF A CRIME OR AN INSTRUMENT / MEANS OF COMMITTING A CRIME?

Elena Yu. Antonova

Far Eastern Law Institute (branch)

FGKOU VO "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"
(Sukhanova str., 8, Vladivostok, Russia, 690091)

Link for citation: Antonova E.Yu. Artificial intelligence technologies – a subject of a crime or an instrument / means of committing a crime? *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):31–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>

CONTACT INFORMATION:

Elena Yu. Antonova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law of the Far Eastern Law Institute (Branch) of the FGKOU VO "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"

Address: Sukhanova str., 8, Vladivostok, Russia, 690091

Tel.: +7 (423) 239-25-70

E-mail: antonovy@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 23.12.2021

The article has been accepted for publication: 24.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation: The introduction of technologies (systems) using artificial intelligence is aimed at creating conditions that improve the quality of life of the population. At the same time, when using these technologies/systems, there are risks of causing harm/damage to various objects of criminal law protection. It is already becoming obvious today that artificial intelligence technologies (systems) can be used as a tool or means of committing a socially dangerous act. The creation of a strong or universal artificial intelligence capable of solving various problems without human participation, leads scientists to speculate about the possibility of recognizing it as an independent subject of a crime.

Objective. To identify the problems of criminal-legal response to socially dangerous acts committed using artificial intelligence technologies (systems). To achieve this goal, tasks have been set related to the design of situations in which harm/damage to objects protected by criminal law is possible when using artificial intelligence technologies (systems); determining the possibility of recognizing artificial intelligence technologies (systems) as a subject of crime and criminal liability.

Methods. The research is based on the universal dialectical method of cognition, as well as a set of general scientific and specific scientific research methods (analysis, synthesis, logical, ascent from the abstract to the concrete, induction, deduction, etc.).

Results. It has been determined that currently technologies (systems) using artificial intelligence are mainly used to commit cybercrimes. Expansion of the sphere of criminal application of these technologies (systems) is predicted. Among the advantages of using these technologies (systems) in the process of committing socially dangerous acts, the possibility of their use in any territory, the physical safety of the subjects using them and the complexity of their detection are distinguished.

It is concluded that artificial intelligence technologies are currently only instruments or means of committing crimes. Subjects of crimes are individuals who design, produce or use technologies (systems) of artificial intelligence to perform the objective side of a socially dangerous act.

Keywords: artificial intelligence, instrument and means of committing a crime, subject of a crime.

Введение

Среди основных задач по достижению цели научно-технического развития нашего государства называется развитие перспективных высоких технологий, в том числе искусственного интеллекта¹.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений в свою очередь включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений².

Вопрос о внедрении технологий (систем) ИИ поднимается в самых разных областях: в промышленности, при анализе и моделировании различных аварийных ситуаций, разработке интеллектуальных систем дорожного движения, системы автопилот, здравоохранении, а также для обеспечения национальной безопасности, в частности в процессе выявления коррупционных рисков и фактов коррупционного поведения, предупреждения террористических, экстремистских и иных преступлений, и т.д.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года³ говорится о том, что использование технологий ИИ в социальной сфере способствует созданию условий для улучшения уровня жизни населения, в том числе за счет повышения качества услуг в сферах здравоохранения и образования; повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг, а также снижения затрат на их предоставление.

К примеру, предполагается, что интеллектуальная система дорожного движения должна оказать помощь водителю при вождении, может уменьшить количество его ошибок и повысить безопасность дорожного движения [16, с. 1–7].

Технологии (системы) ИИ становятся неотъемлемой частью в сфере здравоохранения (включая профилактические обследования, диагностику, основанную на анализе изображений, прогнозирование возникновения и развития заболеваний, подбор оптимальных дозировок лекарственных препаратов, сокращение угроз пандемий, автоматизацию и точность хирургических вмешательств)⁴. Уже сегодня разработаны системы, которые ассистируют человеку – врачу при проведении операций. Есть определенный набор знаний, симптомов, сочетаний, историй болезни, которые заложены в машину, и она на основании этих признаков определяет, что это симптом, находит похожие истории, выбирает среди них лучший достигнутый результат в подходе к лечению и ассистирует врачу, подсказывает ему оптимальный ход лечения заболевания⁵.

В правоприменительной деятельности технологии ИИ используются, например, при анализе данных с камер видеонаблюдения при розыске нарушителей правопорядка, идентификации личности, распознавании номеров транспортных средств, контроле дорожного движения и т.д.

Разнообразные новые технологии формируют цифровой набор решений, которые бросают вызов существующему положению вещей. По некоторым оценкам, к 2030 году ИИ добавит около 14% (15,7 трлн. долларов США) в мировую экономику, однако наблюдатели высказывают опасения, начиная от неблагоприятного воздействия на занятость и заканчивая этическими последствиями

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400) [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2021. Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.

² Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490) [сайт]. Президент России; 2021 [процитировано 30 июля 2021]. Доступно: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Как далеко шагнули разработки в области искусственного интеллекта? [сайт]. Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ; 2021 [процитировано 29 июля 2021]. Доступно: <https://mephi.ru/content/news/1387/124364>.

принятия решений на основе ИИ [14, с. 999–1027]. Немаловажным является и вопрос о влиянии научно-технических достижений на развитие правовых отношений.

В настоящее время констатируется тот факт, что правовые нормы отстают от научных результатов в сфере высоких технологий: «бурное развитие научно-технического прогресса способствовало образованию правового вакуума, причина чего – формирование новой парадигмы цифрового общества, в которую не вписывается в полной мере существующая правовая система» [3, с. 74].

Разрабатывая правовой механизм регулирования технологий (систем) ИИ важно помнить о том, что научно-техническая революция происходит не изолировано от общественного развития, она тесно связана с социальным прогрессом, влияет на все стороны жизни современного общества, включая управление социальными явлениями и процессами, образование, быт, культуру, психологию людей и т.д. [1, с. 307].

Именно поэтому научно-технические достижения не могут не сказаться на правовой политике государства в целом и уголовно-правовой политике, в частности. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что наряду с улучшением качества жизни, при использовании технологий (систем) ИИ возникают риски причинения вреда/ущерба различным объектам уголовно-правовой охраны. Данные обстоятельства и породили дискуссию о возможности признания технологий (систем) ИИ в качестве самостоятельных субъектов преступления.

Методы исследования

При помощи диалектического метода познания были изучены способы использования технологий (систем) ИИ в процессе совершения общественно опасных деяний. Данный метод позволил обозначить перспективы совершенствования данных механизмов и спрогнозировать увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием технологий (систем) ИИ. Методы анализа и синтеза использовались при формировании основных выводов по исследуемым вопросам использования технологий (систем) ИИ в процессе совершения преступления. Логический метод и метод восхождения от абстрактного к конкретному способствовали выявлению проблем, связанных с конструированием ключевых ситуаций, при которых возможно причинение вреда/ущерба объектам, охраняемым уголовным законом, при использовании технологий (систем) ИИ. Индукция и дедукция позволили аргументировать сформулированные в ходе исследования выводы и предложения.

Результаты исследования

Технологии (системы) ИИ создает человек, он же внедряет их в те или иные сферы нашей жизни. Не исключены ситуации использования таких технологий (систем) для причинения вреда/ущерба объектам уголовно-правовой охраны (здоровью, конституционным правам и свободам человека и гражданина, экономическим отношениям, общественной безопасности, пограничной безопасности и т.д.). Такой вред может быть причинен умышленно.

К примеру, «распространенным явлением стали массированные атаки беспилотных летательных аппаратов на военные и гражданские объекты, а также применение дронов для трансграничной переброски военных грузов в интересах боевиков»¹. В структуре ряда формирований созданы группы управления дронами, в задачи которых входят разведка местности, фото- и видеофиксация рельефа и интересующей инфраструктуры, доставка средств поражения, начиненных, в том числе химическими и отравляющими веществами, к объектам нападения².

Прогнозируется появление преступных групп, совершающих убийства, замаскированные под технические инциденты [4, с. 169–178].

Технологии (системы), использующие ИИ, позволяют компьютерам и другим механизмам обучаться, адаптироваться к задаваемым параметрам и выполнять определенные задачи. В отдельных случаях (например, при обработке больших данных и выявлении в них закономерностей) выполнение этих задач в короткие сроки посильно только машине. Это позволяет применять технологии (системы) ИИ для совершения преступлений с использованием цифровых технологий и средств связи. В последние годы прослеживается тенденция на увеличение таких общественно опасных деяний.

¹ Вступительное слово на открытии пленарного заседания Директора ФСБ России А.В. Бортникова. *Вестник национального антитеррористического комитета*. 2020;1(23):7–11. С. 8.

² Выступление руководителя Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ России А.С. Седова. *Вестник национального антитеррористического комитета*. 2020;1(23):15–18. С. 17.

Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России¹ в 2019 г. было зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 68,5% больше, чем за аналогичный период предыдущего года – АППГ), в 2020 г. – 510,4 тыс. (на 73,4% больше, чем за АППГ), в январе-октябре 2021 г. – 454,6 тыс. (на 8,1% больше, чем за ААПГ). Их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений в 2018 г. составил 8,8%, в 2019 г. – 14,5%, в 2020 г. – 25%, в январе-октябре 2021 г. – 26,6%. 48,5% (в 2019 г.), 52,4% (в 2020 г.) и 56,6% (в январе-октябре 2021 г.) таких преступлений относятся к категориям тяжких и особо тяжких.

Период пандемии 2020 года только усилил эту тенденцию – в этот период кибербезопасность всего мирового сообщества пошатнулась, многие традиционные методы совершения преступлений претерпели трансформацию [7, с. 25]. Так, на протяжении всего 2020 года Group-IB фиксировала рост числа финансовых мошенничеств с использованием социальной инженерии – вишинга, фишинга – жертвами которых становились, в основном, клиенты банков. Суммарно за 9 месяцев 2020 года CERT-GIB заблокировал 14 802 фишинговых ресурса, нацеленных на хищение денег и персональной информации посетителей сайтов (логины, пароли от аккаунтов и интернет-банков, данные банковских карт). Это больше, чем за 2019 год, когда были заблокированы 14 093 таких веб-ресурсов².

Таким образом, как отмечают ученые, технологии (системы) ИИ имеют криминальный потенциал. Они могут быть использованы в качестве инструмента для облегчения совершения общественно опасного деяния либо в качестве орудия преступной деятельности [9, с. 54–55].

В настоящее время одним из наиболее популярных злоупотреблений ИИ являются дипфейки, которые включают использование методов ИИ для создания или манипулирования аудио и визуальным контентом, чтобы они выглядели аутентичными. Дипфейки, сочетающие в себе «глубокое обучение» и «фейковые медиа», идеально подходят для использования в кампаниях по дезинформации, поскольку их трудно сразу отличить от легитимного контента даже с использованием технологических решений. Иллюстративным в этой связи является пример британской энергетической компании, которая перевела почти 200 000 британских фунтов (примерно 260 000 долларов США) на счет в венгерском банке после того, как злоумышленник использовал технологию deepfake audio для авторизации платежей, выдавая себя за голос генерального директора фирмы [13].

Очевидными являются и преимущества применения данных технологий (систем) в процессе совершения общественно опасных деяний. В частности, возможность их использования на любых территориях, в том числе представляющих опасность (зоны военных конфликтов, чрезвычайных экологических ситуаций или экологического бедствия и др.); физическая безопасность субъектов их применяющих (например, при использовании опасных предметов – химических, отравляющих или взрывчатых веществ и др.) и сложность их обнаружения.

Отмечается, что в современном мире рассматриваемые технологии используются в основном для совершения киберпреступлений (кибератаки с применением вирусных программ, программ шпионов и т.п.; применении роботов-дронов с алгоритмами ИИ в целях совершения террористических преступлений, доставки наркотических средств и других запрещенных предметов – оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств и пр.) [8, с. 29–32].

Не исключены и несчастные случаи, например, при неисправности или сбое системы ИИ, выхода ее из-под контроля, системных ошибках, взлома системы со стороны третьих лиц.

Как отмечают эксперты по ИИ, в настоящее время машине дают возможность самообучаться, при этом она может делать выводы и ошибочные³.

Важным вопросом при применении систем ИИ является и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе права каждого на неприкосновенность частной жизни.

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2020. С. 4; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2021. С. 4; Состояние преступности в России за январь-октябрь 2021 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2021. С. 3.

² Преступность в эпоху пандемии: офлайн падает, онлайн стремительно растет [сайт]. SkСколково; 2021 [процитировано 10 декабря 2021]. Доступно: <https://sk.ru/news/prestupnost-v-epohu-pandemii-oflayn-padaet-onlayn-stremitelno-rastet/>.

³ Как далеко шагнули разработки в области искусственного интеллекта? [сайт]. Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ; 2021 [процитировано 29 июля 2021]. Доступно: <https://mephi.ru/content/news/1387/124364>.

Такой вопрос встает, например, при внедрении в транспортную инфраструктуру системы автоматической фото- и видеофиксации с применением камер видеонаблюдения высокой четкости. Отмечается, что такие средства видеонаблюдения будут сканировать лица участников дорожного движения (разработчики утверждают, что это позволит отказаться от проездных билетов и оплачивать поездку путем автоматического списывания денежных средств с привязанного к пассажиру электронного кошелька) [2, с. 96].

Сложным и неоднозначным является и вопрос о том, кому принадлежат личные данные о здоровье. Возникает противоречие между интересами поставщика медицинских услуг, конфиденциальностью пациентов, проблемами авторских прав и интеллектуальной собственностью разработчиков ИИ, а также всеобщим интересом общественности к открытому доступу к данным, которые могут улучшить медицинское обслуживание [12, с. 107–118].

В связи с этим внедрение ИИ порождает целый ряд вопросов, в том числе связанных с правовой ответственностью.

С одной стороны, уголовный закон содержит нормы, позволяющие отреагировать на причинение вреда/ущерба тем или иным общественным отношениям в процессе совершения общественно опасных деяний с использованием технологии (системы) ИИ: при нарушении конституционных прав и свобод – это, например, ст. 137 УК РФ, при имущественном ущербе – нормы гл. 21 УК РФ, в случае посягательств на общественную безопасность – нормы раздела IX УК РФ и т.д. Многие нормы уголовного закона уже сегодня дополнены криминообразующим или квалифицирующим (особо квалифицирующим) признаком – «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», совершенствуются и нормы о преступлениях в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ). Но, с другой стороны, существующие нормы, не всегда охватывают весь спектр возможных угроз при использовании технологий (систем) ИИ.

Научная дискуссия

В процессе научной дискуссии на заданную тему выделяются несколько ключевых ситуаций, при которых возможно причинение вреда/ущерба объектам, охраняемым уголовным законом, при использовании технологий (систем) ИИ:

- в процессе конструирования/производства технологии (системы), использующей ИИ, была допущена ошибка, повлекшая причинение вреда/ущерба;
- был осуществлен неправомерный доступ в систему ИИ, который повредил или модифицировал ее функции, повлекшие причинение вреда/ущерба;
- технология (система) ИИ была изначально создана для причинения вреда/ущерба.

С учетом того, что алгоритм поведения искусственного интеллекта создан человеком, и его деятельность основывается на достаточно строгих правилах поведения [6, с. 467], полагаем, что в первой ситуации ответственности должен подлежать разработчик/производитель (при условии, что в процессе конструирования/производства соответствующей технологии он допустил небрежность либо легкомыслие), во второй – лицо, совершившее неправомерный доступ в систему ИИ и повредившее либо модифицировавшее ее функции, а в третьей – разработчик, умышленно создавший систему для причинения того или иного вреда/ущерба. Во всех трех ситуациях существует сложность в выявлении того лица, чья небрежность/легкомыслие или умышленное действие явились главной непосредственной причиной, повлекшей за собой причинение вреда/ущерба, а также в установлении причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими вредными последствиями.

Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые [11, с. 553] и она в целом согласуется с положениями Кодекса этики искусственного интеллекта (подписанном 26.10.2021 г. Альянсом в сфере искусственного интеллекта и несколькими организациями¹), в котором зафиксировано, что в настоящее время ответственность за последствия применения технологии (системы) ИИ всегда несет человек. Исходя из этого, разработчики должны обеспечивать комплексный надзор человека за любыми системами ИИ в объеме и порядке, зависящих от их назначения (например, фиксировать существенные решения человека на всех этапах жизненного цикла системы ИИ или предусматривать регистрационные записи ее работы; обеспечивать прозрачность применения системы ИИ и

¹ Крупнейшие компании подписали первый в России кодекс этики искусственного интеллекта [сайт]. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации; 2021 [процитировано 29 июля 2021]. Доступно: <https://digital.gov.ru/ru/events/41339/>.

возможность отмены человеком и (или) предотвращения принятия социально и юридически значимых решений и действий системы ИИ на любом этапе жизненного цикла системы ИИ там, где это разумно применимо). За все последствия работы системы ИИ всегда должен отвечать человек (физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации).

Вместе с тем необходимо помнить, что в перспективе технологии (системы), использующие ИИ будут наделены способностью самообучаться и «во всех своих проявлениях станут умнее людей» [10, с. 566].

Не исключена ситуация, при которой ИИ самостоятельно примет решение о причинении вреда/ущерба или о не предотвращении такового.

В данном случае речь идет о создании так называемого сильного или универсального ИИ (Strong AI, Super AI) способного, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям.

К примеру, в настоящее время дроны и роботы поддерживаются встроенными автономными подсистемами, которые поддерживают настройку двигателей и направляют антенны на спутники, а некоторые могут автономно перемещаться, ходить и маневрировать в сложных условиях. Решения же о наведении и стрельбе вооруженных роботизированных систем остаются под жестким контролем операторов-людей. Создание автономного оружия, то есть роботизированных систем, которые после активации могут выбирать цели и поражать их без дальнейшего вмешательства человека-оператора, может изменить ситуацию. Например, дроны или ракеты, которые охотятся за своими целями, используя свои бортовые датчики и компьютеры. На основе решения компьютера о том, что подходящая цель была обнаружена, эта цель будет поражена. Сторожевые системы могут иметь возможность обнаруживать злоумышленников, отдавать им приказ остановиться и стрелять, если приказ не выполняется [15, с. 32–42].

При этом для решения вопроса о признании технологий (систем), использующих ИИ, в качестве самостоятельного субъекта преступления необходимо четкое понимание механизма их действия. Согласимся и с мнением ученых о том, что технологии (системы) ИИ смогут нести ответственность только в случае, если им будет присуща законодательно закрепленная дееспособность и выявлена из «техническая» дееспособность [5, с. 42–45]. Кроме того, детального изучения потребует вопрос о субъективной стороне деяний, совершаемых ИИ самостоятельно. Только комплексное решение поставленных вопросов позволит говорить об ИИ как самостоятельном субъекте преступлений.

В настоящее же время технологии (системы) ИИ, на наш взгляд, являются лишь орудиями или средствами совершения преступлений. Субъектами преступлений являются физические лица, конструирующие, производящие или использующие технологии (системы) ИИ для выполнения объективной стороны общественно опасного деяния. В случаях, когда технологии (системы), использующие ИИ, существенно скажутся на степени общественной опасности совершаемых деяний, можно будет ставить вопрос о внесении изменений в уголовное законодательство в части обстоятельств, отягчающих наказание, или квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков соответствующих составов преступлений.

Список использованной литературы:

1. Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР; 1975.
2. Бимбинов А.В. Криминальные угрозы транспортной среды «умного города». *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2020;3(51):94–99. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-3-94-99.
3. Воронин В.Н. Уголовно-правовые риски развития цифровых технологий: постановка проблемы и методы научного исследования. *Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018;(12):73–80. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.073-080.

References:

1. Avanesov G.A. [Criminology. Forecasting. Control]. Gorky: Gorky Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs; 1975. (In Russ.)]
2. Bimbinov A.V. [Criminal threats to the transport environment of the «smart city»]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;3(51):94–99. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-3-94-99 (In Russ.)]
3. Voronin V.N. [Criminal and legal risks of digital technologies development: problem statement and methods of scientific research]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)*. 2018;(12):73–80. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.073-080 (In Russ.)]

4. Грачева Ю.В., Арямов А.А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности. *Актуальные проблемы российского права*. 2020;6(115):169–178. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178.
5. Ефремова М.А., Лопатина Т.М. Робот как субъект уголовно-правовых отношений. *Российский следователь*. 2021;(9):42–45.
6. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2019;10(3):461–476. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304>.
7. Озеров И.Н., Озеров К.И. Новые способы совершения мошеннических действий в сфере IT-технологий в период коронавирусной инфекции. *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина*. 2021;(1):24–28.
8. Попова Н.Ф. Применение технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности. *Административное право и процесс*. 2021;(3):29–32.
9. Расторопова О.В. Противодействие использованию искусственного интеллекта в преступных целях. *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2021;4(84):52–58.
10. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретический и прикладные аспекты. *Всероссийский криминологический журнал*. 2019;13(4):564–574. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574.
11. Шестак В.А., Волеводз А.Г., Ализаде В.А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США. *Всероссийский криминологический журнал*. 2019;13(4):547–554. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).547-554.
12. Canadian Association of Radiologists White Paper on Ethical and Legal Issues Related to Artificial Intelligence in Radiology for the Canadian Association of Radiologists (CAR) Artificial Intelligence Working Group. *Canadian Association of Radiologists Journal*. 2019;70(2):107–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.carj.2019.03.001>.
13. Exploiting AI: How Cybercriminals Misuse and Abuse AI and ML // Trend Micro, United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI), and Europol.
14. George G., Merrill R.K., Schillebeeckx S.J.D. Digital Sustainability and Entrepreneurship: How Digital Innovations Are Helping Tackle Climate Change and Sustainable Development. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2020;45(5): 999–1027. DOI: 10.1177/1042258719899425.
15. Gubrud M. Stopping killer robots. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2014;70(1):32–
4. Gracheva Yu.V., Aryamov A.A. [Robotization and Artificial Intelligence: Criminal Law Risks in the Sphere of Public Security]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* = *Actual Problems of Russian Law*. 2020;6(115):169–178. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178 (In Russ.)]
5. Efremova M.A., Lopatina T.M. [Robot as a subject of criminal law relations]. *Rossiiskii sledovatel'* = *Russian investigator*. 2021;(9):42–45. (In Russ.)]
6. Mosechkin I.N. [Artificial intelligence and criminal responsibility: problems of the formation of a new type of subject of crime]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* = *Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2019;10(3):461–476. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304> (In Russ.)]
7. Ozerov I.N., Ozerov K.I. [New ways of committing fraudulent activities in the field of IT technologies during the period of coronavirus infection]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina* = *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*. 2021;(1):24–28. (In Russ.)]
8. Popova N.F. [Application of artificial intelligence technologies in law enforcement]. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative law and process*. 2021;(3):29–32. (In Russ.)]
9. Rastoropova O.V. [Counteraction to the use of artificial intelligence for criminal purposes]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii* = *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2021;4(84):52–58. (In Russ.)]
10. Khisamova Z.I., Begishev I.R. [Criminal liability and artificial intelligence: theoretical and applied aspects]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* = *All-Russian criminological journal*. 2019;13(4):564–574. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574 (In Russ.)]
11. Shestak V.A., Volevodz A.G., Alizade V.A. [On the possibility of doctrinal perception by the common law system of artificial intelligence as a subject of a crime: on the example of US criminal law]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* = *All-Russian Criminological Journal*. 2019;13(4):547–554. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).547-554 (In Russ.)]
12. Canadian Association of Radiologists White Paper on Ethical and Legal Issues Related to Artificial Intelligence in Radiology for the Canadian Association of Radiologists (CAR) Artificial Intelligence Working Group. *Canadian Association of Radiologists Journal*. 2019;70(2):107–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.carj.2019.03.001>.
13. Exploiting AI: How Cybercriminals Misuse and Abuse AI and ML // Trend Micro, United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI), and Europol.
14. George G., Merrill R.K., Schillebeeckx S.J.D. Digital Sustainability and Entrepreneurship: How Digital Innovations Are Helping Tackle Climate Change and Sustainable Development. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2020;45(5): 999–1027. DOI: 10.1177/1042258719899425.
15. Gubrud M. Stopping killer robots. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2014;70(1):32–

42. DOI: 10.1177/0096340213516745.

16. Li M., Wang W., Ranjitkar P., Chen T. Identifying drunk driving behavior through a support vector machine model based on particle swarm algorithm. *Advances in Mechanical Engineering*. 2017;9(6):1–7.

DOI: 10.1177/1687814017704154.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонова Елена Юрьевна

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6605-3699>

Scopus ID: 57205298413

Researcher ID: ABD-6781-2021

42. DOI: 10.1177/0096340213516745.

16. Li M., Wang W., Ranjitkar P., Chen T. Identifying drunk driving behavior through a support vector machine model based on particle swarm algorithm. *Advances in Mechanical Engineering*. 2017;9(6):1–7.

DOI: 10.1177/1687814017704154.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Antonova

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law of the Far Eastern Law Institute (Branch) of the FGKOU VO "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6605-3699>

Scopus ID: 57205298413

Researcher ID: ABD-6781-2021

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-40-49>

ДОЛЖНО ЛИ УГОЛОВНОЕ ПРАВО ОБЕСПЕЧИВАТЬ ПРИНУДИТЕЛЬНОСТЬ МОРАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ?

Козаченко И.Я.*, Сергеев Д.Н.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»
(Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137)

Ссылка для цитирования: Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов? *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):40–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-40-49>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Козаченко Иван Яковлевич*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»

Адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137

Тел.: +7 (343) 375-53-06, доб. 5170

E-mail: uglaw@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта №18-29-14028 «Проект криминализации деяний в сфере исследования генома человека и других организмов».

Статья поступила в редакцию: 17.12.2021

Статья принята к печати: 17.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: *Цель и задачи.* В статье исследуется соотношение морали и уголовного права, формулируются и описываются модели влияния морали на процесс криминализации.

Методы. Статья основывается на требованиях всесторонности, полноты и объективности. Основные модели влияния морали на уголовное право описаны обзорно, на основе метода классификации. Используется также сравнительно-правовой, эмпирический и исторический методы. Содержание работы отвечает требованию междисциплинарности, поскольку затрагивает философские и этико-юридические аспекты проблемы.

Результаты. Обосновывается, что моральный запрет ориентирован на ценностно-мотивационную составляющую личности индивида. Уголовный закон воздействует на эмоциональную составляющую, продуцируя страх уголовной ответственности. Делается *вывод*, что морали для ее поддержания не нужен уголовный закон, а уголовному закону не требуется оправдания морали. Между уголовным правом и моралью нет четких границ, правильнее описать их расположение в системе координат социальных норм не с помощью кругов Эйлера или вычерчивания границ, а с помощью слоев или «этажей». Каждый из этих регуляторов обладает собственным «проблемным полем». С учетом того, что ни могут пересекаться, мораль способна существенно влиять на процесс криминализации. Выделены три модели такого влияния. Первая модель – межнормативность. Эта модель описывает естественную диффузию норм морали и уголовного права. Вторая модель – юридический морализм – описывает поддержание некоторых моральных ценностей принудительной силой уголовного закона. Третья модель – моральный популизм – представляет собой апеллирование к некоторым моральным ценностям для продвижения некоторого решения в качестве всеобщеедоброго.

Ключевые слова: мораль, уголовное право, криминализация, межнормативность, юридический морализм, моральный популизм.

SHOULD CRIMINAL LAW ENFORCE MORAL PROHIBITIONS?

Ivan Ya. Kozachenko*, Danil N. Sergeev

FGBOU VO "Ural State Law University"

(Komsomolskaya str., 21, Yekaterinburg, Russia, 620137)

Link for citation: Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. Should criminal law enforce moral prohibitions? *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):40–49. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-40-49>

CONTACT INFORMATION:

Ivan Ya. Kozachenko*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of Criminal Law Department FGBOU VO "Ural State Law University"

Address: Komsomolskaya str., 21, Yekaterinburg, Russia, 620137

Tel.: +7 (343) 375-53-06, ext. 5170

E-mail: uglaw@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (grant project No.18-29-14028 "The Project of Criminalizing Actions in Human Genome and Other Organism Research").

The article was submitted to the editorial office: 17.12.2021

The article has been accepted for publication: 17.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation: Purpose and Objectives: The article explores the relationship between morality and criminal law, formulating and describing models of the influence of morality on the criminalization process.

Methods: The article is based on the requirements of comprehensiveness, completeness and objectivity. The main models of the influence of morality on criminal law are described in an overview, based on the classification method. The author also uses comparative legal, empirical and historical methods. The author's research meets the requirement of interdisciplinarity, as it touches upon philosophical and ethical-legal aspects of the problem.

Results: The authors approved that the moral prohibition is focused on the value-motivational component of the individual's personality. The criminal law affects the emotional component, producing fear of criminal responsibility. The author concludes that morality does not need criminal law to be sustained, and criminal law does not need to justify morality. There are no clear boundaries between criminal law and morality. Instead, the author suggests that their position should be described in the framework of social norms not by means of Euler circles or drawing borders but by means of layers or "floors". Each of these regulators has its own "problem field". Moreover, morality and criminal law may be overlapped. In such case, morality can have a significant impact on the process of criminalization. The author identifies three models of such influence. The first model is inter-normativity. This model describes the natural diffusion of moral and criminal law norms. The second model, legal moralism, describes the enforcement of some moral values by the criminal law. The third model – moral populism – is the appeal to some moral values to promote some solution as universally approved.

Keywords: morality, criminal law, criminalization, inter-normativity, legal moralism, moral populism.

Введение

Сравнивая мораль и уголовное право возникает соблазн использовать слово «граница», чему поддались и авторы настоящей статьи [9, с. 132 и далее]. Для юриста действительно удобнее сравнить две эти подсистемы социального регулирования по модели иерархии социальных норм. Устоялось традиционное представление о том, что мораль – социальная норма менее сильная, поскольку не снабжена принудительной силой государства. Хотя такое мнение и имеет под собой некоторые основания, все же оно «навязано» представителями юридической науки, мыслящими иерархичными моделями, привычными к ранжированию норм права по юридической силе. Между тем не всегда учитывается, что именно мораль выступает истинной основой формирования ценностно-мотивационной составляющей личности, а моральный запрет служит подчас единственной причиной, удерживающей человека от совершения преступления. Стремление выстроить в единый ряд нормы

морали и права обусловлено также и тем, что проблемные поля этих регуляторов пересекаются. Однако это не дает нам основания для прочерчивания границ. Границы можно обозначать при классификации явлений, а мораль и право – различаются не как классы. Образно их можно сравнить в двух игроками в шахматы, смотрящими на одно и то же поле игры. Право и мораль – в разной степени наслаиваются на регулируемое поле, но не выстраивают между собой границы. Только понимая приведенные обстоятельства, мы можем оценить истинную природу взаимовлияния этих институтов.

Методы исследования

Статья основывается на требованиях всесторонности, полноты и объективности. Основные модели влияния морали на уголовное право описаны обзорно, на основе метода классификации. Используется также сравнительно-правовой, эмпирический и исторический методы. Содержание работы отвечает требованию междисциплинарности, поскольку затрагивает философские и этические юридические аспекты проблемы.

Результаты исследования

Мораль безусловно способна влиять и влияет на решение вопроса о криминализации. Мы приходим к выводу о существовании трех способов такого влияния морали на право: межнормативность, юридический морализм, а также моральный популизм.

Межнормативность

Ж. Карбонье называет межнормативностью взаимосвязи, переплетения и конфликты разных нормативных систем. Например, в ходе истории взаимопроникновение морали и права то усиливалось, то ослабевало [6, с. 163]. Грань между моралью и правом в эпоху писаного права никогда не стиралась, но всегда отмечалась диффузия этих регуляторов, особенно в эпоху коренных преобразований социума. Например, с распадом СССР были декриминализированы отдельные деяния, которые и сегодня в общественном сознании в силу исторических и социальных причин часто оцениваются как безнравственные (например, спекуляция). Такая межнормативность естественна и лишь подчеркивает родство разных видов социального регулирования.

Трансформация этического нарушения в преступление – одно из типичных проявлений межнормативности. Такой качественный переход не происходит «просто так». Если моральное состояние человека, общества и государства находится на высоком социальном уровне, поведение людей, их жизнедеятельность и взаимодействие с обществом эффективно определяются в первую очередь этическими нормами без необходимости обращения к позитивному праву. Мораль и все иные не обладающие принудительностью регуляторы межличностного общения выступают мощным профилактическим фактором, создающим прочный заслон на пути от морального вектора к аморальному ориентиру, от добродетели к злонамеренности и т.д.

При отсутствии у человека чувства переживания, как известно, выступающего специфическим предметом этики, либо при слабом его проявлении на помощь приходят иные социально-нравственные ориентиры, в частности стыд, который, по мнению Вл. Соловьева, отличает человека от животного [12, с. 37]. И лишь когда названные и иные неимперативные способы регуляции взаимоотношений людей не срабатывают, возникает необходимость в обращении к императивным регуляторам социальной жизни, среди которых первым выступает как раз мораль.

Применение морали и моральной ответственности можно считать обоснованным, если речь идет о таком общественном поступке, который при отсутствии этических и иных подобных сдерживающих человеческих добродетелей заслуживает более сурового, общественного порицания. Резонен вопрос, за какие такие свойства аморального поступка обоснованно обращение пусть к самому мягкому, но все же императивному способу реагирования? С одной стороны, по всей видимости, речь должна идти о таком проступке, который по своему бытовому (межличностному) восприятию прост и понятен, даже человеку в самом раннем возрасте. С другой стороны, аморальный поступок затрагивает самые совестливые, а потому и самые легкоранимые чувства людей различной возрастной, половой и иной социальной принадлежности. Например, это нецензурная брань, распитие спиртных напитков, непристойные телодвижения, оскорбительные надписи и другие подобные действия, совершаемые при стечении определенного числа людей в общественном месте.

Естественно, что для подавляющего числа людей осуждающая реакция на тот или иной поступок является их правом. Однако импульс, направленный на активное ему противодействие, – это результат сложного процесса взаимодействия личности, общества и государства. Аморальное поведение опасно не само по себе. Опасность его таится в том, что оно, усыпляя общественную бдительность в силу высокого уровня латентности и низкого уровня вредоносности, наносит точечные удары в самые малозащищенные сферы (например, быт), причиняя физическую и

душевную боль, как правило, неопределенному кругу лиц. И лишь при недостаточности морального регулятора человечество привлекает императив принудительный – право.

Сегодня на наших глазах такая трансформация происходит в области биоэтики. Ученый, стоящий на пороге нового и судьбоносного открытия, не задумывается, делать или не делать. Эвристическая составляющая науки и есть то, ради чего человек погружается в пучину неизведанного. Мария Кюри, получая радиоактивные частицы, не задумывалась о возможных негативных последствиях своей работы. Вскоре у нее самой началась тяжелая и на тот момент никому неизвестная лучевая болезнь, спустя десятилетия тысячи жителей японских городов Хиросима и Нагасаки заживо сгорели в огне ядерного взрыва, а сто лет спустя Чернобыльская катастрофа лишила крова десятки тысяч людей и подвергла риску различных заболеваний сотни тысяч человек. Но эти последствия не делают открытия времен начала атомного века вредными или общественно опасными.

В своей работе с неизведанным ученый не может руководствоваться исключительно законом. Нередко то, с чем сталкивается наука, еще не нашло отражения в законе и не имеет какого-либо регулирования. По этой причине единственным ориентиром для ученого становятся этические нормы, присущие современному ему обществу. В области генетических исследований это нормы биоэтики. Биоэтика призвана быть не мерилom правильности или неправильности поступка, а ориентиром принятия исследовательского решения. Перед биоэтикой возникло много трудных вопросов. Соответствует ли биоэтике клонирование человека? Существуют ли биоэтические ограничения при создании нового синтетического организма? Этично ли уничтожение жизни, созданной в лабораторных условиях?

На протяжении нескольких десятилетий человечеству для социального регулирования новых технологий в биологической сфере было достаточно биоэтики. При этом регулятивное поле новых исследований в области генетики было ей отдано не случайно. Изначально политики были самым решительным образом настроены на вмешательство в эту сферу с помощью права. Компромиссом стало введение правил саморегулирования научной деятельности, авторами которых выступили сами ученые. Саморегулирование в области новых технологий – разумное решение, ведь лучше самих ученых никто не сможет понять, «за каким поворотом» таится опасность. Уместно в этом случае привести слова американского биолога Дж. Уотсона:

Больше всего я боялся, что ... махровая публичная паранойя по поводу вредоносных экспериментов в молекулярной биологии приведет к появлению драконовских законов. Если бы вдруг «что дозволено» и «что не дозволено» в рекомбинантных технологиях оказалось бы прописано в каком-либо нормативно-правовом акте, это только навредило бы науке [13, с. 117].

Появление новых технологий, позволяющих совершать определенные вмешательства в геном, привело к исследовательской гонке: кто первым сможет успешно генетически модифицировать человеческий эмбрион. Правила биоэтики запрещают проводить эксперименты с целью последующей имплантации эмбриона. Такое ограничение было вызвано опасениями, что возникнут последствия, которые могут повредить всей популяции человека. Успешный эксперимент китайских ученых во главе с Хэ Цзянькуем привел, несмотря на существующие ограничения, к рождению трех первых генетически модифицированных людей. Открыт ящик Пандоры, и теперь биоэтика уже не может быть полноценным стражем этих отношений. Опасения повторных нарушений, вероятно, уже в самое ближайшее время проявятся в новой криминализации, обусловленной межнормативными связями морали и права.

Юридический морализм

Столкновение морали и права происходит также и искусственным образом. Обобщенно такая их трансформация объединена в принципе юридического морализма. Концепция юридического морализма – один из вариантов решения вопроса криминализации в англо-американской доктрине – предполагает, что моральные ценности могут поддерживаться с помощью права и тем самым обеспечиваться принудительностью. Сама идея этого принципа на первый взгляд кажется очень простой: обоснование криминализации определенного типа поведения зависит от аморальности такого поведения (Э. Дафф) [18, с. 53]. Юридический морализм обычно противопоставляется правовому либерализму, основанному на мысли Дж. Ст. Милля о том, что вмешательство в свободу индивида возможно только для предотвращения вреда.

Исследование и критика юридического морализма обычно связываются с именами ученых XX в. – Э. Даффа, Р. Дворкина, П. Дэвлиана, А. Куфлика, М. Мура, Р. Сарториуса, Дж. Фейнберга и Г. Харта. Между тем при них произошло лишь второе рождение концепции юридического морализма и соответственно его критики. Крупнейшим и наиболее влиятельным «моралистом» справедливым

будет называть Иммануила Канта, который писал, что моральный закон непосредственно определяет волю. По его мнению, в случае, если моральный закон послужил достаточным основанием воли лица на совершение того или иного поступка, то такой поступок будет содержать в себе признак легальности [5, с. 177].

Добровольное следование моральному закону – основа учения Канта о морали и праве. С таким подходом согласны далеко не все, и в первую очередь в связи с декларацией априорности морального закона. *«Кто сказал вам, что существуют законы, которым должно подчиняться наше поведение? Кто сказал вам, что должно происходить то, чего никогда не происходит? Что дает вам право заранее принимать это и сообразно тому тотчас навязывать нам, как единственно возможную, этику в законодательно-повелительной форме?»* – задается вопросом А. Шопенгауэр [17, с. 19]. В приведенном высказывании есть и критика юридического морализма, возведения этики в закон.

Юридический морализм покоится на убежденности его сторонников в необходимости поддержания моральных правил и запретов для обеспечения единства социума. Но о каких правилах в этом случае идет речь? Будет явно излишним криминализировать все то, что требует от членов социума мораль, ведь крайне неразумно тратить ресурсы принудительной силы государства на все возможные формы безнравственного поведения индивидов. Ни один из последователей юридического морализма и не призывает, как может показаться из самого названия принципа, к такому радикальному слиянию права и морали. Л. Игер отмечает, что *мораль призывает к поступкам – например, оказанию помощи в определенных случаях, – которым лучше не быть юридически обязательными. Законность и нравственность, незаконность и безнравственность попросту не могут полностью совпадать. Попытки привлечь государственную власть для выполнения требований морали грозили бы привести к тоталитарному обществу* [4, с. 355].

Среди адептов этого принципа нет единства и в решении вопроса о механизме отбора аморальных поступков – претендентов на криминализацию. Позитивные моралисты полагают, что аморальность поступка дает веские основания для одобрения его криминализации. Негативные моралисты исходят из обратного: государство не должно криминализировать поведение, если оно не является аморальным [20, с. 61].

Как в этом случае последователи юридического морализма предлагают определять моральные ценности, подлежащие поддержке со стороны права? Р.П. Джордж в ответе на этот вопрос делает определенный реверанс в сторону принципа вреда: безнравственность можно использовать как основание для признания деяний преступным только тогда, когда она причиняет вред. Безусловно, речь здесь идет о моральном вреде [20, с. 61]. М. Мур, напротив, полагает, что существуют определенные действия (например, жестокое обращение с животными, глумление над телами умерших) которые должны быть запрещены уголовными законами, даже если о фактах этих действий никто бы не узнал или узнало небольшое количество людей, которые могут быть оскорблены этим; и даже если подобные действия принесли пользу их совершившему [19, с. 646–647].

Г. Харт считает, что в сознании многих обычных людей традиционная мораль оценивается как «незримые узы», соединяющие общество [16, с. 6]. Российские традиционалисты называют такую мораль «духовными скрепами». Г. Харт обозначил четыре группы вопросов, в рамках которых возможна дискуссия о соотношении морали и права. Во-первых, оказывает ли мораль влияние на развитие права? Очевидно, что да. Во-вторых, должно ли некоторое указание на мораль входить в адекватное определение права или правовой системы? В-третьих, открыто ли право для моральной критики? В-четвертых, достаточен ли тот факт, что определенное поведение по общим стандартам является аморальным, чтобы оправдать введение наказуемости этого поведения по закону? Является ли морально допустимым обеспечение соблюдения морали как таковой? Должна ли аморальность как таковая быть преступлением [16, с. 9–10]?

Отвечая на поставленные вопросы, Г. Харт критически оценивает моралистские взгляды английского лорда П. Девлина, который утверждал, что если общество имеет право выносить суждения на основе общепризнанной морали, необходимой для сохранения общества столь же, как и общепризнанное правительство, тогда общество может использовать закон для поддержания нравственности, так же как оно использует его для защиты всего, что необходимо для его существования, а следовательно, и для законодательства против аморальности [16, с. 32]. То есть Девлин считал, что любое общество вправе предпринимать шаги, необходимые для сохранения его существования в качестве организованного общества, для которого аморальность служит чем-то вроде измены [16, с. 18]. По мнению Харта, Девлин заблуждается в том, что любое общество имеет право защищать свои нравственные нормы, когда они оказываются под угрозой, независимо от того,

в чем эти нормы состоят. Между тем общественная мораль может оправдывать и рабство, и сожжение ведьм [16, с. 54].

Вопросы, поставленные Г. Хартом, не могут быть однозначно решены в каждом обществе. Очевидно, что общество, основанное на концепции индивидуализма и свободы, никогда не введет уголовную ответственность за нарушение норм морали. Но взгляды на эту проблему в более традиционалистских и консервативных обществах могут быть противоположными или отчасти противоположными. В таких социумах не стоит вопрос, нужно ли охранять общественную мораль (ответ на него: «нужно»), в них ставится вопрос о том, какие моральные устои и ценности нужно защищать. Мы глубоко убеждены, что с позиции чистоты социального регулирования безусловно прав Г. Кельзен, утверждавший, что право не может поддерживать общественную мораль. Мораль как социальный регулятор обладает необходимыми инструментами реагирования на случаи нарушения моральных норм. Мы отдаем себе отчет в том, что процесс криминализации носит в первую очередь политический характер, в связи с чем не может быть единого для всех социумов ответа на вопрос о возможностях правового вмешательства во имя цели поддержания общественной морали. Думается, что в обществах, где защита той или иной моральной ценности действительно имеет существенное значение для поддержания его жизни, такая криминализация все же допустима. Однако это должно быть, скорее, исключением, а не правилом.

Пример юридического морализма можно увидеть в российской практике. В 2013 г. была установлена уголовная ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих путем включения в ч. 1 ст. 148 УК РФ соответствующего дополнения. В пояснительной записке к законопроекту было указано следующее обоснование необходимости принятия закона в духе юридического морализма: «...такого рода посягательства являются общественно опасными, поскольку нарушают традиционные и религиозные нормы, выработанные обществом на протяжении многих веков, его нравственные устои, противоречат морали, влекут тяжкие последствия и носят яркую антисоциальную направленность»¹.

Нужно сказать, что моралистские устремления российской законодательной власти были неоднозначно встречены обществом и юридической наукой [8, с. 165–168; 11; 14]. Появившиеся после принятия данного закона примеры нарушений нормы об оскорблении религиозных чувств верующих отразили несогласие с нею части общества, его неготовность воспринимать такое криминализованное законодателем деяние как истинно преступное.

Моральный популизм

Апеллирование к некоторым моральным ценностям определяет институциональную составляющую популизма. А.В. Малько понимает под популизмом использование группами лиц, отдельными лидерами в своих интересах господствующих взглядов, настроений людей, сложившихся под влиянием тех или иных обстоятельств [10, с. 104]. Моральные популисты опираются на «подавляющее моральное большинство». Г. Харт об этом пишет так: «никто не должен думать даже тогда, когда общественная мораль поддерживается «подавляющим большинством» или характеризуется широко распространенными «нетерпимостью, возмущением и отвращением», что верность демократическим принципам требует от него признать, что оправданно навязывание ее меньшинству» [16, с. 48].

Моральный популизм не так опасен, как опасны законы, принятые на его волне, под громкое одобрение *vox populi*, «большинства». Такие законы, при всей кажущейся их массовой поддержке и одобрении, на самом деле могут навредить больше, чем принести пользы. Не об этом ли говорит Федеральный Конституционный суд Германии в быстро ставшем знаменитым деле о признании не соответствующим Основному закону положения ст. 217 Уголовного кодекса ФРГ, устанавливавшего уголовную ответственность за коммерческую деятельность, выражающуюся во вспоможении в самоубийстве (решение от 26 февраля 2020 г.)? Суд указал:

Сохранение фактически существующего или предполагаемого консенсуса в отношении ценностей или моральных концепций не может быть непосредственной целью уголовно-правовой деятельности. Запрещение вспоможения в самоубийстве только потому, что самоубийство и помощь в этом противоречат мнению большинства в обществе о том, как вести себя в своей

¹ Пояснительная записка к законопроекту № 142303-6 «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [сайт]. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»); 2021 [процитировано 13 декабря 2021]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6>.

жизни, особенно в старости и в случае болезни, не является законной целью установления ответственности. Таким образом, запрещение коммерческой помощи при самоубийстве исключительно с целью снижения количества самоубийств так же недопустимо, как и любая цель, которая влияет на решение обладателя основных прав, действующего с автономной волей¹.

Прекрасный пример популистской поправки дает нам новая криминализация – ст. 144.1 УК РФ. Обоснование законопроекта уместается всего в три строки: «В связи с изменением возраста выхода на пенсию граждан Российской Федерации возникает опасность необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения лиц, достигших предпенсионного возраста»². Между тем принятие специального закона о недопущении дискриминации при приеме на работу лиц предпенсионного возраста вряд ли их защитит, но может заставить работодателя искать законные пути для отказа им в трудоустройстве. И хотя с точки зрения общественной нравственности этот закон явно позитивен, так как направлен на заботу о гражданах этой категории, его неэффективность для специалистов очевидна³. Моральный популизм – худший пример взаимодействия морали и права в сфере криминализации. Но именно он бросает тень на любые попытки криминализировать некое аморальное деяние, каким бы серьезным оно ни было.

Предложенная классификация моделей влияния морали на право, безусловно, не бесспорная. Межнормативность объединяет в себе все возможные случаи естественной диффузии названных социальных регуляторов, тогда как в качестве искусственных мы назвали только два – юридический морализм и моральный популизм. Криминализация – социально-политический, а потому в значительной степени иррациональный процесс. Юридический морализм и моральный популизм при кажущейся несовместимости – две стороны одной медали, когда с помощью морали пытаются обосновать политическое решение о криминализации деяния. Они отличаются между собой тонкой гранью – при юридическом морализме с помощью средств уголовного права пытаются сделать обязательным то или иное ценностное представление определенной социальной группы, а при моральном популизме – обосновать моралью сугубо политическое решение. При таком понимании эти три модели вполне могут описать все случаи влияния морали на уголовное право при решении вопроса о криминализации. Собственно, это и есть ответ на вопрос, поставленный нами в названии статьи: «Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов?». Мораль сопровождает уголовное право от процесса создания нормы (криминализации) до ее исключения (декриминализации юридической и фактической). Это два синергетически связанных самостоятельных социальных регулятора, а потому один не должен обеспечивать силу другого.

Научная дискуссия

Структурно мораль неоднородна. В самом общем виде содержательно мораль представляет собой систему *ценностей* [1, с. 61] и обусловленных ими *правил*. В наиболее универсализированной форме эти ценности являются надперсональными, но при этом не в каждом случае имеют однозначный характер. Т. Парсонс дал такое определение ценностям: «Ценностью может быть назван элемент общепринятой символической системы, служащий критерием или стандартом при выборе из имеющихся альтернатив поведения, которые фактически доступны в какой-либо ситуации» [20, с. 12].

Достоинством этого определения является указание на ситуативную роль ценностного ориентира в поведении человека, а также на возможность проецирования на одну и ту же жизненную ситуацию одновременно нескольких ценностных альтернатив. Ценности при этом могут быть излишне обобщенными, абстрактными и даже неоднозначными по содержанию. Например, М.И. Ковалев в работе «Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека» описывает такой конфликт ценностей: потомство является ценностью для обоих

¹ Leitsätze Zum Urteil des Zweiten Senats vom 26 Februar 2020. [сайт]. Bundesverfassungsgericht; 2021 [протитировано 13 декабря 2021]. Доступно: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2020/02/rs20200226_2bvr234715.html.

² Пояснительная записка к законопроекту № 544570-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (об установлении уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста)». [сайт]. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»); 2021 [протитировано 13 декабря 2021]. Доступно: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7>.

³ Богуш Г.И. Уголовно-правовой популизм. Почему «пенсия» поправка в УК не будет работать? [сайт]. REPUBLIC; 2021 [протитировано 13 декабря 2021]. Доступно: <https://republic.ru/posts/92024>.

родителей, однако аборт по медицинским показаниям непосредственно касается только одного из родителей, для которого ценностью является также его здоровье [3, с. 112–113].

Очевидно и то, что одни ценности могут быть признаны *универсальными*, общечеловеческими, а другие – нет. По аналогии с видами этики Э. Фромма последние можно назвать *социально имманентными* [15, с. 274]. Примеры универсальных ценностей поразительно созвучны Десяти заповедям, которые неоднократно воспроизводятся многими культурами, эпохами и авторами. Социально имманентные ценности характерны для какого-то конкретного общества. Так, коллективизм и взаимопомощь всегда были присущи аграрным социумам (их примеры есть едва ли не в каждой русской народной сказке), тогда как мужество и инициативность – кочевым (иллюстрация тому – многочисленные героические эпосы кочевых народов с обязательной фигурой воина-батыра – Манас, Урал-Батыр, Джангар и т.п.).

Социально имманентные ценности могут не только обеспечивать функционирование больших социальных групп (государств, регионов, этносов, субэтнических групп), но и применяться локально (например, социальные ценности осужденных к лишению свободы). Между социальными ценностями разных уровней заметны существенные противоречия. Обусловленные ценностями правила формулируются всегда социальной группой. По этой причине одни и те же ценности у разных групп могут восприниматься неодинаково. Например, в субкультуре «блатных» запрет хищений вряд ли признается универсальной ценностью, однако активно поддерживается как ценность локальная (нельзя красть у других осужденных).

Возможно ли формирование индивидуальной морали? Несмотря на то что на обыденном уровне часто звучат слова «у каждого своя мораль», они остаются лишь демонстрацией «чувства личной независимости, раскованности, возможной неподотчетности» [1, с. 64]. Индивидуальная мораль мыслится нами не как самостоятельная подсистема морали, а как субъективное отражение общественной морали в сознании индивида. Мораль существует в качестве одного из способов регулирования социальных отношений, а потому не может быть индивидуальной. Она основывается на единстве людей, а соответствующее моральным правилам поведение обязательно подразумевает чувство солидарности, ощущение принадлежности к социальной группе, территории, общему прошлому, настоящему и будущему. Конечно, история знает попытки создания «морали под себя» – «манифест естественного отбора» П.-Э. Аувинена, «манифест» А. Брейвика [2, с. 50] и т. д. Однако во всех этих случаях перед нами предстает антимораль, лишенная главных черт этики. В такой антиморали нет места добродетели.

Г. Кельзен категорично, но верно утверждал, что не существует абсолютной морали, более того, моральные системы часто противоречат друг другу [7, с. 91]. При этом позитивный правопорядок как правило вполне соответствует моральным представлениям, присущим главенствующей социальной группе, но при этом может не соответствовать представлениям других групп. Изменчивость моральных представлений может привести к тому, что некий правопорядок, ранее соответствующий морали, может стать аморальным.

Важно отметить и то, что наложение некоторых универсальных моральных представлений на уголовное право вполне объяснимо. Значительное количество в высшей степени безнравственных поступков являются также преступлениями. Означает ли это, что уголовное право обеспечивает принудительность некоторых моральных запретов? Вновь обратимся к Г. Кельзену: *«Отвергаемый чистым учением о праве, но широко распространенный в традиционной юриспруденции тезис, согласно которому право по своей природе должно быть моральным, а неморальный социальный порядок не есть право, предполагает существование абсолютной, т. е. всегда и повсюду действительной морали. В противном случае традиционная юриспруденция не могла бы достичь своей цели – обеспечить незыблемый, не зависящий от места и времени критерий оценки того, что в социальном порядке право, а что неправо»* [7, с. 91].

Не меньшее количество безнравственных поступков не оцениваются уголовным законом как преступные. В вошедшем едва ли не во все отечественные сборники заданий по уголовному праву казусе о бывшем обходчике железнодорожных путей, не сообщившем о случайно замеченном им дефекте рельса, что привело к крушению поезда и гибели людей, мы видим в высшей степени безнравственный поступок. Уголовное право между тем оценивает деяние пенсионера как непроступное. Именно на этом примере мы часто разъясняем студентам, почему не всякое аморальное преступно. Но ведь и не всякое преступное аморально. Например, убийство по мотиву кровной мести – особо тяжкое преступление, но в моральной системе народов, до сих пор придерживающихся этого древнего обычая, акт мщения соответствовал и сейчас соответствует

моральному представлению об идеале семейственности, отношения к своим близким¹. Убийство из сострадания – преступление по уголовному праву, но в ряде случаев может находить моральное обоснование.

По нашему убеждению, моральный запрет ориентирован в первую очередь на ценностно-мотивационную составляющую человеческой личности. В этом смысле человек, например, не убивает или не крадет у других не потому, что это запрещено уголовным законом, а потому, что это вступает в противоречие с его представлениями о должном, добре и зле. Как отметил Л. Игер, «большинство законопослушных граждан считают преступление не просто невыгодным, но и морально неправильным, и это наводит на мысль, что, если бы такое отношение изменилось, преступность могла бы вырасти» [4, с. 368]. По нашему мнению, вряд ли верно утверждение, что индивиды морально следуют закону, скорее они следуют моральному правилу, повторенному законом. Изменение закона не отменяет морального правила. Моральная норма и уголовный закон часто говорят об одном и том же, но в разных системах координат: не совершай того-то потому, что это зло (мораль), не совершай того-то потому, что иначе будешь наказан (уголовное право). При этом морали для ее поддержания не нужен уголовный закон, равно как и уголовный закон не нуждается в оправдании моралью.

Список использованной литературы:

1. Аapresян Р.Г. Понятие общественной морали. Послесловие к дискуссии. *Вопросы философии*. 2010;(2):63–75.
2. Берарди Ф. Новые герои: массовые убийцы и самоубийцы. М.: Кучково поле; 2016.
3. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика: монография / под ред. И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеева. Екатеринбург: Sapientia; 2019.
4. Игер Л. Этика как общественная наука. Моральная философия общественного сотрудничества. М.: Мысль; 2019.
5. Кант И. Метафизика нравов. «Ты должен, значит, ты можешь» / пер. с нем. С.Я. Шейнман-Топштейн, Ц.Г. Арзаканьяна. М.: Родина; 2019.
6. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс; 1986.
7. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс»; 2015.
8. Кибальник А.Г. О минимизации возможности политически мотивированного уголовного кодекса // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): *Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции* / Под общей редакцией Н.А. Лопашенко. Саратов, 2019.
9. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA; 2020.
10. Малько А.В. Популизм как тормоз демократии. *Общественные науки и современность*. 1994;(1):104–111.
11. Смирнов А.М. Установление уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих как пример игнорирования законодателем

References:

1. Apresyan R.G. [The concept of public morality. Afterword to the discussion]. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*. 2010;(2):63–75. (In Russ.)]
2. Berardi F. [New heroes: mass murderers and suicides]. Moscow: Kuchkovo field; 2016. (In Russ.)]
3. [Genetic research: legislation and criminal policy] / ed. by I.Y. Kozachenko, D.N. Sergeeva. Yekaterinburg: Sapientia; 2019. (In Russ.)]
4. Iger L. [Ethics as a social science. Moral philosophy of social cooperation]. Moscow: Mysl; 2019. (In Russ.)]
5. Kant I. [Metaphysics of Morals. "You must, so you can"] / lane. with him. S.Ya. Sheinman-Topstein, Ts.G. Arzakanyan. Moscow: Rodina; 2019. (In Russ.)]
6. Karbon'e Zh. [Legal Sociology]. Moscow: Progress; 1986. (In Russ.)]
7. Kelsen H. [Pure doctrine of law]. 2nd ed. Saint Petersburg: Publishing house "Alef-Press"; 2015. (In Russ.)]
8. Kibal'nik A.G. [On minimizing the possibility of a politically motivated criminal code] // Criminal law impact and its role in crime prevention (IV Saratov criminal law readings): *Collection of articles based on the materials of the IV All-Russian scientific and practical conference* / Edited by N.A. Lopashenko. Saratov, 2019. (In Russ.)]
9. Kozachenko I.YA., Sergeev D.N. [New criminalization: a philosophical and legal guide to the world of the criminal and non-criminal]. Yekaterinburg: SAPIENTIA; 2020. (In Russ.)]
10. Mal'ko A.V. [Populism as a brake on democracy]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 1994;(1):104–111. (In Russ.)]
11. Smirnov A.M. [Establishment of criminal liability for insulting the religious feelings of believers as an example of the legislator's ignorance of the theory of

¹ Диасамидзе Г.И. Убийство на почве кровной мести по советскому уголовному праву: по материалам Аджарской АССР: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 18.

теории криминализации деяния. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019;(4):211–217.

12. Соловьев В. Соч. в 2 томах. Т. 1. 2-е изд. М.: Мысль; 1990.

13. Уотсон Д. ДНК. История генетической революции. СПб, 2019.

14. Федотова Ю.Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон: работа над ошибками. *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2016;(1):199–205.

15. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ: Астрель; 2011.

16. Харт Г.Л. Право, свобода и мораль / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Издательство Института Гайдара; 2020.

17. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность / пер. и под ред. Ю. И. Айхенвальда. М.: Республика; 1992.

18. Duff A. *The realm of criminal law*. Oxford, 2018.

19. Moore M. *Placing blame: a general theory of the criminal law*. Oxford, 1997.

20. Parsons T. *The Social System*. New York, 1951.

criminalization of an act]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2019;(4):211–217. (In Russ.)]

12. Solov'ev V. Soch. in 2 volumes. T. 1. 2nd ed. Moscow: Thought; 1990. (In Russ.)]

13. Uotson D. [DNA. History of the genetic revolution]. Saint Petersburg, 2019. (In Russ.)]

14. Fedotova Yu.E. [Insulting the religious feelings of believers and criminal law: work on mistakes]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2016;(1):199–205. (In Russ.)]

15. Fromm E. [Man for himself]. Moscow: AST: Astrel; 2011. (In Russ.)]

16. Khart G.L. [Law, freedom and morality] / per. from English. S. Moiseeva. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2020. (In Russ.)]

17. Shopengauehr A. [Freedom of will and morality] / trans. and edited by Yu. I. Aikhenveld. M.: Republic, 1992. (In Russ.)]

18. Duff A. *The realm of criminal law*. Oxford, 2018.

19. Moore M. *Placing blame: a general theory of the criminal law*. Oxford, 1997.

20. Parsons T. *The Social System*. New York, 1951.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иван Яковлевич Козаченко*

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4870-8425>
ResearcherID: 4843906

Данил Назипович Сергеев

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5641-7812>
ResearcherID: J-1798-2016

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan Ya. Kozachenko*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of Criminal Law Department FGBOU VO "Ural State Law University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4870-8425>
ResearcherID: 4843906

Danil N. Sergeev

Cand. of Sci. (Law), assistant professor, Criminal Law Department FGBOU VO "Ural State Law University"
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5641-7812>
ResearcherID: J-1798-2016

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEDURE

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-50-58>

**ОБОСНОВАННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
РЕШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Гладышева О.В.*, Дагуф Ю.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Гладышева О.В., Дагуф Ю.А. Обоснованность уголовно-процессуальных решений: проблемы и пути их преодоления. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):50–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-50-58>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Гладышева Ольга Владимировна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 14.12.2021

Статья принята к печати: 14.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: Актуальность исследования обоснованности обусловлена значимостью этой категории для уголовно-процессуальной науки и практического правоприменения. Обоснованность – категория, вызывающая оживленную дискуссию в научной среде, побуждающая искать современные, отвечающие современным условиям и тенденциям средства установления необходимых для принятия процессуального решения обстоятельств, а также разрабатывать более эффективные процедуры для проверки и оценки поступающих сведений. Обоснованность также представляет одно из проблемных сфер для правоприменителей. Так, отмена либо изменения судебных решений, а также решений следователей и дознавателей по большей части происходит именно вследствие недостаточной их обоснованности. Причина научных дискуссий и практических вопросов видится в недостаточной изученности этой категории, излишне прямолинейных подходах к ее оценке. Полагаем, что продолжение исследований позволит найти более удачные решения в плане законодательного регулирования обоснованности, как требования, предъявляемого к процессуальным решениям, а также получить новые научные знания, расширяющие представления о потенциале обоснованности в уголовном судопроизводстве.

Цель – формирование нового подхода к определению обоснованности процессуальных решений, основанного на дифференциации и различных стандартах, применяемых к различным видам процессуальных решений.

Задачами исследования стали изучение признаков процессуальных решений, оснований их принятия, выяснение различий и их причин в степени достоверности выводов, фиксируемых в процессуальном решении, целесообразности сохранения унифицированного подхода к обоснованности как единому и неизменному признаку любого процессуального решения; анализ и обобщение научных точек зрения; исследование уголовно-процессуального законодательства, в части регулирующей предъявление требований к процессуальным решениям и оценка их целесообразности, формирование собственной позиции по указанным вопросам, изложение авторских предложений.

Методы: диалектический, аналитический, сравнительный, конкретизации, формализация, моделирование, дедукция, обобщение.

Результаты:

1) предлагаются три стандарта обоснованности процессуальных решений:

- общепроцессуальный;
- пониженный;
- повышенный.

2) критериями определения применяемого стандарта к процессуальным решениям выступают:

- непосредственно направленные на реализацию назначения уголовного процесса;
- способствующие исполнению назначения уголовного судопроизводства.

3) классификация процессуальных решений на основании указанных стандартов.

К решениям с пониженным стандартом обоснованности относятся решения следователя, дознавателя и судьи о производстве следственного действия.

К решениям с общепроцессуальным стандартом обоснованности относятся решения, обязательные к исполнению, но не имеющих преюдициального характера, которые могут быть основаны как на доказательствах, так и на иных сведениях, порождающих *твердую уверенность* в необходимости принятия именно данного решения для соблюдения баланса вероятности, что событие, описанное в решении с большой долей вероятности может произойти. Такого рода решения принимаются, например, при избрании меры пресечения [10].

К решениям с повышенным стандартом обоснованности должны относиться те решения, которые обязательны к исполнению, имеют преюдициальное значение, принимаемые только на основе допустимых доказательств, исключающих возможность принятия любого другого решения, кроме этого. В этом случае степень обоснованности решения должна быть настолько высока, чтобы находиться *за рамками разумных сомнений*, исключающих пробелы как в праве, так и в системе доказательств.

4) пути совершенствования доказательственной деятельности суда, органов предварительного расследования и участников уголовного судопроизводства, направленные на снятие некоторых ограничений по использованию различных категорий сведений (например, не имеющих формы процессуальных доказательств) для обоснования выводов, закрепляемых в процессуальном решении. Это же направление обуславливает упрощение процедуры представления сторонами сведений, которые могут быть использованы властными субъектами для принятия процессуального решения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальное решение, законность, обоснованность, стандарт обоснованности, состязательность, доказательства, сведения.

JUSTIFICATION OF CRIMINAL PROCEDURAL SOLUTIONS: PROBLEMS AND WAYS TO OVERCOME THEM

Olga V. Gladysheva*, Yuliya A. Daguf
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Gladysheva O.V., Daguf Y.A. Justification of criminal procedural solutions: problems and ways to overcome them. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):50–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-50-58>

CONTACT INFORMATION:

Olga V. Gladysheva*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure
FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 14.12.2021

The article has been accepted for publication: 14.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation:

The relevance of the study of validity is due to the significance of this category for criminal procedure science and practical law enforcement. Reasonableness is a category that causes a lively discussion in the scientific community, which encourages us to look for modern means of establishing the necessary circumstances for making a procedural decision, as well as to develop more effective procedures for verifying and evaluating incoming information. Reasonableness is also one of the areas of concern for law enforcement. Thus, the cancellation or modification of court decisions, as well as decisions of investigators and investigators, for the most part occurs precisely because of their lack of validity. The reason for scientific discussions and practical questions is seen in the lack of knowledge of this category, too straightforward approaches to its assessment. We believe that the continuation of the research will allow us to find more successful solutions in terms of legislative regulation of reasonableness as a requirement for procedural decisions, as well as to gain new scientific knowledge that expands the understanding of the potential of reasonableness in criminal proceedings.

The goal is to form a new approach to determining the validity of procedural decisions, based on differentiation and different standards applied to different types of procedural decisions.

The objectives of the study were to study the features of procedural decisions, the grounds for their adoption, to clarify the differences and their causes in the degree of reliability of the conclusions recorded in the procedural decision, the feasibility of maintaining a unified approach to the validity as a single and unchangeable feature of any procedural decision; analysis and generalization of scientific points of view; the study of criminal procedure legislation, in terms of regulating the presentation of requirements for procedural decisions and the assessment of their consistency, the formation of their own position on these issues, the presentation of author's proposals.

Methods: dialectical, analytical, comparative, concretization, formalization, modeling, deduction, generalization.

Results:

1) three standards of validity of procedural decisions are proposed:

- general procedural;
- lowered;
- elevated.

2) the criteria for determining the applicable standard for process decisions are:

- directly aimed at implementing the purpose of the criminal process;
- contributing to the execution of the appointment of criminal proceedings.

3) classification of procedural decisions based on the specified standards.

Decisions with a reduced standard of reasonableness include decisions of the investigator, the inquirer and the judge on the conduct of an investigative action.

Decisions with a general procedural standard of reasonableness include decisions that are binding, but do not have a preliminary character, which can be based on both evidence and other information that gives rise to a firm belief in the need to make this particular decision in order to maintain the balance of probability that the event described in the decision with a high degree of probability can occur. Such decisions are made, for example, when choosing a preventive measure [10].

Decisions with an increased standard of reasonableness should include those decisions that are binding, have a pre-judicial significance, and are made only on the basis of acceptable evidence that excludes the possibility of making any other decision other than this one. In this case, the degree of validity of the decision should be so high as to be beyond reasonable doubt, excluding gaps in both the law and the system of evidence.

4) ways to improve the evidentiary activities of the court, preliminary investigation bodies and participants in criminal proceedings, aimed at removing certain restrictions on the use of various categories of information (for example, those that do not have the form of procedural evidence) to substantiate the conclusions contained in the procedural decision. The same direction makes it easier for the parties to provide information that can be used by the authorities to make a procedural decision.

Keywords: criminal proceedings, procedural decision, legality, substantiation, standard of substantiation, consistency, evidence, information.

Введение

Уголовное судопроизводство основным своим признаком имеет принудительный характер. Принуждение присуще любой форме уголовно-процессуальной деятельности. Но также этим признаком обладают процессуальные решения. Для обеспечения законности ограничений прав, а также для решения иных насущных задач в уголовном судопроизводстве законодатель установил перечень требований, предъявляемых к процессуальным решениям. Этот перечень является общим и закреплен в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ): законность, обоснованность, мотивированность. В отношении обвинительного приговора, подчеркивая его особую правовую и социальную значимость, законодатель в ст. 297 УПК РФ предусмотрел собственную совокупность требований, в числе которых отмечена справедливость. Проводя сопоставительный анализ требований, указанных в ст. ст. 7 и 297 УПК РФ отметим неизменность, постоянство двух требований – законность и обоснованность. Их изучение представляется актуальным в современной науке уголовного процесса. Особенно актуальным представляется исследование обоснованности, как категории представляющей условием законности, а также имеющей собственное процессуальное и социальное значение.

Результаты нашего исследования изложены в данной работе.

Методы исследования

Для проведения исследования законности и обоснованности в уголовном судопроизводстве использовались общенаучные и частно-научные методы. В основе всей методологии нашего исследования находится диалектический метод, позволивший рассмотреть, как в единстве, так и по отдельности требования законности и обоснованности, выявить их сходство (значение, законодательное регулирование, императивность достижения), так и отличия – сущностные, содержательные, правовая регламентация, способы обеспечения. Диалектический метод позволил также выявить противоречия в сочетании требований законности и обоснованности применительно к отдельным процессуальным решениям, наличие которых позволяет сформировать и высказать позиции о совершенствовании подходов законодательного регулирования не только требований, предъявляемых к процессуальным решениям, но и по отношению к порядку процессуальной деятельности сторон [11]. Например, оптимизировать деятельность участников уголовного судопроизводства по представлению доказательств, а также иных сведений, для обоснования выводов, заключенных в процессуальном решении.

В числе научных методов широко использовались различные способы аналитической работы. В частности, сравнительно-правовой анализ показал ошибочность применения отдельных требований к ряду процессуальных решений.

Метод формализации позволил выявить процессуальную сущность обоснованности, определить ее виды, выработать стандарты обоснованности для отдельных процессуальных решений.

Методом конкретизации мы пришли к выводу о недопустимости применения требования обоснованности, в том виде, как это сделано в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, к таким процессуальным решениям, как решение суда о применении меры пресечения, принимаемое в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, о производстве следственных действий, принимаемое следователем, дознавателем, а также к ряду иных.

Дедукция, как метод научного исследования позволил перейти от общего к частному и продемонстрировать невозможность использования существующего общего подхода законодателя к определению надлежащих требований по отношению к процессуальным решениям, показать несостоятельность этого подхода, его деструктивную сущность.

Посредством синтеза полученных новых знаний об особенностях обоснованности и ее определении в отношении отдельных процессуальных решений путем распространения этих знаний на иные виды процессуальных решений были сформулированы выводы, направленные на оптимизацию совокупности требований, предъявляемых к процессуальным решениям, а также усовершенствование правил осуществления доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Системно-структурный метод позволил определить взаимосвязь характерных черт отдельных процессуальных решений с характеристиками законности и обоснованности, выявить противоречия в их законодательном закреплении и практическом применении, включая их истолкование в процессе правоприменения.

Моделирование позволило составить целостную систему требований, предъявляемых к процессуальным решениям, основанную на дифференцированном подходе.

Результаты исследования

В числе основных укажем следующие результаты проведенного исследования.

1. Обоснованность, как требование, предъявляемое отечественным уголовно-процессуальным законом к решениям, принимаемым всеми уполномоченными субъектами и по всем процессуальным вопросам, оценивается неоднозначно. Само существование этого требования представляется оправданным. Однако, его применение требует более взвешенного и продуманного подхода. Как представляется, современный подход к решению этого вопроса должно основываться на идее дифференциации.

2. Оптимальным представляется внедрение стандартов обоснованности процессуальных решений:

- пониженный;
- общепроцессуальный;
- повышенный.

Применение каждого из них к процессуальным решениям обусловлено возможностью использовать для построения выводов, фиксируемых в конкретном решении исключительно доказательств, либо совокупности доказательств и сведений, не имеющих такой формы, либо исключительно сведений, не имеющих формы доказательств.

3. Применение указанных двух стандартов изменяет общую конфигурацию не только принятия и составления решений, но и установления обстоятельств, необходимых для построения выводов, фиксируемых в этих решениях. Кроме того, на основании этих двух стандартов появляется возможность более четко разграничить решения по таким признакам, как преюдициальность выводов, обязательность их исполнения, вероятность или категоричность выводов и др.

Научная дискуссия

Под законностью в широком смысле понимается неукоснительное выполнение и соблюдение установленных законом правил и требований [9, с. 138–139]. Взяв за основу данный, достаточно прочно устоявшийся тезис, мы можем выделить условия законности принятого решения:

- 1) решение должно быть принято надлежащим субъектом;
- 2) соблюдение уголовно-процессуальной формы вынесения решения;
- 3) правильное применение норм материального и процессуального права;
- 4) соответствие решения как процессуального документа требованиям закона как по форме,

так и по содержанию.

Более того, говоря об обоснованности только в комбинации с законностью, законодатель подчеркивает тесную связь данных понятий, а также тот факт, что без обоснованности не может быть законности. Так, обоснованное решение может быть и незаконным (например, вынесено с нарушением тайны совещания судей), но законное решение не может быть необоснованным, поскольку законность как всеобъемлющий принцип уголовного процесса (в широком смысле), а также как основное требование к процессуальным решениям (в узком смысле) содержит в себе требование обоснованности по умолчанию. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что обоснованное решение не всегда будет законным, в то время как *законное решение должно быть обоснованным всегда*.

Понятие обоснованности не закреплено в законе, а в научной литературе встречаются различные варианты его понимания в зависимости от вида процессуального решения и стадии, на которой оно принимается [8, с. 73–74].

У.Н. Ахмедов и К.А. Ситников полагают, что обоснованность – это полное соответствие формально выраженных умозаключений правоприменителя в рамках судопроизводства фактическим обстоятельствам рассматриваемого дела с правильной квалификацией юридических фактов и разрешения дела по существу [1, с. 176].

Р.А. Трахов, рассматривая процессуальные решения, принимаемые судом первой инстанции, считает, что обоснованность характеризует итоги процессуальной деятельности суда с точки зрения убедительности, подтвержденности конкретными фактами, доводами¹. М.В. Беляев, опять же на основе изучения именно судебных решений делает вывод, что обоснованность построена на объективной семантической связи между результатами доказывания, которые находят свое отражение в описательно-мотивировочной части решения, и прямыми выводами суда по существу рассматриваемого вопроса в резолютивной части [2, с. 22].

¹ Трахов Р.А. Обоснованность решения суда первой инстанции в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 3.

Немаловажное значение имеет обоснованность процессуальных решений, принятых в досудебных стадиях уголовного судопроизводства [4, с. 65]. О.В. Гладышева и В.А. Семенцов, рассматривая процессуальные решения, санкционирующие проведение следственного действия, отмечают, что обоснованность предполагает наличие достаточных данных, оправдывающих само решение о проведении процессуального действия [6, с. 33]. Большое внимание уделяется также и проблемам определения необоснованности принимаемых в уголовном судопроизводстве решений [5].

Изучение данных аспектов обоснованности, ее сущности, проблемы определения считаем возможным согласиться с идеей, сформулированной М.В. Беляевым: обоснованность не является неизменной категорией, а может определяться дифференцированно, т.е. имеет свою степень [2, с. 21]. При этом, в качестве уточнения добавим, что степень обоснованности процессуальных решений касается не только судебных, а любых уголовно-процессуальных решений, судебных в том числе.

Этот тезис подтверждается объективной картиной, складывающейся на основании анализа обстоятельств, приводящих к принятию различных процессуальных решений. Например, представляется очевидным, что степень обоснованности постановления о привлечении в качестве обвиняемого значительно отличается от обоснованности постановления о производстве обыска, а оно, в свою очередь, отличается от постановления о назначении судебной экспертизы. Для постановления о привлечении в качестве обвиняемого следователь должен располагать достаточными доказательствами, тогда как для принятия судебного решения о производстве обыска должны быть сведения, позволяющие предполагать, что в определенном месте возможно находятся предметы, возможно имеющие отношение к расследованию.

Существующая ситуация приводит к необходимости признать целесообразность и необходимость применения дифференцированного подхода к требованию обоснованности в зависимости от вида процессуальных решений, ввиду их разнообразия и различий в возможности строить выводы на основании существенно отличающегося по своей правовой сути фактического материала.

Установление общих стандартов обоснованности для всех процессуальных решений, игнорируя их различия и назначение, не способствует качественному и эффективному расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, а, наоборот, выполняет деструктивную роль, затрудняя не только принятие решения, но и его последующую оценку.

Понятие степени обоснованности, которое мы выделяем в настоящей статье, тесно взаимосвязанно со стандартом доказывания, который, следует отметить, не закреплен в процессуальном законодательстве Российской Федерации и не свойственен нашей правовой системе и является особенностью англо-американской правовой традиции. Если в уголовно-процессуальной науке только намечаются первые шаги к выделению стандартов доказывания, то в гражданско-правовой плоскости эта тенденция набирает обороты не только среди ученых, но и правоприменителей, а также Верховного Суда РФ¹.

Основываясь на идеях цивилистических подходов, подробно описанных в работах С.Л. Будылина [3, с. 131] и А.Г. Карапетова, А.С. Косарева [7, с. 89], о необходимости введения различных стандартов доказывания в зависимости от категории спора, считаем возможным экстраполировать некоторые из них в уголовно-процессуальное поле, в разрезе вопроса, посвященного, однако, не доказыванию, как предлагают цивилисты, а требованиям, предъявляемым к процессуальным решениям, в частности, к степени обоснованности.

Отталкиваясь от определения обоснованности как наличия достаточных данных, оправдывающих само решение о проведении процессуального действия [6, с. 34], мы используем субъективный подход к доказыванию и к обоснованию принятого решения², в России именуемого как «внутреннее убеждение судьи». Однако этот критерий всегда был и остается открытым, исключаяющим транспарентность принятия решения, что в свою очередь, приводит к отсутствию единообразия практики правоприменения, снижению эффективности предварительного расследования и отправления правосудия. Современный уголовный процесс нуждается не столько в модернизации данного вопроса, сколько в реконструкции, путем установления дифференцированных

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04 июня 2018 года № 305-ЭС18-413; от 07 июня 2018 года № 305-ЭС16-20992(3); от 13 июля 2018 года № 308-ЭС18-2197 [сайт]. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации; 2021. Доступно: <https://legalacts.ru/>.

² Трахов Р.А. Указ. соч. С. 1–26.

критериев обоснованности различного вида процессуальных решений, исключая рутинное принятие того или иного решения, с переложением ответственности за принятое решение на проверяющие инстанции и должностных лиц.

Переходя к классификации процессуальных решений, к которым могут предъявляться те или иные стандарты обоснованности, мы согласны с позицией М.В. Беляева о придании наибольшей степени обоснованности итоговым судебным решениям. А степень необходимой обоснованности промежуточных может быть несколько ниже [2, с. 22].

Принимая решение об утверждении критериев для различных видов процессуальных решений, было бы опрометчиво ограничиться установлением дифференцированного стандарта обоснованности, исходя лишь из их значимости, поскольку даже к итоговому судебному решению (например, приговору [12]) в зависимости от порядка судебного разбирательства должны быть установлены различные требования. Так приговор, основанный на общем порядке судебного разбирательства, имеет безусловно повышенный стандарт обоснованности, в то время как приговору, вынесенному при проведении судебного разбирательства в особом порядке, допустимо обладать пониженным стандартом.

Весь массив промежуточных процессуальных решений так же нельзя относить к единому стандарту обоснованности. Очевидно, что степень обоснованности постановления о привлечении в качестве обвиняемого должна быть выше, чем постановления о передаче по подсудности. Выше приведенные примеры наглядно демонстрируют разницу в необходимой степени обоснованности: первый направлен на изобличение лица, совершившего преступление – *повышенный стандарт*, второй носит организационный, вспомогательный характер, – *пониженный стандарт*.

Закономерным представляется вывод, что *при определении степени обоснованности важно различать все процессуальные решения по их назначению 1) направленные на реализацию назначения уголовного процесса непосредственно и 2) способствующие исполнению назначения уголовного судопроизводства.*

Говоря о введении дифференцированных требований для различных групп процессуальных решений, следует заметить, что самого по себе нового стандарта недостаточно для повышения эффективности. Необходим целый комплекс мер, прежде всего связанных с повышением доступности доказательств для участников уголовного процесса, в том числе возможностей предоставления сторонами не только доказательств, но и иных сведений, а также использованием их при принятии решений с общепроцессуальным и с пониженным стандартом обоснованности [13]. Такой подход в свою очередь, позволит расширить действие принципа состязательности [14] и на досудебные стадии, нивелировав существующую в настоящее время асимметрию доказывания среди участников уголовного процесса.

Можно выделить следующие критерии обоснованности процессуальных решений:

– для решений с *пониженным стандартом* обоснованности:

- 1) соответствие выводов суда или должностного лица фактическим обстоятельствам дела;
- 2) достаточность сведений, при наличии которых можно прийти к вероятному установлению обстоятельств, необходимых для принятия решения;
- 3) нормативная возможность принятия такого решения.

– для решений *общепроцессуального стандарта* обоснованности:

- 1) соответствие выводов суда или должностного лица фактическим обстоятельствам дела;
- 2) достаточность доказательств и иных сведений, позволяющих с вероятностью прийти к процессуальному выводу и принять на его основании решение;
- 3) указание мотивов, побудивших принятию решения;
- 4) нормативное обоснование принятого решения.

– для процессуальных решений с *повышенным стандартом* обоснованности предлагаем оставить критерии ст. 389.16 УПК РФ.

Хотим отметить, что предложенные и сформулированные положения раскрывают сущность и значение обоснованности процессуальных решений на современном этапе развития российского уголовного судопроизводства, требование обоснованности больше не может считаться неизменной категорией, в связи этим предлагаем для повышения качества принятия процессуальных решений закрепить соответствующие изменения в УПК РФ.

Список использованной литературы:

1. Ахмедов У.Н., Ситников К.А. Законность и обоснованность как ключевые требования,

References:

1. Akhmedov U.N., Sitnikov K.A. [Legality and validity as the key requirements for a criminal

- предъявляемые к уголовно-процессуальному решению. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2019;(3):173–179.
2. Беляев М.В. Обоснованность судебных решений в уголовном судопроизводстве. *Российский судья*. 2018;(3):20–24.
3. Бudylin С.Л. Стандарты доказывания в банкротстве. По мотивам определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.06.2018 г. № 305-ЭС18-413. *Вестник экономического правосудия*. 2018;(11):130–157.
4. Гладышева О.В. Законность и обоснованность решений органов расследования. *Уголовное право*. 2003;(1):64–66.
5. Гладышева О.В., Потапенко С.В., Семенцов В.А. Уголовно-процессуальные средства обеспечения имущественных и личных неимущественных прав: монография. Краснодар: КубГУ; 2020.
6. Гладышева О.В., Семенцов В.А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство. Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
7. Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. Приложение к Ежемесячному журналу. Специальный выпуск. 2019;(5):3–96.
8. Никитина С.В. Процессуальная форма и обоснованность судебных решений в досудебном производстве по уголовным делам. *Юридический Вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(1):72–79.
DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-13-1-72-79>.
9. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. М., 2017.
10. Boldt E.D., Boyd C.L., Carlos R.F., Baker M.E. The Effects of Judge Race and Sex on Pretrial Detention Decisions. *Justice System Journal*. 2021.
DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85100834443&doi=10.1080%2f0098261X.2021.1881665&partnerID=40&>.
11. Borodina T.G., Borodin V.V. The adversarial system in criminal procedure: Norms and implementation. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 2019;8(12):4039–4042.
DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85074150532&doi=10.35940%2fijitee.L3627.1081219&partnerID=40&md>.
12. Fungwacharakorn W., Tsushima K., Satoh K. Resolving counterintuitive consequences in law using legal debugging. *Artificial Intel-ligence and Law*. 2021.
DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85103677121&doi=10.1007%2fs10506-021-09283-7&partnerID=40&md5>.
- procedural decision]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(3):173–179. (In Russ.)]
2. Belyaev M.V. [The validity of judicial decisions in criminal proceedings]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2018;(3):20–24. (In Russ.)]
3. Budylin S.L. [Standards of proof in bankruptcy. On the grounds of the ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.06.2018 No. 305-ES18-413]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya = Bulletin of Economic Law*. 2018;(11):130–157. (In Russ.)]
4. Gladysheva O.V. [Legality and validity of decisions of the bodies of investigation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2003;(1):64–66. (In Russ.)]
5. Gladysheva O.V., Potapenko S.V., Sementsov V.A. [Criminal procedural means of ensuring property and personal non-property rights]. Krasnodar: KubGU; 2020. (In Russ.)]
6. Gladysheva O.V., Sementsov V.A. [Criminal procedural law. The general part and pre-trial proceedings. A course of lectures.] 2nd ed., reprint. and add. Moscow, 2013. (In Russ.)]
7. Karapetov A.G., Kosarev A.S. [Standards of proof: analytical and empirical research]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. Appendix to the Monthly Journal. Special Issue. 2019;(5):3–96. (In Russ.)]
8. Nikitina S.V. [Procedural form and validity court decisions in pre-trial proceedings in criminal cases]. *Yuridicheskii Vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(1):72–79.
DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-13-1-72-79> (In Russ.)]
9. Sementsov V.A. [Investigative actions in pre-trial proceedings]. Moscow, 2017. (In Russ.)]
10. Boldt E.D., Boyd C.L., Carlos R.F., Baker M.E. The Effects of Judge Race and Sex on Pretrial Detention Decisions. *Justice System Journal*. 2021.
DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85100834443&doi=10.1080%2f0098261X.2021.1881665&partnerID=40&>.
11. Borodina T.G., Borodin V.V. The adversarial system in criminal procedure: Norms and implementation. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 2019;8(12):4039–4042.
DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85074150532&doi=10.35940%2fijitee.L3627.1081219&partnerID=40&md>.
12. Fungwacharakorn W., Tsushima K., Satoh K. Resolving counterintuitive consequences in law using legal debugging. *Artificial Intel-ligence and Law*. 2021.
DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85103677121&doi=10.1007%2fs10506-021-09283-7&partnerID=40&md5>.

13. Gulchehra T. The importance of the participation of a lawyer with the judiciary and law enforcement in criminal proceedings. *European Journal of Molecular and Clinical Medicine*. 2020;7(2):2169–2173.

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85096984927&partnerID=40&md5=9c4852f7ff69c4a068c381834bd5d7b>.

14. Maegherman E., Ask K., Horselenberg R., van Koppen P.J. Test of the analysis of competing hypotheses in legal decision-making. *Applied Cognitive Psychology*. 2021;35(1):62–70.

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85090015942&doi=10.1002%2facp.3738&partnerID=40&md5=d7529041>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гладышева Ольга Владимировна*

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5413-5208>

Author ID: 57194874777

Юлия Адамовна Дагуф

преподаватель кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0192-286X>

09283-7&partnerID=40&md5.

13. Gulchehra T. The importance of the participation of a lawyer with the judiciary and law enforcement in criminal proceedings. *European Journal of Molecular and Clinical Medicine*. 2020;7(2):2169–2173.

DOI: [https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-](https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85096984927&partnerID=40&md5=9c4852f7ff69c4a068c381834bd5d7b)

85096984927&partnerID=40&md5=9c4852f7ff69c4a068c381834bd5d7b.

14. Maegherman E., Ask K., Horselenberg R., van Koppen P.J. Test of the analysis of competing hypotheses in legal decision-making. *Applied Cognitive Psychology*. 2021;35(1):62–70.

DOI: [https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-](https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85090015942&doi=10.1002%2facp.3738&partnerID=40&md5=d7529041)

85090015942&doi=10.1002%2facp.3738&partnerID=40&md5=d7529041.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Gladysheva*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5413-5208>

Author ID: 57194874777

Yuliya Adamovna Daguf

Teacher of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0192-286X>

СУД ПРИСЯЖНЫХ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Овчинникова Е.А.

СКФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Красных Партизан ул., д. 234, г. Краснодар, Россия, 350020)

Ссылка для цитирования: Овчинникова Е.А. Суд присяжных и дальнейшие перспективы его совершенствования в российском уголовно-процессуальном законодательстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):59–68. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-59-68>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Овчинникова Елена Андреевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права СКФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Адрес: Красных Партизан ул., д. 234, г. Краснодар, Россия, 350020

Тел.: +7 (861) 259-52-20

E-mail: mrs.e.ovchinnikova@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 18.12.2021

Статья принята к печати: 18.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: Суд присяжных традиционно относится к числу тех, которые постоянно привлекают внимание ученых. Несмотря на то, что проведено немало исследований, получены весомые результаты в части разрешения многочисленных проблем, по-прежнему остаются не единичные вопросы, занимающие ученых и практиков. Отметим, что до настоящего времени не решенными являются проблемы, относящиеся к числу фундаментальных, например, понятийный аппарат, принципы уголовного судопроизводства и их реализация в условиях суда присяжных, социальная и правовая оценка результатов деятельности суда присяжных и другие. *Цель* настоящего исследования продемонстрировать незавершенность и настоятельную потребность в продолжении фундаментальных исследований, а также предложение научному сообществу авторских выводов и заключений по ряду концептуальных вопросов. *Задачи* исследования связаны с указанной целью и включали: изучение теоретических основ суда присяжных, его истории, законодательных и иных нормативных правовых актов; выявление пробелов в понятийном аппарате и выработка подходов к их устранению; изучение научных работ, посвященных принципам уголовного судопроизводства; составление обзора научной литературы по фундаментальным вопросам суда присяжных; изучение результатов смежных научных исследований (социологии, экономики, психологии, IT-технологий и т.д.).

Исследование проводилось с использованием совокупности *методов*, в числе которых теоретические, эмпирические и комбинированные способы получения, обработки и оценки полученной информации (диалектический, анализ, обобщение, логический, системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой, лингвистико-юридический). Применялись также различные виды толкования уголовно-процессуальных норм: буквальное, ограничительное, распространительное и т.д.

В *результате* проведенного исследования были сформулированы авторские *выводы*, заключения и сформулированы некоторые проблемные суждения теоретического и правоприменительного характера: представлено определение суда присяжных; конкретизирован правовой статус некоторых идей, заложенных в основу организации и функционирования суда

присяжных (справедливость, гласность, коллегиальность); определены, как представляется, перспективные научные направления для продолжения исследований суда присяжных; в частности, механизм обеспечения независимости присяжных заседателей в отечественном уголовно-процессуальном праве.

Некоторые *выводы* послужили основанием для предложений по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в частности статьи 5 (основные понятия), а также ст. 8.1.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд присяжных, принципы, гласность, справедливость, коллегиальность, вердикт, независимость.

JURY TRIAL AND FUTURE PROSPECTS ITS IMPROVEMENT IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Elena A. Ovchinnikova

SKF FGBOU VO "Russian State University of Justice"
(Krasnykh Partizan str., 234, Krasnodar, Russia, 350020)

Link for citation: Ovchinnikova E.A. Jury trial and future prospects its improvement in the Russian criminal procedure legislation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):59–68. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-59-68>

CONTACT INFORMATION:

Elena A. Ovchinnikova, Cand. of Sci. (Law), Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law
SKF FGBOU VO "Russian State University of Justice"

Address: Krasnykh Partizan str., 234, Krasnodar, Russia, 350020

Tel.: +7 (861) 259-52-20

E-mail: mrs.e.ovchinnikova@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 18.12.2021

The article has been accepted for publication: 18.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation: Jury trial is traditionally one of the topics that constantly attract the attention of scientists. Despite the fact that a lot of research has been carried out, significant results have been obtained in terms of solving numerous problems, there are still not isolated issues that occupy scientists and practitioners. It should be noted that to date, the fundamental problems have not been solved, for example, the conceptual apparatus, the principles of criminal proceedings and their implementation in the conditions of a jury trial, the social and legal assessment of the results of the jury trial, and others. The purpose of this study is to demonstrate the incompleteness and the urgent need to continue fundamental research, as well as to offer the scientific community author's conclusions and conclusions on a number of conceptual issues. The research objectives are related to this goal and included: the study of the theoretical foundations of the jury trial, its history, legislative and other normative legal acts; identification of gaps in the conceptual apparatus and the development of approaches to their elimination; the study of scientific papers on the principles of criminal justice; compilation of a review of scientific literature on fundamental issues of jury trial; study of the results of related scientific research (sociology, economics, psychology, IT technologies, etc.).

The study was conducted using a set of methods, including theoretical, empirical and combined methods of obtaining, processing and evaluating the information received (dialectical, analysis, generalization, logical, system-structural, formal-legal, comparative-legal, linguistic-legal). Various types of interpretation of criminal procedural norms were also applied: literal, restrictive, distributive, etc.

As a result of the conducted research, author's conclusions, conclusions were formulated and some problematic judgments of a theoretical and law-enforcement nature were formulated: the definition of a jury trial was presented; the legal status of some ideas underlying the organization and functioning of a jury trial (justice, publicity, collegiality) was specified; promising scientific directions for the continuation of jury trials were identified; in particular, the mechanism of ensuring the independence of jurors in the domestic

criminal procedure law.

Some conclusions served as the basis for proposals to improve the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), in particular Article 5 (basic concepts), as well as Article 8.1.

Keywords: criminal proceedings, jury trial, principles, publicity, justice, collegiality, verdict, independence.

Введение

Одним из основных элементов любой деятельности выступают используемые в ее рамках понятия и термины, определение которых, особенно если речь идет о правовой деятельности, должно быть максимально точным, ясным и исключающим любую двойственность или неоднозначность понимания. Применительно к суду присяжных указанные качества основных понятий соблюдаются далеко не всегда либо не в полном объеме. Так, можно указать на ряд несоответствий между понятием и его же определением. Примером может выступить понятие вердикта присяжных заседателей, которое в ст. 5 УПК РФ определяется как процессуальное решение. Однако, вердикт не имеет всей совокупности обязательных признаков, которые выработаны многолетним развитием соответствующего теоретического направления уголовно-процессуальной науки [6].

Не менее существенным представляется вопрос о принципах функционирования суда присяжных. Исследуя этот аспект, вынуждены констатировать, что в некоторых источниках высказываются позиции, субъективно расширяющие сферы действия таких идей как гласность [4], справедливость [7; 12], коллегиальность и др.

Весьма неоднозначное представление в науке уголовного процесса существует о независимости присяжных заседателей, трактуемой в диапазоне от полной автономии, до исключения внепроцессуального воздействия, как достаточного условия признавать присяжного независимым. При этом проблемы независимости присяжных заседателей и пути их решения интересуют не только отечественных ученых, но и их зарубежных коллег [17].

Масштабные проблемы имеет сфера оценки присяжными заседателями представляемых им доказательств. Отечественный законодатель, установив принцип свободы оценки доказательств, учитывая функционирование суда присяжных, не имеющих правовой подготовки, ввел дискуссионное с точки зрения правовой лингвистики понятие «совесть» (отметим, что ранее действовавший УПК РСФСР предусматривал категорию «правосознание»). При этом оценка доказательств присяжными заседателями тесно связана с их же независимостью, поскольку справедливым является следующий тезис: объективную непредвзятую оценку может дать только независимый присяжный.

Не имея возможности изложить в рамках одной работы суть и пути решения всех существующих проблем, изложим результаты нашего исследования по отдельной его части, а именно, той, которая касается лингвистико-юридического аспекта понятийного аппарата и некоторых проблем обеспечения независимости суда присяжных.

Методы исследования

Проведенное исследование основывается на использовании традиционного методологического инструментария, результативность которого проверена многолетним опытом. Диалектический метод позволил выявить существенные противоречия в теоретической основе и правовом регулировании суда присяжных и продемонстрировать пути дальнейшего его развития. В состоянии противоречивости находится категориальный аппарат, в уголовно-процессуальном законодательстве наблюдается использование несогласованной терминологии, в науке уголовного процесса допускается произвольное толкование ряда фундаментальных понятий, включая и определение «суд присяжных». Независимость присяжных заседателей в уголовно-процессуальном законе даже не упоминается. Законодатель посчитал достаточным распространительное толкование понятия «присяжный заседатель» как судьи и в этой части наличие только положений ст. 8.1 УПК РФ также рассматривается как достаточное. Однако в этой части не учитывается ряд специфических признаков, существенно влияющих или способных повлиять на содержание как собственно независимости, так и правового механизма ее обеспечения. В этом аспекте также присутствует существенное противоречие.

Посредством метода обобщения выявленные диалектические противоречия были распространены на смежные, сопредельные сферы деятельности суда присяжных и помогли выявить прикладные проблемы в его организации и деятельности.

Путем применения различных видов анализа (теоретического, логического, системного,

системно-структурного, системно-функционального, иного) были выявлены важные элементы теоретических понятий, их основные признаки, которые позволили уточнить и методом синтеза сформулировать авторские определения «суд присяжных», «вердикт присяжных заседателей», унификация которых позволит и теории уголовного процесса, и уголовно-процессуальному законодательству избегать неоднозначного терминологического обозначения понятий, искажающего их смысл и допускающего произвольное их использование. Свою роль в решении задач терминологического определения понятий сыграл лингвистико-юридический метод, который помог провести сравнение общеприменительного и правового смысла категорий, имеющих отношение к суду присяжных, выделить те элементы, которые в наибольшей степени соответствуют уголовно-процессуальному регулированию, его принципам и теоретической основе. Результатом его применения стали выводы, касающиеся уточнения понимания такого понятия, как независимость и ее интерпретация применительно к присяжному заседателю.

Формально-юридический метод позволил не только получить полезные результаты в аспекте проводимого исследования, но и надлежащим образом обработать эту информацию, раскрыть содержание и показать смысл ряда важных процессуальных правил, касающихся суда присяжных и его современного правового регулирования.

Важнейшим методом исследования стало сравнительное правоведение. Учитывая мировой опыт применения суда присяжных, длительность его апробации, неоднозначность отношения к этой форме уголовного судопроизводства в различных странах сравнительно-правовой метод позволил оценить самые разные факторы и получить ценную информацию для формирования выводов относительно принципиальной основы суда присяжных и ее оптимизации. Соответственно в дальнейшем эти знания способны подсказать пути развития суда присяжных в таких сферах, как определение независимости присяжных, ее границ, правил обеспечения, развития состязательности сторон, доказательственной деятельности самих присяжных и т.д.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам, заключениям и рекомендациям:

1) формирование определений основных понятий:

– суд с участием присяжных заседателей – это конституционная форма народного участия в осуществлении правосудия по определенным категориям уголовных дел, применяемая по волеизъявлению обвиняемого¹, обладающая специфической процедурой, в рамках которой присяжные заседатели, наделенные полномочиями по исследованию доказательств, дают ответы на вопросы, касающиеся фактической стороны предъявленного обвинения, которые служат основанием для вынесения судьей процессуального решения по уголовному делу;

– вердикт – это процессуальный акт, постановленный в установленном законом порядке содержащий результаты обсуждения присяжными заседателями вопросного листа, которые учитываются председательствующим при постановлении приговора, в том числе – в обязательном порядке, в случаях, установленных уголовно-процессуальным законом;

– независимость присяжного заседателя – это совокупность правил вовлечения граждан и участия их в качестве присяжных заседателей, обеспечивающих их объективность и непредвзятость при ответах на вопросный лист;

2) глава 2 УПК РФ предусматривает совокупность принципов, распространяющих свое влияние на все институты российского уголовного судопроизводства, включая суд присяжных. Формулировки основных идей в уголовно-процессуальном кодексе и придание им унифицированного смысла не позволяют в полном объеме раскрыть специфику и процессуальные особенности суда присяжных. По нашему мнению, роль принципов состоит не только в том, чтобы устанавливать общую идеологическую основу уголовного судопроизводства, но и определять особенности отдельных институтов уголовно-процессуального права;

3) предлагаем при формулировании принципов уголовного судопроизводства дифференцированный подход и дополнить их формулировки указанием на отдельные особенности реализации идеи в рамках суда присяжных. В частности, ст. 8.1 УПК РФ следует дополнить частями 4 и 5 следующего содержания: «4. Присяжные заседатели, получившие внепроцессуальные обращения любого содержания, имеющего отношение к рассматриваемому ими уголовному делу, обязаны довести этот факт до сведения судьи, в чьем производстве находится соответствующее уголовное дело либо обратиться с заявлением о внепроцессуальном обращении к председателю суда,

¹ Данный признак является определяющим для российской модели суда присяжных.

его заместителю, следователю, прокурору.

5. Установленный факт получения внепроцессуального обращения и его сокрытие от должностных лиц влечет отстранение присяжного заседателя от участия в рассмотрении уголовного дела и применение мер ответственности, установленных действующим законодательством».

Научная дискуссия

Функционирование суда присяжных заседателей, эффективность их деятельности, основывается в том числе на терминологической корректности используемых законодателем понятий и их определений. Адекватность терминологии, четкость и ясность передачи замысла законодателя в словарных формулах позволяет правоприменителям действовать в точном соответствии с этим замыслом. И, наоборот, чем сложнее понимаются слова и их сочетания, тем затруднительнее правоприменение. Особенно сложно обстоит дело в тех случаях, когда в процесс правоприменения включаются лица, не имеющие специального юридического образования, как это происходит, когда судебное разбирательство проводится с участием присяжных заседателей.

В ст. 5 УПК РФ даны определения основных понятий, используемых в уголовно-процессуальном законе. Отдельные их формулировки не всегда удовлетворяют ученых и практиков, эти определения подвергаются вполне справедливой критике. Например, высказываются мнения относительно неполноты приведенных признаков в таких понятиях, как «вердикт», «присяжный заседатель» (соответственно п.п. 5 и 30 ст. 5 УПК РФ) [2, с. 38, 39]. Так, в легальной дефиниции указывается, что вердикт – это решение. Но такого рода трактовка не соответствует теоретическим положениям о процессуальном решении, имеющимся в современной науке уголовного процесса [6]. Например, в соответствии со ст. 7 УПК РФ к процессуальным решениям предъявляются требования законности, обоснованности и мотивированности. Соответственно распространяя на вердикт признаки процессуального решения, можно получить достаточно парадоксальный результат: вердикт должен быть законным, обоснованным и мотивированным. Однако при ознакомлении с деталями вердикта, в том числе прямо предусмотренными законодателем, очевиден вывод – такими требованиями вердикт не обременен.

Процессуальные решения обладают такими свойствами, как обязательность, исполнимость, сопровождаются правилами вступления их в законную силу. Эти свойства также не присущи вердикту. Есть и иные соображения, которые приводят к выводу: вердикт не обладает всеми признаками, обязательными для процессуального решения. Соответственно определение вердикта, закрепленное в п. 5 ст. 5 УПК РФ должно быть скорректировано.

В этой части наша позиция следующая: вердикт – это процессуальный акт, постановленный в установленном законом порядке, содержащий результаты обсуждения присяжными заседателями вопросного листа, которые учитываются председательствующим при постановлении приговора, в том числе – в обязательном порядке, в случаях, установленных уголовно-процессуальным законом. Полагаем, что такого рода определение позволит составить правильное представление о сущности вердикта присяжных заседателей.

С терминологической точки зрения, полагаем, составляет проблему отсутствие в уголовно-процессуальном законе определений понятий «суд присяжных заседателей». По нашему мнению, суд присяжных – это конституционная форма народного участия в осуществлении правосудия по отдельным категориям уголовных дел, применяемая по волеизъявлению обвиняемого, обладающая специфической процедурой, в рамках которой присяжные заседатели разрешают вопросы фактической стороны предъявленного обвинения, которые служат, по общему правилу, основанием для вынесения судьей процессуального решения по уголовному делу.

Следующий проблемный аспект, представляющий особую значимость – это *принципы*, формирующие правовую основу организации и функционирования суда присяжных заседателей. Принципы уголовного судопроизводства в отечественной модели суда присяжных заседателей, как указывают ряд исследователей, получают свое наивысшее воплощение [1; 3; 11], особенно такие как состязательность, право на защиту, презумпция невиновности и др. В то же время ученые отмечают проблемы в их реализации [10].

Например, весьма многочисленные работы посвящены принципу справедливости уголовного судопроизводства [7; 9; 12;] и его реализации в суде присяжных [5].

Отметим, что формально, исходя из содержания уголовно-процессуального закона, справедливость не является принципом уголовного судопроизводства. Аналогичная, с точки зрения правовой оценки, ситуация складывается и в случаях причисления к принципам, реализуемым в суде присяжных, идеи гласности [4, с. 68], которая в ст. 241 УПК РФ определена как общее условие судебного разбирательства. Нередко к категории принципов суда присяжных относят

коллегияльность – положение, которое в действующем уголовно-процессуальном законе не упоминается.

Включение в совокупность принципов суда присяжных идей, которые безусловно значимы для уголовного судопроизводства, но не имеют соответствующего легального закрепления, создает ошибочные представления о содержании правовых предписаний, затрудняют правоприменение и правообеспечение (поскольку отсутствие соответствующих идей в числе принципов *не проводит* к формированию необходимых, обеспечивающих их реализацию элементов, в механизме уголовного судопроизводства).

Отдельные принципы уголовного судопроизводства имеют особенности, обусловленные процедурными правилами рассмотрения дела с участием присяжных заседателей, например, принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Его содержание заключается в том, что судья, присяжные заседатели, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Проблемы заключаются в том, что присяжные заседатели не владеют навыками оценки доказательств, не всегда правильно представляют, что такое доказательство, а также не способны в оценке доказательств руководствоваться законом. Судья на достаточно длительном этапе судебного следствия вовсе исключен из числа субъектов, оценивающих доказательства. После вынесения вердикта судья оценивает только отдельные доказательства (но не все доказательства, которые имеются в уголовном деле), необходимые для принятия решения в пределах его компетенции (разрешение правовых вопросов).

Пишут ученые и о проблемах реализации других принципов в суде присяжных [1, с. 13–16].

В рамках данной статьи обратимся к принципу независимости судей. В российском уголовном судопроизводстве этот принцип можно рассматривать как самый «молодой», поскольку в текст УПК РФ он был введен позже остальных¹. Отметим, что научный интерес к теме независимости присяжных заседателей проявляется как в российской научной доктрине, так и в науке уголовного процесса зарубежных стран. Приведем позиции некоторых иностранных ученых. Например, внимание ученых привлекают такие случаи, как участие одного и того же присяжного (либо нескольких присяжных) одновременно в нескольких жюри и необходимости обеспечивать его (их) независимость и независимость остальных членов этих жюри при вынесении нескольких вердиктов [15].

В одной из работ отмечается проблема обеспечения независимости присяжных заседателей в случае так называемого «аннулирования» закона, при котором вердикты, противоречат закону и отражают вместо позиции присяжных, консенсус судьи и присяжных. Как полагают авторы данной работы, эта проблема системно связана с другими вопросами функционирования суда присяжных, в том числе, затрагивает фундаментальный аспект – потребность в правовой подготовке присяжных заседателей, знание ими законодательства и их реагирование на его предписания в ходе вынесения вердикта [14].

Оценивая независимость присяжных в историческом аспекте, отмечается, что вмешательство в судопроизводство с их участием имело немало примеров: от единичных случаев отстранения конкретного присяжного, до приостановления действия этой формы (которая, по мнению авторов, также относится к категории вмешательства в деятельность суда присяжных) [16].

Весьма своеобразные проблемы независимости обсуждаются учеными Кембриджского университета – возможное использование функциональной магнитно-резонансной томографии как потенциально полезной при отборе присяжных. Автор предполагает, что *neuro-voir* может обеспечить большую беспристрастность судебных разбирательств, сохраняя при этом существующую защиту частной жизни присяжных заседателей. Он предсказывает, что способность представлять и понимать широкий спектр мозговой деятельности, в первую очередь предвзятое восприятие и обнаружение лжи, сделает нейровизуализацию неопределимой [17]. Применительно к нейровизуализации оценивается и состояние, а также возможные пути обеспечения независимости присяжных заседателей. Высказываются предположения о более высокой степени этой независимости в случае применения указанного метода.

В приведенных работах отметим одну, но важную деталь. Зарубежные ученые в каждом

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02 июля 2013 года № 166-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

случае исследуют процессуальные возможности присяжных заседателей, которые не предусмотрены отечественным уголовно-процессуальным законодательством. Иными словами, проблемы независимости в суде присяжных в зарубежных странах и в российском уголовном процессе связаны с не типичными для российского судопроизводства, основаниями. Тем не менее, общим выступает тот факт, что выделяется проблема независимости присяжных заседателей и ей уделяется большое внимание, в том числе и на уровне теоретических исследований.

Перечень проблем независимости российского суда присяжных достаточно широк. По объективным причинам, остановимся только на одной – обеспечение коррупционной безопасности присяжных. Тем более, что опасения в данной сфере продиктованы периодически появляющимися как на страницах средств массовой информации, так и в профессиональных кругах сведениях о совершении присяжными заседателями коррупционных правонарушений [8]. Приведем пример. М., не являющаяся участником уголовного судопроизводства, руководствуясь чувством личной симпатии к подсудимому, понимая при этом, что он виновен в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в», «г», «ж», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, действуя умышленно, решила совершить вмешательство в деятельность суда с целью воспрепятствования осуществлению правосудия и оказать воздействие на присяжных заседателей по уголовному делу с целью склонения их к вынесению оправдательного вердикта в отношении подсудимого. М., намереваясь реализовывать свои преступные действия пыталась склонить присяжных заседателей к голосованию за невиновность при вынесении вердикта, путем передачи им денежных средств в сумме 100 000 руб. каждому. Присяжная заседатель отказалась от совершения противоправных действий в интересах подсудимого обратилась с заявлением в суд, в котором изложила сведения о преступной деятельности М.¹ Сам по себе данный факт свидетельствует, как о позитивном – отказ от преступления со стороны действующего присяжного, так и отрицательном обстоятельстве – намерении склонить присяжных к противоправному поведению. Не вдаваясь в детали правовой оценки поведения обеих фигурантов, отметим, как представляется, существенную проблему можно ли считать присяжного заседателя полностью независимым после того, как состоялись все эти события? Кроме того, как оказывается, присяжные заседатели вовсе не ограждены от внепроцессуального вмешательства не только коррупционного характера.

Вот еще один пример. По результатам служебной проверки присяжные заседатели К., К., Ж. письменно в своих объяснениях подтвердили факты общения с участниками процесса вне судебного заседания, осмотра вещественных доказательств, воздействия на них со стороны судебного пристава и секретаря судебного заседания, нарушения тайны совещательной комнаты².

В продолжение изложения результатов обобщения судебной практики укажем еще случай, когда от участия в судебном заседании был отстранен присяжный заседатель, так как было установлено его участие в период осуществления правосудия по уголовному делу в качестве представителя по другому делу, что было расценено председательствующим в качестве основания для освобождения ее от исполнения обязанностей присяжного заседателя по мотивам невыполнения К. требований ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» и распространении на присяжного заседателя в период осуществления им правосудия гарантий независимости и неприкосновенности судей и корреспондирующими с этими гарантиями ограничений, связанных с осуществлением юридической практики³.

Учитывая приведенные иллюстрации из числа примеров судебной практики, считаем, что проблема независимости имеет глобальный характер, а существующие способы ограждения присяжных заседателей от внепроцессуального воздействия в настоящее время не обеспечивают достаточного уровня их независимости.

Имеющиеся в данном направлении предложения затрагивают многие аспекты уголовно-процессуального механизма обеспечения независимости. Например, В. А. Семенцов полагает целесообразным установить обязанность председательствующего разъяснять избранным присяжным особенностей процессуального статуса присяжного заседателя, общения со сторонами по уголовному делу, порядка извещения председательствующего о получении коррупционных предложений,

¹ Октябрьский районный суд г. Краснодара. Уголовное дело № 1–426/18. Приговор.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2021 года № 45-АПУ21-1сп.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 10 октября 2017 года № 201-АПУ17-39СП.

внепроцессуальных обращениях и соответствующих этим проступкам мер ответственности [8, с. 128].

Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу Российской Федерации законопроект о компенсационных выплатах присяжным заседателям, что можно рассматривать как средство их материального стимулирования и повышение гарантий их независимости¹.

Эти и иные предлагаемые шаги в определенной части способны повлиять в положительную сторону на имеющиеся негативные случаи. Однако, как представляется, речь должна идти о фундаментальных преобразованиях в данной сфере, а именно о внесении коррективы в формулировку ст. 8.1 УПК РФ. Как представляется, для создания надлежащей правовой основы для механизма обеспечения независимости присяжных заседателей в судах общей юрисдикции необходимо прямо предусмотреть в содержании принципа независимости следующее правило: «Присяжные заседатели, получившие внепроцессуальные обращения любого содержания, имеющего отношение к рассматриваемому ими уголовному делу, обязаны довести этот факт до сведения судьи, в чьем производстве находится соответствующее уголовное дело либо обратиться с заявлением о внепроцессуальном обращении к председателю суда, его заместителю, следователю, прокурору. Установленный факт получения внепроцессуального обращения и его сокрытие от должностных лиц влечет отстранение присяжного заседателя от участия в рассмотрении уголовного дела и применение мер ответственности, установленных действующим законодательством».

Данное положение может стать основанием для продолжения формирования уголовно-процессуального института независимости присяжных заседателей в отечественном уголовно-процессуальном праве.

Список использованной литературы:

1. Борохова Н.Е. Принципы уголовного судопроизводства в суде присяжных. *Право: история, теория, практика: материалы VII Меж-дунар. Науч. Конф. (г. Санкт-Петербург. Октябрь 2019 г.)*. СПб: Свое издательство, 2019.
2. Гладышева О.В. Уголовно процессуальные решения: проблема определения. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012;3(139):37–40.
3. Даровских С.М. Некоторые вопросы реализации принципа состязательности в суде с участием присяжных заседателей. *Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвузов. сб. науч. тр.* Уфа: РИО БашГУ; 2003.
4. Красноперов В.В., Дульцев М.В. О реализации принципа гласности при рассмотрении дел судом присяжных. *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России*. 2017;2(48):68–70.
5. Куликова Г.Л. Проблемы реализации принципа справедливости при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2009;6(14):49–54.
6. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма-Инфра-

References:

1. Borokhova N.E. [Principles of criminal proceedings in a jury trial]. *Law: history, theory, practice: materials of the VII International. Sci. Conf. (St. Petersburg. October 2019)*. St. Petersburg: Its publishing house, 2019. (In Russ.)]
2. Gladysheva O.V. [Criminal procedural decisions: the problem of definition]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*. 2012;3(139):37–40. (In Russ.)]
3. Darovskikh S.M. [Some issues of the implementation of the principle of consistency in court with the participation of jurors]. *Actual issues of the criminal process of modern Russia: mezhvuzov. sb. nauch. tr.* Ufa: RIO Bashgu; 2003. (In Russ.)]
4. Krasnoperov V.V., Dul'tsev M.V. [On the implementation of the principle of transparency when considering cases by jury]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;2(48):68–70. (In Russ.)]
5. Kulikova G.L. [Problems of the implementation of the principle of justice in the consideration of a criminal case by a court with the participation of jurors]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2009;6(14):49–54. (In Russ.)]
6. Lupinskaya P.A. [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. Moscow: Norma-Infra-M; 2010. (In Russ.)]

¹ О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции»: Законопроект 1192313-7 // Система обеспечения законодательной деятельности: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1192313-7>.

М; 2010.

7. Мотрохин Б.Ю. Принцип справедливости судебного разбирательства и российский уголовный процесс. *Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. / под ред. Н.М. Прусс, А.Н. Грязнова. Казань, 2017.*

8. Семенцов В.А. Коррупция и присяжные заседатели. *Современное состояние противодействия коррупции в Российской Федерации: проблемы, опыт, перспективы: Сб. межвед. науч.-практ. конф. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020.*

9. Тимошенко А.А. К вопросу о судебном толковании содержания права на справедливое судебное разбирательство уголовных дел. *Философия права. 2014;6(67):34–37.*

10. Хорошева А.Е. Проблемы реализации принципа состязательности в суде присяжных. *Известия Алтайского гос. ун-та. 2010;2–1(66):101–104.*

11. Шидловская Ю.В. Реализация конституционных принципов правосудия в деятельности суда с участием присяжных заседателей. *Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. СПб: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»; 2013.*

12. Шкредова Э.Г., Муллахметова Н.Е., Маганкова А.А. Принцип справедливости: теория и практика применения судами при рассмотрении уголовных дел: монография. М.: Юрлитинформ; 2016.

13. Holleran L.B., Vaughan T.J. Examining jurors' ability to meet the constitutional requirement of narrowing in capital sentencing. *Behavioral Sciences and the Law. 2020;38(4):317–336.*

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85083436382&doi=10.1002%2fbsl.2464&partnerID=40&md5=a74490de9>.

14. Kamali E.P., Green T.A. A crossroads in criminal procedure: The assumptions underlying england's adoption of trial by jury for crime. *Law and Society in Later Medieval England and Ireland: Essays in Honour of Paul Brand. 2017. Pp. 51–81.*

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85044892479&doi=10.4324%2f9781315591520&partnerID=40&md5=41d13f5dd9aa1c49c6641d3ad1af7e5f>.

15. Kerr N.L., Harmon D.L., Graves J.K. Independence of Multiple Verdicts by Jurors and Juries. *Journal of Applied Social Psychology. 1982;12(1):12–29.*

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-42549141304&doi=10.1111%2fj.1559-1816.1982.tb00845.x&partnerID=4>.

16. Pastović D. Suspension of trial by jury in a state of emergency in Istria and Dalmatia in the period from 1873 to 1918. *Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu. 2017;67(3-4):599–626.*

7. Motrokhin B.YU. [The principle of fairness of judicial proceedings and the Russian criminal process]. *Science and education: problems and prospects: materials of the IV International Scientific Conference / edited by N.M. Pruss, A.N. Gryaznov. Kazan, 2017. (In Russ.)]*

8. Sementsov V.A. [Corruption and jurors]. *The current state of anti-corruption in the Russian Federation: problems, experience, prospects: Collection of mezhev. scientific-practical conf. Moscow: FGKU "Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2020. (In Russ.)]*

9. Timoshenko A.A. [On the issue of judicial interpretation of the content of the right to a fair trial of criminal cases]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law. 2014;6(67):34–37. (In Russ.)]*

10. Khorosheva A.E. [Problems of implementation of the principle of adversarial proceedings in a jury trial]. *Izvestiya Altaiskogo gos. un-ta = News of the Altai State University. 2010;2–1(66):101–104. (In Russ.)]*

11. Shidlovskaya Yu.V. [Implementation of the constitutional principles of justice in the activities of the court with the participation of jurors]. *Interrelation of constitutional and criminal proceedings: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical conference / comp. K.B. Kalinovsky, T.V. Sokolov. St. Petersburg: North-Western Branch of the Russian Academy of Justice; 2013. (In Russ.)]*

12. Shkredova E.H.G., Mullakhmetova N.E., Magankova A.A. [The principle of justice: theory and practice of application by courts when considering criminal cases]. Moscow: Yurlitinform; 2016. (In Russ.)]

13. Holleran L.B., Vaughan T.J. Examining jurors' ability to meet the constitutional requirement of narrowing in capital sentencing. *Behavioral Sciences and the Law. 2020;38(4):317–336.*

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85083436382&doi=10.1002%2fbsl.2464&partnerID=40&md5=a74490de9>.

14. Kamali E.P., Green T.A. A crossroads in criminal procedure: The assumptions underlying england's adoption of trial by jury for crime. *Law and Society in Later Medieval England and Ireland: Essays in Honour of Paul Brand. 2017. Pp. 51–81.*

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85044892479&doi=10.4324%2f9781315591520&partnerID=40&md5=41d13f5dd9aa1c49c6641d3ad1af7e5f>

15. Kerr N.L., Harmon D.L., Graves J.K. Independence of Multiple Verdicts by Jurors and Juries. *Journal of Applied Social Psychology. 1982;12(1):12–29.*

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-42549141304&doi=10.1111%2fj.1559-1816.1982.tb00845.x&partnerID=4>.

16. Pastović D. Suspension of trial by jury in a state of emergency in Istria and Dalmatia in the period from 1873 to 1918. *Zbornik Pravnog Fakulteta u Zagrebu. 2017;67(3-4):599–626.*

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85030628934&partnerID=40&md5=4dbdc1d1c703c711a9144d02b8abe5>.

17. Suskin Z.D. Lady justice may be blind, but is she racist? examining brains, biases, and behaviors using neurovoir dire. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2021;30(4):702–709.

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85118502881&doi=10.1017%2fS0963180121000177&partnerID=40&md5=>

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85030628934&partnerID=40&md5=4dbdc1d1c703c711a9144d02b8abe5>.

17. Suskin Z.D. Lady justice may be blind, but is she racist? examining brains, biases, and behaviors using neurovoir dire. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2021;30(4):702–709.

DOI: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85118502881&doi=10.1017%2fS0963180121000177&partnerID=40&md5=>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овчинникова Елена Андреевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права СКФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1007-0291>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Ovchinnikova

Cand. of Sci. (Law), Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law SKF FGBOU VO "Russian State University of Justice"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1007-0291>

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-69-75>

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ И ГЛАСНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Потапенко С.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Потапенко С.В. Информационная открытость и гласность уголовного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):69–75.
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-69-75>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 262-46-50

E-mail: potapenkosv@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 20.01.2022

Статья принята к печати: 28.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: В современных условиях под воздействием стремительного развития информационных технологий существенно меняется ранее сложившаяся парадигма отношений между судом и гражданским обществом. Открытость и гласность судопроизводства провозглашены одной из целей информационной политики судебной системы России на 2020–2030 годы. Поэтому имеется необходимость в научном исследовании информационной открытости и гласности в уголовном судопроизводстве, особенно в свете проблем, возникших в связи с неблагоприятным воздействием глобальной пандемии.

Цель данного исследования – разграничить понятие и признаки информационной открытости и гласности уголовного судопроизводства.

При проведении исследования использованы диалектический, формально-логический и другие общенаучные *методы* исследования; специально-юридические *методы*: формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

В результате проведенного исследования были сделаны выводы о том, что гласность судопроизводства – это возможность любого лица, не участвующего в деле, реально или виртуально присутствовать в зале, где проводится открытое судебное заседание, а информационная открытость в деятельности судов – это спектр правовых и коммуникационных инструментов, предназначенных для общества в целом и общественного контроля за судебной деятельностью. Кроме того, гласность как общее условие судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве – это судопроизводственный конституционный принцип уголовного процесса, а информационная открытость судопроизводства – это судоустройственный принцип, заключающийся в обеспечении доступа к информации о деятельности судов, способствующей реализации права каждого на доступ к информации. Конституционный принцип гласности как закон прямого действия в полной мере распространяется на судебное разбирательство в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, информационная открытость, гласность, судебное разбирательство, доступ к информации, электронное правосудие.

INFORMATION TRANSPARENCY AND PUBLICITY OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey V. Potapenko
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Potapenko S.V. Information transparency and publicity of criminal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):69–75. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-69-75>

CONTACT INFORMATION:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov faculty of Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 262-46-50

E-mail: potapenko@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 20.01.2022

The article has been accepted for publication: 28.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation: In modern conditions, under the influence of the rapid development of information technologies, the previously established paradigm of relations between the court and civil society is significantly changing. Transparency and publicity of legal proceedings have been proclaimed one of the goals of the information policy of the Russian judicial system for 2020–2030. Therefore, there is a need for a scientific study of information openness and publicity in criminal proceedings, especially considering the problems that have arisen due to the adverse impact of the global pandemic.

The purpose of this study is to distinguish between the concept and signs of information openness and publicity of criminal proceedings.

During the research, dialectical, formal-logical, and other general scientific research methods were used; special legal methods: formal legal, comparative legal, etc.

In the course of the study, it was concluded that the publicity of legal proceedings is the ability of any person not participating in the case to actually or virtually be present in the hall where an open court session is held, and information openness in the activities of the courts – as a range of legal and communication tools intended for society as a whole and public control over judicial activity. In addition, publicity as a general condition for trial in criminal proceedings is a judicial constitutional principle of the criminal process, and information openness of legal proceedings is a judicial principle, which consists in providing access to information about the activities of the courts, which contributes to the realization of everyone's right to access to information. The constitutional principle of publicity, as a law of direct action, fully applies to trials in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, information transparency, publicity, trial, access to information, e-justice.

Введение

Доступ к судебной информации с использованием цифровых технологий лежит в основе открытого правосудия. С помощью открытости и гласности правосудия может быть обеспечена действительная справедливость и беспристрастность суда, общественный контроль за деятельностью суда со стороны населения, что является важным условием уважения и доверия общества к судебной власти. В этом смысле не утратили актуальности слова И.Я. Фойницкого о том, что «общественное убеждение в достоинстве суда возможно с тем лишь условием, чтобы каждый шаг судебной деятельности был известен обществу» [6, с. 98]. В современных условиях для того, чтобы «каждый шаг судебной деятельности» действительно был известен общественности, имеется только один выход – еще шире использовать последние достижения информационно-коммуникационных технологий. Действительно, с помощью электронных сервисов правосудия удалось существенно

повысить эффективность судебной деятельности, ускорить процесс судопроизводства и поднять уровень его открытости и доступности [8, с. 647–649]. При этом очевидно необходимо использовать передовые информационные технологии в уголовном судопроизводстве в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального права. Важно и то, что информационная открытость уголовного судопроизводства может стать эффективным антикоррупционным инструментом.

Методы исследования

Методология исследования состоит из совокупности общенаучных методов, в числе которых ключевое место занимают диалектический и формально-логический методы, а также из некоторых специально-юридических методов, в частности, сравнительно-правового и формально-юридического.

Результаты исследования

Результаты исследования состоят в следующем:

1. Информационная открытость является принципом информационной политики российской судебной системы;
2. Если гласность – это возможность любого лица, не участвующего в деле, реально или виртуально присутствовать в зале, где проводится открытое судебное заседание, то открытость в деятельности судов как спектр правовых и коммуникационных инструментов предназначена для общества в целом и общественного контроля за судебной деятельностью;
3. Под открытостью уголовного судопроизводства, следует понимать, в первую очередь, его цифровую информационную открытость для общества о ходе и результатах судебного разбирательства;
4. Гласность как общее условие судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве – это, по сути своей, судопроизводственный конституционный (ч. 1 ст. 123 Конституции РФ) принцип уголовного процесса, а открытость судопроизводства – это судоустройственный принцип, заключающийся в обеспечении доступа к информации о деятельности судов, способствующей реализации права каждого на доступ к информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) [5, с. 104];
5. Конституционный принцип гласности как закон прямого действия в полной мере распространяется на судебное разбирательство в уголовном процессе.

Научная дискуссия

5 декабря 2019 года Советом судей РФ одобрена Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы¹, одной из целей которой провозглашена открытость и гласность судопроизводства, а в качестве принципа информационной политики судебной системы указана ее информационная открытость. Поэтому информационная открытость является важным направлением информационной политики судебной системы [4, с. 6–8], основой взаимодействия судов и средств массовой информации.

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс² (далее – УПК РФ) не включает гласность в число принципов уголовного процесса (гл. 2 УПК РФ). Однако положение о гласности закреплено в этом кодексе как об общее условие судебного разбирательства. Нам представляется, что поскольку Конституция РФ – закон прямого действия³, то в судебном разбирательстве гласность должна рассматриваться не только как общее условие этой стадии уголовного процесса, но и как конституционный принцип правосудия.

Гласности посвящена ст. 241 УПК РФ, согласно ч. 1 которой разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, предусмотренных этой статьей. Часть 5 этой же статьи УПК РФ регламентирует принцип открытости судопроизводства, который здесь прямо не называется, но фактически раскрывается через права лиц, присутствующих в открытом судебном заседании, вести аудиозапись и письменную запись, а также с разрешения председательствующего производить фотографирование, видеозапись и (или) киносъемку, трансляцию открытого судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Подобным образом, реализуя свои права, предусмотренные ч. 5 ст. 241 УПК РФ, лица,

¹ Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

присутствующие в открытом судебном заседании, осуществляют своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов.

Гласность и открытость судопроизводства, представляющие собой две стороны публичности судебной власти, но это не тождественные понятия. Не случайно они разграничены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 года № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»¹.

Гласность уголовного судопроизводства – это судопроизводственный принцип, а открытость – судоустройственный, в рамках которого суд предстает как орган государственной власти. Если гласность – это возможность любого лица, не участвующего в деле, реально или виртуально присутствовать в зале, где проводится открытое судебное заседание, то открытость в деятельности судов предназначена для общества в целом и общественного контроля за судебной деятельностью. С учетом цифровой трансформации и внедрением электронного правосудия, под открытостью судопроизводства, на наш взгляд, следует понимать, в первую очередь, его цифровую информационную открытость для общества о ходе и результатах судебного разбирательства, что, как справедливо отмечается в юридической литературе создаст условия «для реального контроля со стороны широкого круга общественности за деятельностью судов» [1].

Кроме этого, цифровая информационная открытость судопроизводства поможет разрешить проблему, связанную с недостаточной информированностью граждан о деятельности судебной системы, ответив тем самым на сформировавшуюся общественную потребность в прозрачности судебной системы. Важно также, что цифровая информационная открытость судебной деятельности обеспечивает конституционное право каждого на информацию (п. 4 ст. 29 Конституции РФ), способствует внедрению современных информационных и коммуникационных технологий в процесс судопроизводства. При этом современные средства связи могут обеспечить присутствие на судебном заседании-онлайн любого количества заинтересованных граждан.

Открытость судопроизводства распространяется на индивидуально-неопределенный круг лиц, на все гражданское общество, которое является управомоченным субъектом правоотношения с судебной властью по поводу открытости правосудия.

Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»² открытость и доступность информации о деятельности судов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации, отнесена к основным принципам обеспечения доступа к информации о деятельности судов.

Как отмечено в разделе III Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»³, в рамках ее реализации, в частности, должны быть обеспечены:

1) открытость и доступность для граждан информации о деятельности судов Российской Федерации;

2) предоставление возможности гражданам использовать информационные технологии как при получении информации о деятельности судов Российской Федерации, так и на каждом этапе судебного процесса, начиная со дня обращения в суд до окончания судебного процесса.

Способами получения общественности информации о деятельности судов являются:

1) присутствие граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления, в открытом судебном заседании;

2) обнародование (опубликование) информации о деятельности судов в средствах массовой информации;

3) размещение информации о деятельности судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

¹ Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 года № 35. [сайт]. Российская газета; 2021 [процитировано 22 декабря 2021]. Доступно: <https://rg.ru/2012/12/19/otkritost-dok.html>.

² Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6217.

³ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1406 (ред. от 29.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

4) размещение информации о деятельности судов в занимаемых судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества помещениях;

5) ознакомление пользователей с информацией о деятельности судов, находящейся в архивных фондах;

6) предоставление пользователям по их запросу информации о деятельности судов.

Как справедливо отмечает В.В. Момотов, открытость уголовного судопроизводства лежит в основе конструктивного взаимодействия судов и СМИ для объективного освещения деятельности судов, способствует гармонизации отношений судебной власти и общества [3].

Доступ к информации о деятельности судов в уголовном судопроизводстве при онлайн-правосудии обеспечиваются функционалом системы ГАС «Правосудие»¹. В качестве подсистем в ГАС «Правосудие», в частности, входят Банк судебных решений (судебной практики), Ведомственная статистика Судебного департамента, Интернет-портал ГАС «Правосудие», обеспечивающий доступ граждан, юридических лиц, органов государственной власти к информации о деятельности судебной системы Российской Федерации.

В современных условиях цифровой реальности любой судебный акт приобретает публичный характер в силу общедоступности информации о судебных актах как яркого проявления открытости российского правосудия. Каждый заинтересованный человек имеет возможность доступа к базам данных судебных решений, размещенных на официальных сайтах судов.

Для обеспечения открытости уголовного судопроизводства особенно важное значение имеет доступность в сети «Интернет» текстов решений судов всех уровней и звеньев, что предусмотрено ст. 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, размещение судом на его официальном сайте в сети «Интернет» информации, судебных актов и их копий представляет собой «включение в систему автоматизации судопроизводства информации, судебных актов и их копий с обеспечением доступа к ним с официального сайта соответствующего суда в сети «Интернет»»².

На этот счет в литературе справедливо отмечается, что «по общему правилу каждый гражданин, вне зависимости от того, являлся ли он участником процесса, имеет право знакомиться со вступившим в законную силу судебным решением, определением, приговором по рассмотренному в открытом судебном заседании делу. Граждане имеют право получать информацию о том, как продвигается рассмотрение дел, а также иметь доступ к размещенным в общедоступной базе судебным актам» [2, с. 85–87]. В данном случае действует механизм получения гражданином судебной информации в так называемом проактивном режиме, когда такая информация регулярно обновляется и публикуется независимо от наличия запросов.

При этом в обеспечении баланса частных и публичных интересов производится деперсонализация ряда данных судебных постановлений перед публикацией на сайте суда. Под деперсонализацией в данном случае понимается обязанность сотрудника суда перед публикацией удалять из публикуемого текста судебного постановления данные, представляющие собой охраняемую законом персональную информацию.

В США Служба публичного доступа к электронным записям судебных заседаний – The Public Access to Court Electronic Records (PACER)³ также обеспечивает электронный публичный доступ к записям федеральных судов. PACER предоставляет общественности мгновенный доступ к более чем 1 миллиарду документов, поданных во все федеральные суды. Зарегистрированные пользователи могут осуществить поиск дела в федеральном суде, в котором было подано дело, или найти общенациональный индекс федеральных судебных дел [9, с. 1200–1202]. Доступ к информации о деле стоит 0,10 доллара за страницу. В отличие от этого в России граждане имеют право бесплатно получать судебную информацию через Интернет-портал ГАС «Правосудие».

Важнейшая роль в обеспечении информационной открытости правосудия, особенно в условиях ограничений, связанных с воздействием глобальной пандемии, принадлежит официальным

¹ ГАС РФ «Правосудие» [сайт]. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»; 2021. Доступно: <https://sudrf.ru/>.

² О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 57 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ PACER [сайт]. Public Access to Court Electronic Records; 2021. Доступно: <https://pacer.uscourts.gov/>.

сайтам всех российских судов в сети «Интернет», где нередко проводятся прямые трансляции уголовных процессов для неограниченного круга лиц¹. Например, на сайте Краснодарского краевого суда публикуются анонсы видеотрансляций судебных заседаний на предстоящую неделю. Выбрав интересующее заседание, каждый может подключиться к трансляции, осуществляемой с помощью программно-технического комплекса «Видеотрансляция» в online-режиме².

Существенное значение для информационной открытости правосудия имеет обнародование (опубликование) информации о деятельности судов в средствах массовой информации и социальных сетях. Позитивный пример в этом подает Верховный Суд РФ, который даже заседания Пленумов проводит посредством веб-конференций, затем они размещаются на официальном YouTube-канале Верховного Суда РФ³. Верховный Суд России присутствует и в других социальных сетях: Facebook, Instagram, фото-хостинг Flickr, откуда широкая общественность оперативно получает информацию о резонансных уголовных делах и других актуальных направлениях судебной деятельности.

Кроме того, через социальные сети суды не только распространяют информацию, но и получают обратную связь от общества в виде комментариев посетителей и тысяч постоянных подписчиков. Так, на **pus**. наглядно отражена динамика роста подписчиков официального аккаунта Верховного Суда РФ в социальной сети Instagram, из которой следует, что за месяц количество подписчиков возросло на 3.9%.

Рис. «Динамика роста подписчиков официальной Instagram-страницы Верховного Суда РФ за декабрь 2021 г. – январь 2022 г.»

Fig. "The dynamics of the growth of subscribers of the official Instagram page of the Supreme Court of the Russian Federation for December 2021 – January 2022"

Открытость судопроизводства реализуется также путем ведения блогов в режиме реального времени лицами, присутствующими в открытых судебных заседаниях. Вследствие этого существенно расширяется виртуальная аудитория судебного процесса, общественность может получить непосредственное представление о судебных разбирательствах. Как обоснованно отмечается в юридической литературе, в этом случае судебное заседание превращается в живое событие, стирается грань между очным и виртуальным присутствием в открытом судебном разбирательстве [7, с. 3–5].

В заключение отметим, что в целом информационная открытость современного уголовного судопроизводства состоит из различных форм активного сотрудничества и общения между судом и общественностью на основе различных платформ. Вследствие этого уголовное судопроизводство становится более прозрачным, возрастает уровень доверия общества к судам. В России достигнут

¹ Задачи и перспективы дальнейшего развития информатизации судов // Судебные ведомости. 2021. № 4. [текст: электронный]. [Процитировано 22 декабря 2021]. Доступно: http://files.sudrf.ru/2816/user/Sudebnie_vedomosti/JURNAL_kraysud_N4.pdf.

² Архив видеотрансляций [сайт]. Краснодарский краевой суд; 2021. Доступно: http://kraevoi.krd.sudrf.ru/modules.php?name=video_streaming&op=video_list_archive.

³ См., например: Заседание Пленума Верховного Суда РФ 29 июня 2021 года посредством веб-конференции [сайт]. Официальный YouTube канал Верховного Суда Российской Федерации; 2021. Доступно: https://www.youtube.com/watch?v=-p-EQ6rz_wg.

один из наиболее высоких уровней информационной открытости судебной власти, в том числе в уголовном судопроизводстве, что объективно отвечает возросшему в период пандемии запросу граждан на информационно-цифровую открытость правосудия.

Список использованной литературы:

1. Зайченко Е.В. Информационные технологии и обеспечение прав участников гражданского судопроизводства // Современные информационные технологии и право: монография / Отв. ред. Е.Б. Лаутс; Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. М., 2019. С. 135–156.
2. Кайль Я.Я. Соотношение понятий «гласность», «открытость», «публичность» судебного разбирательства. *Правовая парадигма*. 2017;16(3):84–89. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.3.14>.
3. Момотов В.В. Судейское сообщество и средства массовой информации. *Судья*. 2019;5(101):8–13.
4. Потапенко С.В. Открытость и гласность судопроизводства в свете Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы. *Труды по интеллектуальной собственности*. 2020;XXXV(1-2):5–17. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2020.13391>.
5. Потапенко С.В. Гласность как общее условие судебного разбирательства и как конституционный принцип в уголовном судопроизводстве. *Теория и практика общественного развития*. 2022;(1):103–107. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.1.15>.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х томах. Т. 1. СПб, 1996.
7. Flower L. and Ahlefeldt M.-S. The criminal trial as a live event: Exploring how and why live blogs change the professional practices of judges, defence lawyers and prosecutors. *Media, Culture & Society*. 2021;43(8):1480–1496. DOI: 10.1177/01634437211022730.
8. Kalenteva T.A. and Bozhko A.P. Digitalization of Legal Proceedings as a Way to Save Budget Funds. *Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality*. 2022. Pp.645–653. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-83175-2_79.
9. Schultze S. The Price of Ignorance: The Constitutional Cost of Fees for Access to Electronic Public Court Records. *Georgetown Law Journal*. 2018;106(4):1198–1226. Available: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3026779.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потапенко Сергей Викторович

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3013-5072>

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

References:

1. Zaichenko E.V. [Information technologies and ensuring the rights of participants in civil proceedings] // [Modern information technologies and law]. Ed. by E.B. Lauts; Moscow State University named after M.V. Lomonosov. M., 2019. Pp. 135–156. (In Russ.)]
2. Kail' Ya.Ya. [Correlation between the concepts of "publicity", "openness", "publicity" of the trial]. *Pravovaya paradigma = Legal paradigm*. 2017;16(3):84–89. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.3.14> (In Russ.)]
3. Momotov V.V. [Judicial community and mass media]. *Sud'ya = Judge*. 2019;5(101):8–13. (In Russ.)]
4. Potapenko S.V. [Openness and publicity of legal proceedings in the light of the Concept of information policy of the judicial system for 2020–2030]. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti = Proceedings on intellectual property*. 2020;XXXV(1-2):5–17. DOI: <https://doi.org/10.17323/tis.2020.13391> (In Russ.)]
5. Potapenko S.V. [Glasnost as a general condition for trial and as a constitutional principle in criminal proceedings]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2022;(1):103–107. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.1.15> (In Russ.)]
6. Foinitskii I.Ya. [Course of criminal proceedings: in 2 volumes. T. 1.] St. Petersburg, 1996. (In Russ.)]
7. Flower L. and Ahlefeldt M.-S. The criminal trial as a live event: Exploring how and why live blogs change the professional practices of judges, defence lawyers and prosecutors. *Media, Culture & Society*. 2021;43(8):1480–1496. DOI: 10.1177/01634437211022730.
8. Kalenteva T.A. and Bozhko A.P. Digitalization of Legal Proceedings as a Way to Save Budget Funds. *Digital Technologies in the New Socio-Economic Reality*. 2022. Pp.645–653. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-83175-2_79.
9. Schultze S. The Price of Ignorance: The Constitutional Cost of Fees for Access to Electronic Public Court Records. *Georgetown Law Journal*. 2018;106(4):1198–1226. Available: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3026779.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Potapenko

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov facility of Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3013-5072>

Author ID: 57200339768

Researcher ID: AAB-5391-2021

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-76-85>

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Рудакова С.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Рудакова С.В. Субъективное право на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):76–85. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-76-85>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Рудакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 433-91-66

E-mail: rudakovasvetlana@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.11.2021

Статья принята к печати: 17.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: Основополагающая цель настоящего исследования заключается в теоретической разработке современного и оптимального механизма обжалования как существенного уголовно-процессуального средства обеспечения законности в досудебной стадии и защиты прав и законных интересов его участников и иных лиц, вовлеченных в соответствующие правоотношения. В пределах названной цели были выражены и разрешались конкретные задачи: изучение международных и отечественных правовых основ регулирования обжалования в уголовном судопроизводстве, научной доктрины, воззрений отдельных ученых по проблемам о понятии, содержании и механизме обжалования в досудебном производстве, функционирования этого механизма в части реализации принципов обжалования, внутреннего содержания рассмотренного права, способов и средств его реализации, включая процессуальный порядок подачи жалобы, обращения к уполномоченным органам с требованием о признании действий (бездействия) и решений незаконными в целях защиты прав и законных интересов.

Важной для проведения исследования стала гипотеза о несовершенстве законодательной модели права на обжалования в досудебном производстве в целом и отдельных его аспектов, наличие недостатков нормативного правового регулирования, о чем свидетельствуют негативные оценки ученых и практиков.

Ключевые слова: досудебное уголовное судопроизводство, обжалование, принцип, механизм обжалования, процедура, жалоба, злоупотребление правом, научные исследования.

THE SUBJECTIVE RIGHT TO APPEAL IN THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Svetlana V. Rudakova

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Rudakova S.V. The subjective right to appeal in the pre-trial stages of criminal proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):76–85. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-76-85>

CONTACT INFORMATION:

Svetlana V. Rudakova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 433-91-66

E-mail: rudakovasvetlana@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 26.11.2021

The article has been accepted for publication: 17.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation: The main purpose of the research is to develop an optimal mechanism of appeal as the most important criminal procedural means of ensuring legality in pre-trial criminal proceedings and protecting the rights and legitimate interests of its participants and other persons involved in the relevant legal relations. Within the framework of this goal, specific tasks were expressed and resolved: the study of international and domestic legal bases for regulating appeals in criminal proceedings, scientific doctrine, views of individual scientists on the problems of the concept, content and mechanism of appeal in pre-trial proceedings, the functioning of this mechanism in terms of the implementation of the principles of appeal, the internal content of this subjective right, ways and means of its implementation, including procedural rules for filing a complaint, appeals to officials and bodies authorized to consider complaints, demanding knowledge of actions (inaction) and decisions illegal in order to protect the rights and legitimate interests.

Important for the study was the hypothesis about the imperfection of the legislative model of the right to appeal in pre-trial proceedings in general and its individual aspects, the presence of shortcomings of regulatory legal regulation, as evidenced by negative assessments of scientists and practitioners.

Keywords: pre-trial criminal proceedings, appeal, principle, mechanism of appeal, procedure, complaint, abuse of right, scientific research.

Введение

Отечественный уголовный процесс является важной составляющей охраны правопорядка и обеспечения законности. Следует заметить, что достижение целей уголовного судопроизводства осуществляется с учетом интересов общества путем поддержания демократических ценностей. В уголовно-процессуальных нормах содержится значительное количество положений, гарантирующих приоритет прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс. К одному из таких положений относится институт обжалования.

Необходимо заметить, что право на пересмотр вынесенного судебного акта, закреплено на международном уровне, что доказывает его значимость и универсальность в рамках регламентации уголовно-процессуальных отношений. Например, в ч. 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года¹ закреплены положения о том, что любой субъект права, который привлечен к уголовной ответственности, имеет право на то, чтобы его осуждение было пересмотрено вышестоящими судебными инстанциями. Аналогичные права закреплены в протоколе № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (22 ноября 1984 г.) от 4 ноября 1950 года².

Рассматривая отечественное законодательство, следует подчеркнуть, что Основной закон России – Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 46 закрепила не только право на пересмотр судебного акта, а также право на обжалование решений и действий (бездействия) органов

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (рус., англ.) (с изм. на 24 июня 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

расследования в суд. Детализация названного права нашла свое отражение в УПК РФ. В названном нормативном правовом акте был закреплен принцип обеспечения права на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19), право обжалования действий (бездействия), решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (ст. 123), а также иные положения института обжалования.

Право на обжалование соотносится с субъективными правами, так как является волеизъявлением заявителя жалобы. В свою очередь субъективное право на обжалование участниками досудебных стадий неразрывно связано с назначением уголовного судопроизводства, а именно, с реализацией законодательного предписания, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод.

Как справедливо отмечает профессор В.А. Семенов: «правотворческие меры по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство, а также гармонизация процессуальных средств, которые направлены на выполнение назначения института отправления правосудия, не всегда достигают своих целей, а иногда приводят к возникновению новых проблем, препятствующих оптимизации средств правообеспечения». Указанный тезис, в том числе, относится к праву на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

В следственных органах в 2020 г. рассмотрено 451 852 обращения (с учетом жалоб, разрешенных в порядке ст. 124 УПК РФ)¹. В органах прокуратуры Российской Федерации в 2020 г. в порядке ст. 124 УПК РФ поступило 342 934 жалобы, из них, удовлетворено 46 207 (13,4 %), а за аналогичный период 2019 г. – 380 755, удовлетворено 53 641 (14%). В прокуратуру Краснодарского края в 2020 г. поступило 24 368 жалобы, удовлетворено 4 128 (17%)².

В соответствии со статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2021 г. в порядке ст. 125 УПК РФ в суды поступило 56 037 материалов. Из них удовлетворено 2 210 (3,9%), отказано в удовлетворении 10 018 (17,8%). Однако подавляющее большинство жалоб вообще не получили своего разрешения, поскольку по 41 806 (74,6%) из них производство прекращено, либо жалобы отозваны, возвращены, переданы по подсудности³.

Указанные сведения демонстрируют не только масштабность применения обжалования в досудебном производстве как средства защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, но и количество потенциальных нарушений закона со стороны уполномоченных органов, что свидетельствует о необходимости оптимизации законодательных положений, регулирующих порядок обжалования. Таким образом, статистические показатели свидетельствуют об актуальности исследования, а также о ряде практических проблем, которые требуют своего разрешения и правового вмешательства.

Методы исследования

Методологической основой изучения субъективного права на обжалование в досудебном судопроизводстве послужил общепринятый диалектический метод научного познания общественных процессов. Сравнительно-правовой и системно-функциональные методы позволили сделать выводы о содержании понятия субъективного права на обжалование и механизме его реализации. В ходе исследования применялись такие общенаучные методы познания как обобщение, абстрагирование, прогнозирование, моделирование, сравнение, формализация индукция, дедукция, логический и др. Использование названных методов позволило осуществить комплексный анализ субъективного права на обжалования в досудебном судопроизводстве, выявить его сущность, определить недостатки правовой регламентации и сформулировать предложения по совершенствованию названного института.

Результаты исследования

Взгляды автора на субъективное право обжалования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства находят отражение в следующих выводах.

¹ Справка о результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан за 2020 год [сайт]. Следственный комитет РФ; 2021 [процитировано 22 ноября 2021]. Доступно: <https://sledcom.ru/about>.

² Статистические данные прокуратуры Краснодарского края за 2020 год // Архив прокуратуры Краснодарского края 2020 г.

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2021 г.: судебная статистика [сайт]. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации; 2021 [процитировано 22 ноября 2021]. Доступно: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>.

1. Теоретическое и правоприменительное значение обжалования в досудебном производстве требует формулирование понятия субъективного права на обжалование, создания и внедрения в уголовное судопроизводство специального правового механизма, который бы в наибольшей степени позволял достичь его цели, закрепленной в ст. 6 УПК РФ.

В числе проблем действующего законодательного регулирования субъективного права обжалования можно указать следующие: 1) отсутствие необходимой единой основы обжалования; 2) недостаточная детализация уголовно-процессуальной формы, регламентирующей как обязательные элементы самой жалобы, так и порядка ее подачи. Результатом такого регулирования является отсутствие соответствующей основы для действенной защиты совокупности прав и законных интересов субъектов уголовного процесса, наделенных правом обжалования.

2. Механизм реализации рассматриваемого права должен содержать запрет на злоупотребление этим правом. Для единого понимания критериев злоупотребления правом обжалования необходимо определить в законе присущие им требования (применительно к цели и предмету обжалования, отсутствию указания на допущенное нарушение, включения заведомо недостоверных сведений и др.), а также предусмотреть механизм защиты от действий по злоупотреблению этим правом.

Научная дискуссия

Анализ международной и отечественной регламентации субъективного права на обжалования позволяет выделить ряд признаков такого права:

Во-первых, рассматриваемое право носит всеобщий характер, означающее, что обжалованию подлежат любые действия (бездействие) и решения уполномоченных должностных лиц, принятые в ходе досудебного производства и которые, по мнению заявителя, затрагивают либо нарушают его права и интересы, причиняют ущерб, затрудняют доступ к правосудию. Перечень решений и действий (бездействия) уполномоченных лиц, закрепленный в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, который можно обжаловать, не является исчерпывающим. Данный перечень расширен в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1¹ (далее – ППВС от 10 февраля 2009 г. № 1). Кроме этого, согласно ст. 125 УПК РФ можно также обжаловать решения и действия должностных лиц в связи с реализацией полномочий по уголовному преследованию.

Во-вторых, к числу субъектов права, которые могут обжаловать действия или решения уполномоченных органов в досудебном уголовном судопроизводстве, относятся не только участники уголовно-процессуальных отношений, но и иные субъекты права, в случае, если затрагиваются их законные интересы (ч. 1 ст. 123 УПК РФ). К таким субъектам, в соответствии с п. 5 ППВС от 10 февраля 2009 г. № 1 относятся действующий в интересах заявителя защитник, законный представитель или представитель, поручитель (при избрании меры пресечения в порядке ст. 103 УПК РФ, лицо, которому несовершеннолетний отдан под присмотр, залогодатель при избрании залога в порядке ст. 106 УПК РФ, лицо, которому отказано в возбуждении уголовного дела, лицо, чье имущество повреждено или изъято при производстве следственных действий (выемки или обыска).

В-третьих, обжалование имеет обязательный характер в контексте рассмотрения и разрешения жалобы по существу. По смыслу ст.ст. 124 и 125 УПК РФ жалоба подлежит удовлетворению (в полном объеме или частично) либо отказу в удовлетворении. Считаем, что главной задачей эффективного обжалования в досудебных стадиях уголовного процесса является разрешение жалобы, так как рассматриваемое субъективное право необходимо признать неотъемлемым для каждого лица, вовлеченного в уголовно-процессуальные правоотношения.

В процессе реализации субъективного права заинтересованного лица на обжалование суд не имеет права отказывать в принятии жалобы, мотивируя отсутствием оснований, так как именно наличие либо отсутствие оснований, служит предметом судебного рассмотрения. Следует подчеркнуть, что отказ в принятии жалобы к рассмотрению не предусмотрен в порядке ст. 125 УПК РФ.

При таком правовом регулировании данного вопроса Верховный Суд РФ, подменяя собой законодателя, в п.п. 7-9 ППВС от 10 февраля 2009 г. № 1 предусматривает возможность вынесения постановления об отказе в принятии жалобы к рассмотрению в ряде случаев. Например, суд может отказать в принятии жалобы в случае отсутствия информации о том, какие действия или решения подлежат обжалованию; к жалобе не приложены документы, подтверждающие полномочия

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 (ред. от 29.11.2016 г.) // Российская газета. 2009. 18 февраля.

заявителя; в случае, если тождественная жалоба с аналогичными доводами удовлетворена прокурором; если будет установлено, что уголовное дело, по которому поступила жалоба, направлено в суд для рассмотрения по существу либо по делу вынесено окончательное постановление и т.д.

Реализация участниками со стороны защиты в рамках досудебного производства права на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) является основой для реализации иных принципов уголовного процесса, которые содержатся в ст.ст. 6.1, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16 УПК РФ.

На основании изложенного, вызывает интерес позиция профессора О.В. Гладышевой, согласно которой в числе субъективных прав участников уголовного судопроизводства можно выделить материальные и процессуальные права. В свою очередь, процессуальные права являются средством реализации материальных прав¹.

Соглашаясь с такой классификацией, отнесем право на обжалование (в том числе в досудебном производстве) к числу процессуальных (процедурных) прав, которое является средством реализации материальных прав участников уголовного судопроизводства, которыми они обладают в силу уголовно-процессуального статуса. Лица, наделенные правовым статусом в уголовном судопроизводстве, а также заявители, права и законные интересы которых нарушены произведенными действиями (бездействием), принятыми решениями, обладают в силу закона особыми правами, которые выступают средствами (способами) защиты охраняемых законом интересов.

В отечественной уголовно-процессуальной науке по вопросу определения субъективных прав высказываются различные суждения. Анализ юридической литературы позволяет говорить о многообразии научных взглядов по этой проблематике. Так, например, традиционно еще в советской доктрине было определено, что с каждым субъективным правом участника уголовного процесса соотносится чья-то обязанность, и наоборот: наличие определенной обязанности непременно означает наличие конкретного субъективного права [14, с. 11].

На современном этапе в научной литературе отмечается, что любое субъективное право содержит в себе полномочия действовать, пользоваться, требовать и защищаться, а также то, что субъект при реализации названного права имеет возможность распоряжаться им по собственному усмотрению, опираясь на свои законные интересы [4, с. 29]. Кроме этого, в научных кругах отмечается, что любое субъективное право выступает инструментом защиты интересов, в связи с чем, оно нуждается в процессуальных средствах обеспечения², утверждается, что государство определяет субъективные права и юридические обязанности, субъектов, представляющих государство, а также обеспечивает их реальное осуществление при разрешении юридических конфликтов уголовно-правового характера» [15, с. 7].

Есть также мнение, что в уголовном судопроизводстве должностные лица обладают исключительно дискреционным усмотрением, а не субъективными правами, о которых можно говорить только применительно к частным лицам [10; 11, с. 383]. Высказывается суждение, что все субъективные права имеют правозащитный характер и личность имеет право требовать соблюдения и исполнения органами расследования гарантированных законом норм, в том числе путем реализации права на обжалование [1, с. 31].

Представляется, что субъективное право на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства – это заявление и направление в адрес уполномоченных должностных лиц и государственных органов обращения участников со стороны обвинения, защиты, иных лиц, с выражением несогласия с принятым решением или произведённым действием (бездействием), включающем требование отменить соответствующее процессуальное действие, признать незаконным бездействие либо принятое решение, а его результаты не имеющими юридической силы, доказательственного значения в целях защиты своих прав и законных интересов. Право на обжалование является благом, которое подлежит реализации, защите, восстановлению (в некоторых случаях), поэтому необходимо определить механизм реализации этого права в досудебном производстве.

Думается, что механизм реализации права на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства включает в себя ряд элементов:

¹ Гладышева О.В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 196.

² Там же. С. 198.

1. *Право знать об обжалуемых решениях, действиях (бездействии) и право знать о возможности подачи жалобы (восстановление в необходимых случаях этого права).*

Обеспечение этого права осуществляется посредством обязанности органами расследования информировать (уведомлять) о принятых решениях заинтересованных участников. Такая обязанность заключается в разъяснении возможности на обжалования, что является одним из элементов принципа, установленного в ст. 11 УПК РФ.

Любой принцип уголовного судопроизводства, в том числе, указанный выше, должен пронизывать всю уголовно-процессуальную деятельность, как досудебное, так и судебное производство, а также развиваться за счет совершенствования законодательных конструкций в тексте УПК РФ. Поэтому необходимо насыщение уголовно-процессуального законодательства дополнительными обязанностями уведомления для реализации прав участников досудебного производства на получение процессуально значимой информации.

О неразъяснении участникам досудебного производства их процессуальных прав нередко упоминается учеными-процессуалистами. В частности, А.И. Александров указывает, что рассеянность лица, осуществляющего расследование уголовного дела о необходимости разъяснить право на обжалование его действий или решений участникам уголовно-процессуальных отношений, приводит к невозможности реализовать названное право и восстановить нарушенные законные интересы [2, с. 16].

Другой проблемный аспект – возможность ознакомления с документами и материалами, которые легли в основу принимаемого процессуального решения. Законодательством (ч. 4 ст. 48 УПК РФ) предусматривается процедурность направления копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, с информированием о праве его обжалования. Тем не менее заявитель не вправе знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении, хотя эта информация может ему существенно помочь при подготовке жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

На страницах периодической печати встречаются предложения о введении обязанности уведомления и разъяснения участникам уголовного судопроизводства на досудебных стадиях действий и решений органа расследования, с фиксацией такого уведомления в отдельном протоколе. Обосновывается, например, необходимость внести в уголовно-процессуальное законодательство норму, которая бы закрепила подобную регламентацию, описанную выше [8, с. 9]. Однако введение отдельного протокола в данном случае представляется излишним по той причине, что ч. 2 ст. 218 УПК РФ предусматривается запись о разъяснении обвиняемому его прав, указанных в ч. 5 ст. 217 УПК РФ, в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела.

2. Запрет злоупотребления правом на обжалование.

Относительно проблемы злоупотребления правом на обжалование в литературе обычно указывается, что чаще всего оно допускается со стороны подозреваемого, обвиняемого и защитника. Так, Р.В. Ярцев и О.А. Безруков по этому поводу пишут, что жалобы, которые содержат в себе искусственный спор и преследуют цель не защиты прав и законных интересов, а дезорганизацию работы по отправлению правосудия, влечёт создание предпосылок для злоупотребления правом заявителя [17, с. 24].

Анализируя проблему злоупотребления правом, следует согласиться с мнением Н.А. Колоколова, который указывает, что отечественным правоприменителям еще предстоит научиться отграничивать злоупотребление от сходных правовых явлений; выявить специфические признаки злоупотребления как правового поведения [9, с. 227]. Считаем, что правильную позицию выражает С.А. Гордейчик, указывающий на отсутствие в законодательстве надежного механизма защиты от действий по злоупотреблению правом на обжалование [6, с. 21].

Надо признать, что злоупотребления такого рода действительно иногда бывают на практике, причем, как правило, среди участников со стороны защиты. Так, имеются случаи множественных фактов подачи жалоб по одному и тому же предмету, либо принесения необоснованных жалоб без указания на допущенное нарушение прав заявителя и спустя длительный срок с момента производства процессуального действия или принятия решения и др. Как же распознать, имеет место именно злоупотребление правом на обжалование процессуальных действий или решений или участник добросовестно реализует предоставленное ему Конституцией и уголовно-процессуальным законом право? Нормативное понятие «злоупотребление правом» не выработано [16, с. 55].

По мнению О.И. Андреевой, злоупотребление субъективными правами со стороны участников уголовного процесса зачастую затруднительно отграничить от правомерного поведения [3, с. 915].

О.В. Желевой выделяются следующие разновидности злоупотребления правом на судебное обжалование в досудебном производстве, связанные с его предметом: «подача заведомо неосновательной жалобы; доводы заявителя носят искусственный характер; заявитель осознает законность и обоснованность действий (бездействия), решений государственного органа или должностного лица, но, обжалует их с целью затянуть расследование; подача беспредметной жалобы, в которой не называется, какое именно решение, действие (бездействие) следует признать незаконным» [7, с. 169].

Европейский Суд по правам человека в одном из своих решений причислил к беспредметным жалобам обращения, носящие оскорбительный характер в силу отсутствия в них указания на действительный повод и основание обжалования и явно недобросовестных мотивов заявителя¹.

Попытка определить данное «злоупотребление правом» было сделано при подготовке постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», в первоначальной редакции которого предполагалось прямое указание на «злоупотребление правом» [11, с. 383]. И хотя в действующей редакции п. 18 этого постановления данный термин не используется, суть его тем не менее сформулирована: «Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц».

В отличие от западных ученых в российской доктрине понятие «злоупотребление правом» используется применительно к институту обжалования достаточно редко, обычно в контексте злоупотребления со стороны лиц, осуществляемых досудебное производство (сотрудников полиции) и суда [20].

А вот на Британских и Ирландских островах за последние два десятилетия созданы агентства, осуществляющие независимые расследования жалоб на неправомерные (незаконные) действия полиции. При этом заявляется, что независимость полиции при проведении расследования, в частности, при осмотре месте происшествия, задержании, аресте, приводит к злоупотреблению правом и нарушению прав лиц, в отношении которых это расследование осуществляется [19]. В Великобритании ставится под сомнение законность и справедливость при пересмотре приговоров судом апелляционной инстанции в тех случаях, когда суд злоупотребляет процессуальными полномочиями по исключению доказательств [21].

Значимость рассмотрения жалоб на незаконные действия (злоупотребления правом) со стороны полиции прослеживается в судебной практике Европейского суда по правам человека. В ответ на риск возникновения культуры безнаказанности со стороны полиции в некоторых европейских государствах Комиссар Совета Европы по правам человека в 2008 г. выступил с инициативой независимого и эффективного рассмотрения жалоб на действия полиции [18].

3. *Реализация права на обжалование*, то есть такие процессуальные правила, которые являются составным элементом механизма обжалования, включающего в себя способ обжалования, процедуру, выдвижение и обоснование доводов, порядок и сроки подачи жалоб, их принятия, уведомления о принятом по жалобе решении.

Для цели нашего исследования отметим еще одно обстоятельство. Обжалование является универсальным процессуальным средством, применение которого допускается на любом этапе уголовного судопроизводства, принадлежит практически любому его участнику. Правила обжалования весьма разнообразны и зависят от должностного лица или органа, рассматривающего жалобу, участника, реализующего соответствующую деятельность и иных обстоятельств.

Реализация рассмотренного права, его процессуальные правила должны создавать равные условия для возможности действовать, пользоваться, требовать и защищаться любым участником досудебного производства, независимо от его процессуального статуса (либо его отсутствия) а также субъекта рассмотрения жалобы.

Для устранения проблемных вопросов обжалования в практике его применения необходимо законодательно урегулировать несколько моментов:

¹ Постановление ЕСПЧ от 6 апреля 2006 года по делу «Черницын (Chernitsyn) против России», жалоба № 5964/02 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

1) определить инстанционность обжалования в досудебном производстве, а именно, предусмотреть подачу жалобы на первом этапе руководителю следственного органа или прокурору в порядке ст. 124 УПК РФ, а в случае отказа в ее удовлетворении, в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, что исключит одновременную подачу жалоб (на одни и те же действия (бездействие), решения по одним и тем же основаниям) и оставления таких жалоб без удовлетворения;

2) также необходимо предусмотреть в законе требования к содержанию жалобы (наименование должностного лица или органа, в который она подается, указание на обжалуемое действие(бездействие), решение, данные о заявителе, доводы и основания о признании действий и решений незаконными, перечень прилагаемых документов, подпись заявителя).

Ранее мы отмечали, что «возможность подачи жалобы в устной форме или как электронного документа в не меньшей степени гарантирует эффективность реализации права граждан, особенно в случаях, когда электронное общение становится основным» [13, с. 41]. В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни с учетом внедрения электронного документооборота, продолжающейся сложной эпидемиологической ситуации в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) назрела необходимость законодательно урегулировать возможность подачи цифровой жалобы с использованием электронной подписи.

Список использованной литературы:

1. Авдеева Е.В. Уважение чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве. *Российский судья*. 2020;(3):31–34.
2. Александров А.И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы. *Российский следователь*. 2019;(8):15–18.
3. Андреева О.И., Григорьев В.Н., Зайцев О.А., Трубникова Т.В. Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования. *Всероссийский криминологический журнал*. 2018;12(6):914–924.
4. Валов С.В. Субъективные права и юридические обязанности следователя. *Российский следователь*. 2020;(4):29–33.
5. Головкин Л.В. Отечественное понятие «право на судебную защиту» и европейское понятие «право на доступ к правосудию»: попытка функционального сравнения. *Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика*: сб. ст. по материалам между-нар. науч.-практ. конф. / под. ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та; 2007.
6. Гордейчик С.А. Злоупотребление правом обжалования в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. *Адвокатская практика*. 2020;(2):21–22.
7. Желева О.В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. *Вестник Томского государственного университета*. 2016;(405):168–172. DOI: 10.17223/15617793/405/24.
8. Иванов Е.Е. Уведомление участников судопроизводства на досудебных стадиях: усилить гарантии. *Актуальные проблемы российского права*. 2020;15(4):99–109. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.099-109>.
9. Колоколов Н.А. В чем суть злоупотребления правом на

References:

1. Avdeeva E.V. [Respect for the honor and dignity of the individual in criminal proceedings]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2020;(3):31–34. (In Russ.)]
2. Aleksandrov A.I. [Ensuring the Right of the Accused (Suspect) to a Defense in the Criminal Procedure of Russia: Current Problems]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*. 2019;(8):15–18. (In Russ.)]
3. Andreeva O.I., Grigor'ev V.N., Zaitsev O.A., Trubnikova T.V. [Abuse of right, its prevention and suppression in the criminal process of Russia: some results of the study]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*. 2018;12(6):914–924. (In Russ.)]
4. Valov S.V. [Subjective rights and legal duties of an investigator]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*. 2020;(4):29–33. (In Russ.)]
5. Golovko L.V. [The domestic concept of "right to judicial protection" and the European concept of "right of access to justice": an attempt of functional comparison]. *The right to judicial protection in criminal proceedings: European standards and Russian practice*: collection of articles based on materials of the inter-national scientific-practical conference / Ed. by M.K. Sviridov. Tomsk: Published by Tomsk State University; 2007. (In Russ.)]
6. Gordeichik S.A. [Abuse of the right of appeal under Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Advokatskaya praktika = Advocacy practice*. 2020;(2):21–22. (In Russ.)]
7. Zheleva O.V. [Abuse of the right to appeal actions (inaction) and decisions of state bodies and officials engaged in criminal prosecution to the court]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2016;(405):168–172. DOI: 10.17223/15617793/405/24 (In Russ.)]
8. Ivanov E.E. [Notification of participants in court proceedings at the pre-trial stages: Strengthen safeguards]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2020;15(4):99–109. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.099-109> (In Russ.)]
9. Kolokolov N.A. [What is the essence of the abuse of

- обжалование? Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт; 2016. Т. 1.
10. Качалов В.И. Уголовно-процессуальные особенности апелляционного пересмотра судебных решений, принятых в ходе исполнения приговора. *Вестник Томского гос. ун-та*. 2017;(417):195–202.
DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/417/28>.
11. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут; 2021.
12. Гладышева О.В., Потапенко С.В., Семенов В.А. Уголовно-процессуальные средства обеспечения имущественных и личных неимущественных прав: монография. Краснодар: КубГУ; 2020.
13. Семенов В.А., Рудакова С.В. Современные проблемы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;(2):33–42.
DOI: <https://doi.org/10.31426/20785836-13-2-33-42>.
14. Строгович М.С. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР; 1946.
15. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. Москва: Контракт; 2019.
16. Химичева О.В., Шаров Д.В. Право на обжалование в досудебном производстве: свобода и злоупотребление. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2020;(3):53–59.
17. Ярцев Р.В., Безруков О.А. Злоупотребление правом – основание отказа в принятии заявления. *Мировой судья*. 2017;(5)23–27.
18. Clarke A. Safety or supervision? The unified ground of appeal and its consequences in the law of abuse of process and exclusion of evidence. *CRIMINAL LAW REVIEW*. 1999. Pp. 108–116.
19. Savage S.P. Thinking Independence: Calling the Police to Account through the Independent Investigation of Police Complaints. *The British Journal of Criminology*. 2013;53(1):94–112.
DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/azs056>.
20. Smith G. Every complaint matters: Human Rights Commissioner's opinion concerning independent and effective determination of complaints against the police. *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2010;38(2):59–74.
DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2010.03.001>.
21. Uzla A. Viewpoints on the Admissibility of the Complaint Against Acts and Measures of Criminal Investigation Addressed to the Court. *Logos universality mentality education novelty*. 2013. Pp. 973–980.
DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.08.786>.
- the right of appeal?] Practice of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / ed. by V.M. Lebedev. M.: Yurite; 2016. T. 1. (In Russ.)]
10. Kachalov V.I. [Criminal and procedural peculiarities of appellate review of judicial decisions made during the execution of a sentence]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta = Vestnik of Tomsk State University*. 2017;(417):195–202.
DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/417/28> (In Russ.)]
11. [Criminal Procedure Course] / Ed. by L.V. Golovko. Moscow: Statute; 2021. (In Russ.)]
12. Gladysheva O.V., Potapenko S.V., Sementsov V.A. [Criminal procedural means of ensuring property and personal non-property rights]. Krasnodar: KubGU; 2020. (In Russ.)]
13. Sementsov V.A., Rudakova S.V. [Modern Problems of Appeal in Domestic Criminal Proceedings]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Kuban State University*. 2021;(2):33–42.
DOI: <https://doi.org/10.31426/20785836-13-2-33-42> (In Russ.)]
14. Strogovich M.S. [Criminal Procedure]. Moscow: Juridical Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR; 1946. (In Russ.)]
15. [Criminal-jurisdictional activity in the context of digitalization] / N.A. Golovanova, A.A. Gravina, O.A. Zaitsev et al. Moscow: Kontrakt; 2019. (In Russ.)]
16. Khimicheva O.V., Sharov D.V. [The right to appeal in pre-trial proceedings: freedom and abuse]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2020;(3):53–59. (In Russ.)]
17. Yartsev R.V., Bezrukov O.A. [Abuse of right is the basis for refusal to accept the application]. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*. 2017;(5)23–27. (In Russ.)]
18. Clarke A. Safety or supervision? The unified ground of appeal and its consequences in the law of abuse of process and exclusion of evidence. *CRIMINAL LAW REVIEW*. 1999. Pp. 108–116.
19. Savage S.P. Thinking Independence: Calling the Police to Account through the Independent Investigation of Police Complaints. *The British Journal of Criminology*. 2013;53(1):94–112.
DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/azs056>.
20. Smith G. Every complaint matters: Human Rights Commissioner's opinion concerning independent and effective determination of complaints against the police. *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2010;38(2):59–74.
DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2010.03.001>.
21. Uzla A. Viewpoints on the Admissibility of the Complaint Against Acts and Measures of Criminal Investigation Addressed to the Court. *Logos universality mentality education novelty*. 2013. Pp. 973–980.
DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.08.786>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рудакова Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9448-8355>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Rudakova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Criminal Procedure of
the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9448-8355>

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО:
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ADMINISTRATIVE LAW:
ADMINISTRATIVE PROCESS

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-86-92>

**ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ:
ВОПРОСЫ ОБЩЕПРОЦЕССУАЛЬНОЙ И
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ**

Табельский С.В.

Прокуратура Краснодарского края
(Советская ул., д. 39, г. Краснодар, Россия, 350063)

Ссылка для цитирования: Табельский С.В. Проблемы содержательной характеристики административно-процессуальных правоотношений: вопросы общепроцессуальной и конституционно-правовой теории. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(1):86–92. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-86-92>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Табельский Сергей Владимирович, прокурор Краснодарского края
Адрес: Советская ул., д. 39, г. Краснодар, Россия, 350063
Тел.: +7 (861) 214-38-58
E-mail: kafedrakiap.21@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 06.12.2021

Статья принята к печати: 11.01.2022

Дата публикации: 02.02.2022

Аннотация: Целью работы выступает изучение явления, смысл которого определяет сущность административно-процессуальных правоотношений, а именно – содержания административно-процессуального правоотношения исходя из представлений общей теории права о содержании правоотношения с учетом особенностей отраслевой направленности норм административно-процессуального и материального административного права. Соответственно, *задачами* работы является: определение природы процессуального права и процессуальной обязанности в административном процессе, их видов и соотношения применительно к характеристике участников административного процесса.

Цели и задачи работы определили *методологию* исследования, в основу которой положены общеправовые эвристические методы, а также метод сравнительного анализа, системно-структурный метод.

Принципиальным *результатом* данной работы выступает мысль о том, что модель соотношения прав и обязанностей сторон в административно-процессуальном правоотношении может быть многовариантной. Не всегда процессуальному праву лица соответствует обязанность противостоящего ему в процессе субъекта. Кроме того, отсутствие процессуальной обязанности не лишает лица его процессуального права. Состав и соотношение конкретных процессуальных прав и обязанностей в административном процессе зависит от вида производства, характера участия в деле и характера самого права и обязанности. С учетом того, что судебный административный процесс строится по классической парадигме юрисдикционного производства, часть прав и обязанностей в процессе возникает перед судом, а не перед противостоящим процессуальным субъектом.

Ключевые слова: административный процесс, административно-процессуальное правоотношение, субъективное административно-процессуальное право, субъективная административно-процессуальная обязанность.

PROBLEMS OF THE SUBSTANTIVE CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE PROCEDURAL LEGAL RELATIONS: ISSUES OF GENERAL PROCEDURAL AND CONSTITUTIONAL LEGAL THEORY

Sergey V. Tabelsky

Prosecutor's Office of the Krasnodar Territory
(Soviet str., 39, Krasnodar, Russia, 350063)

Link for citation: Tabelsky S.V. Problems of the substantive characteristics of administrative procedural legal relations: issues of general procedural and constitutional legal theory. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(1):86–92. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-86-92>

CONTACT INFORMATION:

Sergey V. Tabelsky, Prosecutor of the Krasnodar Territory

Address: Soviet str., 39, Krasnodar, Russia, 350063

Tel.: +7 (861) 214-38-58

E-mail: kafedrakiap.21@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 06.12.2021

The article has been accepted for publication: 11.01.2022

Date of publication: 02.02.2022

Annotation: The aim of the work is to study the phenomenon, the meaning of which determines the essence of administrative procedural legal relations, namely, the content of administrative procedural legal relations based on the ideas of the general theory of law on the content of legal relations, taking into account the peculiarities of the sectoral orientation of the norms of administrative procedural and substantive administrative law. Accordingly, the tasks of the work are: determination of the nature of procedural law and procedural obligations in the administrative process, their types and relationships in relation to the characteristics of the participants in the administrative process.

The goals and objectives of the work determined the research methodology, which is based on general philosophical heuristic methods, as well as the method of comparative analysis, system-structural method.

The principal result of this work is the idea that the model of the relationship between the rights and obligations of the parties in the administrative procedural legal relationship can be multivariate. The duty of the subject opposing him in the process does not always correspond to the procedural law of a person. In addition, the absence of a procedural obligation does not deprive a person of his procedural right. The composition and balance of specific procedural rights and obligations in the administrative process depends on the type of proceedings, the nature of participation in the case and the nature of the right and obligation itself. Taking into account the fact that the judicial administrative process is built according to the classical paradigm of jurisdictional proceedings, part of the rights and obligations in the process arise before the court, and not before the opposing procedural subject.

Keywords: administrative process, administrative procedural legal relationship, subjective administrative procedural law, subjective administrative procedural obligation.

Введение

Содержание административно-процессуальных правоотношений является ключевым элементом, определяющим сущность правоотношения данного типа. От содержания правоотношения зависит характер возможностей сторон в административном процессе. Хотя в российской науке укоренилось понимание содержания правоотношения как «установленные законом взаимные

субъективные права и юридические обязанности субъектов, которые предопределяют поведение их в рамках складывающихся правоотношений» [5], мы в работе пытаемся доказать необходимость корректировки такого концептуального подхода.

Это обусловлено не только дифференциацией административно-процессуальных производств, но и учетом характера, набора прав и обязанностей сторон в административном процессе. Сами эти права и обязанности требуют своей теоретической дефиниции отличной от относящейся к материальным правам и обязанностям.

Проблема выделения и анализа субъективных процессуальных публичных прав лиц, как элемента административно-процессуальных правоотношений, обусловлена не конъюнктурой [1, с. 125], а стремлением к качественному переосмыслению соотношения субъективных процессуальных публичных прав и обязанностей в публичных правоотношениях вообще и в административно-процессуальных, в частности.

Методы исследования

Цели и задачи работы определили методологию исследования, в основу которой положены общеправовые эвристические методы, а также методы сравнительного анализа, системно-структурный метод, а также методы сравнительной компаративистики для учета достижений зарубежных юридических школ [19, с. 232–251].

Результаты исследования

Отсутствие в большинстве случаев диспозитивности у сторон административно-процессуальных правоотношений отнюдь не означает, что фактическая доминанта государственного органа во внесудебных производствах должна быть компенсирована некими приоритетами заявителей в административном процессе.

Не все субъективные публичные административно-процессуальные права имеют под собой материально-правовую основу. Во многом они являются автономными правами, то есть их использование без должных материально-правовых обоснований порой приводит к злоупотреблению процессуальным правом, например, правом на обращение в орган публичной власти.

Научная дискуссия

М.В. Горелов считает, что «содержание и форма процессуальных правоотношений при рассмотрении и разрешении административного дела в суде не совпадают с содержанием и формой тех процессуальных правоотношений, которые существуют во внесудебном административном процессе» [2, с. 22–24]. Кроме того, утверждается, что «определение формы и содержания судебного административного процесса неразрывно связано с определением содержания и формы административного процессуального правоотношения в судебном административном процессе» [3, с. 57]. Именно в силу такого рода обстоятельств важно дать понятие субъективного административного процессуального права и обязанности.

Американский юрист У. Хофельд выделяет четыре пары соотношения «прав-обязанностей»: право-обязанность, свобода-бесправие, власть-ответственность, иммунитет-ограничение [6, с. 360]. Если использовать данную конфигурацию соотношения прав и обязанностей, то применительно к административно-процессуальным правоотношениям, то можно по аналогии с мыслями У. Хофельда о том, что «внутренняя природа независимых первичных прав – будь они вещными или личными правами – не зависит от характера судебных процессов, которыми они могут быть защищены» [13, с. 141], сказать, что первичные материальные права и обязанности не всегда влияют на выбор характера процесса и, соответственно, процессуальных отношений.

Таким образом, можно сказать о том, что первичные материальные права и обязанности сторон правоотношения по-разному трансформируются в процессуальные права. Типичным примером в этом смысле выглядят, например, служебные споры, которые являясь по сути материальными административными, разрешаются в соответствии с известным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 года № 36 (ред. от 17.12.2020 г.) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»¹ в порядке гражданского искового судопроизводства. Вообще, вновь возникла идея процессуальной конвергенции, сторонники которой утверждают, что «анализ процессуальных норм и институтов, отнесенных законодателем к разным процессуальным отраслям, дает основания утверждать, что сходств между разными видами судебной деятельности значительно больше, чем принято считать, различия не всегда имеют объективные основания, а межотраслевая процессуальная конвергенция вновь актуализирует идею судебного права» [14, с. 115]. Однако,

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11; Российская газета. 2020. 30 декабря.

зарубежные доктрины (как, впрочем, и большинство отечественных) идут по пути дифференциации процессов, включая административный процесс [17, с. 109–131]. Нельзя сказать, что проблема соотношения гражданского и административного судебного процессов и соответствующих правоотношений характерна только для российской юридической науки. Подобные проблемы обсуждаются на концептуальном уровне, например, в Бразилии [16, с. 93–113], в Украине [20, с. 134–138], прибалтийских государствах.

Рассматривая отношения типа «суд-административный истец» М.Б. Зеленцов и О.А. Ястребов пишут о том, что «из содержания такого рода конкретных правоотношений, предусмотренных нормами процессуального права, складывается общее содержание единого административно-процессуального отношения, каковым в целом является судебный административный процесс по конкретному делу. В этом смысле судебный административный процесс представляет собой комплексное административно-процессуальное правоотношение, содержание которого включает определенную совокупность всех процессуальных действий суда и участников процесса в рамках производства по одному административному делу» [5, с. 264].

Склоняются к позиции сведения содержания административно-процессуальных правоотношений к спорным правоотношениям Л.Л. Попов и Ю.И. Мигачев, утверждая, что к числу административно-процедурных относятся «отношения административно-процессуального характера, в которых стороны занимают равноправное положение (например, в рамках производства по жалобам граждан, по делам об административных правонарушениях). Содержанием этих отношений является рассмотрение административно-правовых споров» [8].

Указание на данную дискуссию носит важный характер в связи с тем, что от того насколько широко будет определен объем предмета и объекта административно-процессуального правоотношения зависит и сущностная характеристика характера тех процессуальных прав и обязанностей, которые входят в содержание административно-процессуальных правоотношений.

Процессуальные права и обязанности как элементы содержания административно-процессуальных правоотношений являются разновидностью субъективных публичных прав физических лиц и организаций, наделенных процессуальной правосубъектностью. Проблема выделения и анализа субъективных публичных прав лиц, обусловлена не только охранительным и юрисдикционным характером административного процесса, но и дисбалансом равенства между сторонами административного процесса.

Субъективным требованиям публичной административной власти граждан или организация противопоставляют субъективное публичное административно-процессуальное право и наоборот. В связи с этим следует более глубоко коснуться самого понимания субъективных публичных прав и обязанностей граждан в сфере процессуальной деятельности. Проблема эта вытекает из общего вопроса о правах и свободах человека и гражданина. Современные теории прав и свобод человека, заложенные в науке конституционного права, вытекают, в основном, из идеи естественного права, которая исходит из того, что:

- во-первых, наряду с «писанным правом», состоящим из совокупности правовых норм, существует неписаное, моральное право, которое проистекает из самой сущности человека;
- во-вторых, естественное право не всегда соответствует законодательству;
- в-третьих, права человека составляют значительную часть естественного права [9].

Оставляя за юрисдикционным органом определённую долю прав, юридические доктрины Европы (в том числе и России) в форме субъективных публичных прав защищают частные интересы от возможно искажённого государственного вмешательства [18, с. 221–224]. Однако, такого рода соотношение не является абсолютным. Сами по себе публичные права – это мера возможного поведения управомоченного субъекта в сфере публичных отношений. В то же время В.Н. Дурденевский считал, что субъективное право – это «предоставленная субъективным правом порядком возможность действовать с целью осуществления тех или иных человеческих интересов» [4, с. 82]. С точки зрения рассмотрения вопроса о содержании административно-процессуального правоотношения очень важно иметь ввиду, что субъективное публичное право включает в себя не только возможность действовать самому носителю субъективного права, но и требовать от лиц, наделённых государственно-властными полномочиями, определённого поведения, если такое поведение обуславливает существование субъективного публичного права.

Например, прокурор, обнаружив нарушение субъективного публичного права лица может при наличии информации о нарушении прав и свобод, а также иных нарушений закона, обратиться в суд

или иной юрисдикционный орган для защиты нарушенного права в соответствии со статьями 21, 26, 27 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации»¹.

Логично говорить, применительно к административно-процессуальному правоотношению не о субъективных публичных правах вообще, а о субъективных административно-процессуальных правах. Стоит обратить внимание на интересную позицию, высказанную в свое время Е.Б. Лупаревым, который, анализируя объект и предмет административно-правового спора предположил, что «*объектом спора выступают не сами субъективные публичные управленческие права, обязанности и законные интересы, а защита соответственно управленческих прав, законных интересов и порядка реализации публичных управленческих обязанностей*» [7; с. 76].

Прежде, чем решить вопрос о защите права, необходимо выяснить какие вообще публичные административно-процессуальные права предусмотрены действующим российским законодательством. Положения статьи 46 Конституции РФ о том, что каждый может обжаловать любые действия государственных и муниципальных органов и их должностных лиц создают общую процессуальную предпосылку системы субъективных административно-процессуальных прав.

Одними из важнейших в свете вопроса о содержании административно-процессуальных правоотношений являются так называемые процессуальные права: право жалобы, право на обращение в государственные и муниципальные органы (статья 33 Конституции РФ), право на защиту своих прав (статьи 45, 46 Конституции РФ). По мнению Ю.Н. Старилова сами юридические процедуры, предназначенные для реализации субъективных процессуальных прав индивида, выходят за рамки непосредственного содержания субъективных прав, являясь сутью способы обеспечения этих прав личности [12, с. 65]. В.А. Сивицкий считает, что нет оснований рассматривать обращение, например, в высшую судебную инстанцию как собственно оспаривание, не умаляя при этом значения пересмотра судебных решений [10, с. 6]. В свою очередь, В.Д. Сорокин писал, что «порядок реализации предписаний как определённого способа воздействия на поведение людей и как определённого типа правового регулирования есть административный процесс, представляющий собой определённый вид процессуальной деятельности. Процессуальные нормы регулируют не только сам процесс как порядок деятельности, но и все те отношения, которые возникают либо по поводу соответствующего процесса, либо в ходе его осуществления, либо, наконец, как его результат» [11, с. 47–48]. Думается, что указанные явления носят двойственный характер – с одной стороны они являются гарантиями реализации «первичных» процессуальных прав, а с другой – сами являются правами, хотя и реализуемыми в случае, когда лицо считает, что его как материальные, так и процессуальные права нарушены. Процедуры же реализации материальных прав и обязанностей лиц действительно выходят за рамки собственно субъективного права и являются способом его обеспечения. Достаточно сказать, что практически любая административная процедура предусматривает возможность обжалования решения по ней. Не является исключением и процессуальные процедуры связанные с наложением административных наказаний, налагаемых в судебном порядке, ибо как постановил Конституционный Суд РФ право на судебную защиту предполагает охрану прав и законных интересов гражданина не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что некоторые административные процедуры, предназначенные для реализации субъективных процессуальных прав индивида, всё же входят в непосредственное содержание субъективного права.

Список использованной литературы:

1. Бельский К.С. Феноменология административного права. Смоленск, 1995.
2. Горелов М.В. Административные процессуальные правоотношения в судебном административном процессе. *Администратор суда*. 2017;(3)22–24.
3. Горелов М.В. Административный процесс и судебный административный процесс. *Арбитражный*

References:

1. Bel'skii K.S. [Phenomenology of administrative law]. Smolensk, 1995. (In Russ.)]
2. Gorelov M.V. [Administrative procedural legal relations in judicial administrative proceedings]. *Administrator suda = Court Administrator*. 2017;(3)22–24. (In Russ.)]
3. Gorelov M.V. [Administrative process and judicial administrative process]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii*

¹ Российская газета. 1992. 18 февраля.

² По делу о проверке конституционности части второй статьи 226 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е.А. Арбузовой, О.Б. Колегова, А.Д. Кутырева, Р.Т. Насибулина и В.И. Ткачука: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 1999 года № 9-п // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2890.

и гражданский процесс. 2017;(6):55–59.

4. Дурденевский В.Н. Субъективное право и его основное разделение. *Правоведение.* 1994;(3):75–89.

5. Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: Статут; 2017.

6. Ллойд Д. Идея права / Перевод с англ. М.А. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев М.: Книгодел; 2004.

7. Лупарев Е.Б. Общая теория административно-правового спора: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та; 2003.

8. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Л.Л. Попов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: РГ-Пресс; 2019.

9. Саидов А.Х. Общеизвестные права человека. М.: МЗ-Пресс; 2002.

10. Сивицкий В.А. Оспаривание нормативных и ненормативных актов. *Юридический мир.* 1999;(1-2):6–19.

11. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право. Л., 1968.

12. Старилов Ю.Н. Административная юстиция: проблемы теории. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та; 1998.

13. Хофельд У.Н. Основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации. *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2015;3(320):139–148.

14. Шарипова А.Р. Конвергенция в процессуальных отраслях права: перспективы судебного права и уголовного процесса. *Государство и право.* 2021;(7):115–124. DOI: 10.31857/S102694520009986-5.

15. Эбзеев Б.С. Конституция. Демократия. Права человека. Москва – Черкасск: Пул.; 1992.

16. Dezan S.L. and Carmona PAC The processuality broad and disciplinary process, the light of new Civil Procedure Code. A contribution to the administrative procedural theory. *A&c-revista de direito administrativo & constitucional.* 2017;17(68):93–113.

17. Golob I. The Service of Documents in Administrative Procedural Law – A Comparative Analysis. *Central European public administration review.* 2018;16(2):109–131. DOI: 10.17573/cepar.2018.2.06.

18. Makogon B.V., Nikulin M.I., Samsonov V.N., Sorokoletova M.A., Tovstukha O.O. Objectives and Principles of Administrative Proceedings: Doctrinal Ideas and Legislative Wordings of the Eastern European Countries. *Journal of politics and law.* 2017;10(4):221–224. DOI: <https://doi.org/10.5539/jpl.v10n4p221>.

19. Rundle K. Administrative discretion and governing relationships: Situating procedural fairness. *Procedural Justice and Relational Theory: Empirical, Philosophical, and Legal Perspectives.* 2020. Pp. 232–251. DOI: 10.4324/9780429317248-16.

20. Tylchik V., Tylchik O. Guarantees of legality of

protsess = Arbitration and civil proceedings. 2017;(6):55–59. (In Russ.)]

4. Durdenevskii V.N. [Subjective law and its main division]. *Pravovedenie = Jurisprudence.* 1994;(3):75–89. (In Russ.)]

5. Zelentsov A.B., Yastrebov O.A. [Judicial administrative law: textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence"]. Moscow: Statute; 2017. (In Russ.)]

6. Lloid D. [The Idea of Law] / Translated from the English by M.A. Yumashev; scientific ed. by Yu.M. Yumashev M.: Knigodel; 2004. (In Russ.)]

7. Luparev E.B. [General theory of administrative and legal dispute]. Voronezh: Publishing House Voronezh. State University; 2003. (In Russ.)]

8. Popov L.L., Migachev YU.I. [Administrative Law of the Russian Federation: textbook] / ed. by L.L. Popov. 2nd ed., reprint. and add. Moscow: RG-Press; 2019. (In Russ.)]

9. Saidov A.KH. [Universally recognized human rights]. Moscow: MZ-Press; 2002. (In Russ.)]

10. Sivitskii V.A. [Challenging normative and non-normative acts]. *Yuridicheskii mir = The legal world.* 1999;(1-2):6–19. (In Russ.)]

11. Sorokin V.D. [Administrative procedural law]. L., 1968. (In Russ.)]

12. Starilov Yu.N. [Administrative justice: problems of theory]. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University; 1998. (In Russ.)]

13. Khofel'd U.N. [Basic legal concepts in the appendix to judicial argumentation]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of higher educational institutions. Jurisprudence.* 2015;3(320):139–148. (In Russ.)]

14. Sharipova A.R. [Convergence in procedural branches of law: perspectives of judicial law and criminal procedure]. *Gosudarstvo i pravo = State and law.* 2021;(7):115–124. DOI: 10.31857/S102694520009986-5 (In Russ.)]

15. Ehbzeev B.S. [The Constitution. Democracy. Human rights]. Moscow – Cherkassk: Pool.; 1992. (In Russ.)]

16. Dezan S.L. and Carmona PAC The processuality broad and disciplinary process, the light of new Civil Procedure Code. A contribution to the administrative procedural theory. *A&c-revista de direito administrativo & constitucional.* 2017;17(68):93–113.

17. Golob I. The Service of Documents in Administrative Procedural Law – A Comparative Analysis. *Central European public administration review.* 2018;16(2):109–131. DOI: 10.17573/cepar.2018.2.06.

18. Makogon B.V., Nikulin M.I., Samsonov V.N., Sorokoletova M.A., Tovstukha O.O. Objectives and Principles of Administrative Proceedings: Doctrinal Ideas and Legislative Wordings of the Eastern European Countries. *Journal of politics and law.* 2017;10(4):221–224. DOI: <https://doi.org/10.5539/jpl.v10n4p221>.

19. Rundle K. Administrative discretion and governing relationships: Situating procedural fairness. *Procedural Justice and Relational Theory: Empirical, Philosophical, and Legal Perspectives.* 2020. Pp. 232–251. DOI: 10.4324/9780429317248-16.

20. Tylchik V., Tylchik O. Guarantees of legality of

public administration activity: from concept to practical implementation. *Baltic journal of economic studies*. 2021;7(1):134–138.
DOI: 10.30525/2256-0742/2021-7-1-134-138.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Табельский Сергей Владимирович
прокурор Краснодарского края

public administration activity: from concept to practical implementation. *Baltic journal of economic studies*. 2021;7(1):134–138.
DOI: 10.30525/2256-0742/2021-7-1-134-138.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Tabelsky
Prosecutor of the Krasnodar Territory